Кампучийские хроники

Виктор Иванович Притула

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга воспоминаний советского журналиста-международника Виктора Притулы.

Автор описывает события своей жизни в Кампучии в 1980-х годах.

- Виктор Притула
  - КАМПУЧИЯ КАК СУДЬБА. 1975–1980
  - ПЕЧЕНЬ БУДДЫ
  - УВИДЕТЬ АНГКОР И …НЕ УМЕРЕТЬ
    - История одного путешествия
      - Глава первая
      - Глава вторая
      - Глава третья
      - Глава четвертая
      - Глава пятая
      - Глава шестая
      - Глава седьмая
      - Глава восьмая
      - Глава девятая
      - Глава десятая
      - Глава одиннадцатая
    - История одного путешествия
      - Глава первая
      - Глава вторая
      - Глава третья
      - Глава четвертая
  - РУССКАЯ КРОВЬ, ИЛИ ВИЗИТ СЛОНА. НОЯБРЬ 1980
  - ВЬЕТНАМСКИЙ ДРАЙВ
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
    - Глава одиннадцатая
    - Глава двенадцатая
    - Глава тринадцатая

- Глава Четырнадцатая
- Глава пятнадцатая

- «КУРОРТНЫЙ СЕЗОН» В КАМПОНГСАОМЕ
- ПОЛЯ СМЕРТИ. КАМПУЧИЯ ИЮЛЬ 1980
- «ВОСЬМАЯ ЖЕНА» ДЛЯ «ЧЁРНОГО ПОНЕДЕЛЬНИКА»
- ПНОМПЕНЬ. ГОД ЗЕРО. КАК ЭТО БЫЛО
- ПНОМПЕНЬ. ГОД «ЗЕРО». ЖУРНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

Виктор Притула
КАМПУЧИЙСКИЕ ХРОНИКИ

КАМПУЧИЯ КАК СУДЬБА. 1975–1980

В восьмидесятых, когда вьетнамская армия вторглась в Кампучию и в течение нескольких недель загнала «красных кхмеров» в джунгли, мы жили в замкнутом пространстве пропагандистских идеологических клише, в которых малая толика правды перемешалась с большей толикой не лжи даже, а скорее политической мифологии. Ведь нельзя же отрицать, что режим Пол Пота в Кампучии был самым страшным и кровавым революционно-коммунистическим экспериментом XX века.

Через несколько лет после возвращения из Кампучии мне удалось прочитать «освобождённый из спецхрана» платоновский «Чевенгур» я ужаснулся поразительному сходству некоторых постулатов «красного» Копёнкина и вождей «красных кхмеров».

То, что произошло в Кампучии трудно назвать диктатурой пролетариата, чем прикрывались большевики-ленинцы, или крестьянства, во имя которого воевал украинский батька Махно. Пролетариата в Камбодже никогда не было. Крестьянство же жило в условиях карнавального королевского феодализма, считая своё жалкое существование на этой земле предопределенным кармой.

Скорее это был апофеоз тирании со стороны малолетних безумцев, руководимых кучкой отмороженных ультрарадикалов, которые пытались создать некую совершенную модель азиатского коммунизма, представлявшего гремучую смесь из марксизма, троцкизма, маоизма, экзистенциализма и кхмерского национализма, в котором ненависть к вьетнамцам и китайским ростовщикам слилась с ностальгией о былом имперском величии ангкорской цивилизации.

Что такое Камбоджа в семидесятые годы?

Задворки войны в Индокитае.

Кто знает, как повернулись бы события, если бы в 1970 году в Камбодже не свергли главу государства, принца Сианука.

«На фоне разнообразных персонажей, занятых на сцене театра индокитайских войн, Сианук являлся яркой личностью — королем, которого избрали в правители Камбоджи, точно простого гражданина. Он был посредственным художником, хорошим джазовым саксофонистом и бесталанным актером, финансировавшим и ставившим плохие фильмы, в которых сам же и играл. В том, что касалось международных отношений, Сианук пытался балансировать на тонком канате, протянутом

между Китаем и Северным Вьетнамом с одной стороны и США — с другой. Он позволил коммунистам создать на территории Камбоджи огромные районы базирования и предоставил им возможность задействовать для своих нужд порт Сианукви́ль (Кампонгсаом), через который производилось снабжение южной группировки северовьетнамских войск. Затем он дал понять американцам, что не станет возражать, если они разбомбят эти базы, при условии, что договоренность останется в секрете.

Однако на стыке шестидесятых и семидесятых Сианук откачнулся к китайцам, а через них и к Северному Вьетнаму. В ответ Соединенные Штаты прекратили оказание экономической помощи Камбодже, и в стране немедленно начались трудности. В то же время северные вьетнамцы принялись расширять зоны своего влияния на расположенные все дальше от границы районы Камбоджи. Вследствие этого в начале 1970-го камбоджийцы стали отворачиваться от Сианука. А тут сам он еще с непростительной для руководителя страны беззаботностью 10 марта 1970-го уехал „погулять“ во Францию. Не успел Сианук покинуть страну, как в верхах вспыхнула жаркая борьба за власть, и 18 марта Национальное собрание Камбоджи, возглавляемое премьер-министром Лон Нолом, единодушно проголосовало за отстранение Сианука от власти».

(Филипп Б. Дэвидсон — «Война во Вьетнаме»)

Мало кто знает о том, что вьетнамские регулярные части находились на территории Камбоджи с конца шестидесятых годов. Мой вьетнамский приятель Ле Ту рассказывал, что их подразделение дислоцировалось во время войны с американцами на берегу озера Тонлесап. А это, если вам не лень заглянуть в карту Индокитая, ближе к Таиланду, чем к Вьетнаму. Американцы об этом знали. Поэтому ковровые бомбёжки Камбоджи были направлены сначала против вьетнамцев, и уже потом против «красных кхмеров». Это прозвище коммунистическим партизанам дал однажды принц Нородом Сианук. Очень остроумный был мужчина. Он даже дружил с «красными кхмерами». Обеспечивал им легитимность в ООН и прочих институтах мирового сообщества. Вполне искренне. Он встал на сторону «красных кхмеров» после того, как Лон Нол, совершил в стране «куп дета», государственный переворот по-нашему. Американцы Лон Нола поддержали. Очень их раздражала «тропа Хо Шимина», проходившая по территории камбоджийского королевства.

В результате нейтральная Камбоджа превратилась в театр военных действий.

«Лон Нол немедленно взялся за коммунистов в Камбодже — возможно, даже слишком рьяно. Он запретил им пользоваться портом Сианукви́ль (Кампонгсаом) и очень необдуманно заявил, что вышвырнет их с насиженных мест на вьетнамско-камбоджийской границе. Угроза Лон Нола заставила северовьетнамцев принять превентивные меры. Коммунисты сняли со своих баз на востоке Камбоджи контингент численностью от 40 000 до 60 000 человек и волной устремились на запад. Слабые войска Камбоджи не смогли сдержать натиска противника, и скоро части Вьетконга и Армии Северного Вьетнама (АСВ) уже угрожали столице страны Пномпеню. Мгновенно стало ясно, что без постороннего вмешательства Лон Нол и его прозападное правительство обречены, что чревато весьма малоприятными последствиями для Соединенных Штатов и Правительства Южного Вьетнама. Если Камбоджа упадет „в объятья коммунистов“, Сианукви́ль вновь откроется для них, мало того, вся Камбоджа превратится в огромный лагерь северовьетнамцев.

С приближением апреля положение Лон Нола все ухудшалось, а к середине месяца стало очевидным: если США не помогут правительству Камбоджи, то забьют гол в свои ворота. Министр обороны Мелвин Лэйрд, Уильям Роджерс и прочие „голуби-прагматики“ в администрации рекомендовали не оказывать помощи Камбодже или же помочь, но очень незначительно. Вновь началось перетягивание каната „командой“ Никсона, Киссинджера и военных с одной стороны и гражданскими — с другой. Собирались совещания, проводились заседания, текли по административным руслам бумажные потоки, но ничего не менялось, а тем временем АСВ (Армия Северного Вьетнама) продолжала победный марш к центру Камбоджи.

22 апреля Никсон и его советники осознали, что, либо они помогают Камбодже, причем немедленно, либо им стоит подготовиться к событиям, которые в самом ближайшем времени негативно скажутся на расстановке сил в войне во Вьетнаме. На заседании Совета национальной безопасности, проводившемся в тот день, Никсон пришел к выводу: южновьетнамцы должны атаковать прибежища коммунистов в районе „Клюв попугая“, а США поддержать союзников с воздуха „в наглядно допустимых пределах“. На тот момент президент не отдал приказа сухопутным войскам Соединенных Штатов также принять участие в акции. Через несколько дней, однако, Никсон принял решение о нанесении удара силами США по другому району базирования на границе Камбоджи и Вьетнама, так называемому „Рыболовному

крючку“. Фактором, определившим решение президента, стало безоговорочное заявление генерала Абрамса о том, что он не гарантирует успеха рейда в Камбоджу, если в нем не примут участия американские войска. Утром 28 апреля Никсон в конце концов определился: южновьетнамские части наступают на „Клюв попугая“ 29 апреля, а американцы штурмуют „Рыболовный крючок“ 1 мая…»

Филипп Б. Дэвидсон — «Война во Вьетнаме»

Поговорка — «благими намерениями устлана дорога в ад» вполне применима к этому роковому решению Никсона в 1970 году, который дал уникальный шанс Пол Поту и его соратникам стать героями индокитайской войны.

«В 1971–1972 годах с Лон Нолом в основном сражались вьетнамцы и камбоджийцы под их командованием. За это время военные силы камбоджийских коммунистов выросли и стали лучше организованы. Уверенность людей окрепла. В июле 1971 года на „встрече партшколы для всей страны“ в партийном штабе в „лесу Северной Зоны“ собралось более шестидесяти членов партии. На заседании председательствовал Салот Сар (Пол Пот). Он назначил членов расширенного Центрального Комитета и объявил, что Коммунистическая партия Камбоджи вступила в новую фазу своей истории, а именно — в национальную демократическую революцию, нацеленную на свержение феодализма и империализма.

Встреча предоставила лидерам красных кхмеров возможность показать контроль над партией и сопротивлением. Некоторые направления новой политики были разъяснены в теоретическом журнале партии, выпущенном в этом же году. Здесь довольно бессвязно излагалась история „строительства партии“ начиная с 1963 года, когда Салот Сар стал секретарем Центрального Комитета. Отмечалось, что революция должна „соответствовать нашей стране“, и говорилось, что вожди партии, должны руководить „всеми аспектами революции“. Впоследствии делегаты утверждали, что на встрече звучали выступления, побуждавшие к быстрой коллективизации и критиковавшие вьетнамцев. Беженцы, в 1972–1974 годах перебравшиеся из юго-западных районов Камбоджи в Южный Вьетнам, сообщали, что с конца 1971 года партийные кадры в Камбодже стали больше напирать на лозунг „Камбоджа для камбоджийцев“.

Тот факт, что Салот Сар мог созвать руководителей партии из многих регионов (к примеру, Ху Ним и Чоу Чет прибыли на встречу с юго-запада страны), предполагает, что он не чувствовал

угрозы со стороны Лон Нола. Впрочем, пока проходила встреча, Лон Нол начал амбициозное, хотя и плохо реализованное, наступление, известное под названием „Ченла II“, и „все члены партии, особенно отвечавшие за военный сектор, поспешно уехали, чтобы бороться с врагом“. К декабрю 1971 года наступление захлебнулось, и силы Лон Нола были разгромлены. Самый большой ущерб армии Лон Нола нанесли вьетнамские части. После поражения его армия перешла в оборону, позволив красным кхмерам сосредоточиться на социальной политике, наборе новых бойцов и подготовке.

В нескольких документах, созданных камбоджийскими коммунистами после „Ченла II“, утверждается, что они сами одержали победу в войне. Так, например, на учебной встрече, состоявшейся в декабре 1971 года, один из выступавших (возможно, сам Пол Пот (тогда ещё его звали Салот Сар) отметил следующее:

„Если мы примем во внимание размеры вооруженных сил, их мощь — самолеты, тяжелые орудия, военные суда — выставленную против нас, то враги окажутся гораздо сильнее нас. Тогда почему же мы разбили врагов [в ходе „Ченла II“]? Эта важнейшая победа была победой воли, преобразованной в атаки на неприятеля… Эти штурмовые атаки (вай самрок) стали победой для бойцов, политики и экономики“.

Кое-кто из участников встречи мог воспринять отсутствие упоминания о союзе с Вьетнамом как безобидную попытку укрепить уверенность „красных кхмеров“. Однако другие делегаты могли принять восхваления кхмерского героизма за чистую монету и поддержать „штурмовые атаки“ на врагов, проблемы и кризисы, с которыми сталкивалась „революционная организация“ (ангкар падеват) по мере того, как партия оформлялась в независимое объединение. Именно на эту аудиторию и было нацелено выступление Брата № 1. Подобно Сианука и Лон Нолу, Салот Сар неоднократно повторял или намекал на то, что в действительности камбоджийцы превосходили чужаков и были невосприимчивы к иностранному влиянию….

…На переговорах между американцами и вьетнамцами в Париже, шедшими с 1968 года, вьетнамские делегации увидели кратковременную выгоду в том, чтобы принять предложение США о прекращении огня в Индокитае. Американцы очень хотели

достичь соглашения до ноябрьских президентских выборов в США. Так что время работало на вьетнамцев. Большая часть американской армии была выведена из Вьетнама. Остатки предполагалось вывести после вступления в силу соглашения о прекращении огня. В этот момент вьетнамцы могли приготовиться к атаке на Сайгон, не опасаясь угрозы американской интервенции, и сосредоточиться на подрыве южновьетнамского режима. Американцы заявили, что в случае отказа подписать соглашение бомбардировки возобновятся. В январе 1973 года вьетнамцы согласились принять условия американцев.

Для Камбоджи это соглашение означало, что вьетнамцы отведут большую часть своих войск с ее территории. Вьетнамцы убеждали Салот Сара присоединиться к соглашению о прекращении огня, но тот почти наверняка отказался. В „Livre noir“ („Черной книге“) он утверждает, что именно так и сделал. Подобное давление американцы оказывали и на Лон Нола, чье правительство дискредитировало себя скандалами, неверными решениями и военными поражениями. Лон Нол неохотно согласился в надежде положить конец войне.

Соглашение о временном прекращении огня вступило в силу в конце января 1973 года, но практически сразу было нарушено.

Согласно „Livre noir“, Пол Пот и его соратники отвергли просьбы вьетнамцев по нескольким причинам. Во-первых, решили, что способны выиграть войну самостоятельно. Во-вторых, они не желали возвращаться к политической борьбе без военной поддержки Вьетнама. Это означало сговориться с Лон Нолом, разделить власть с его войсками в сельской местности и возродить легенду о том, что лидером фронта являлся Сианук. Ни один из этих сценариев не прельщал „красных кхмеров“. Они предпочитали гражданскую войну, бомбардировки и подпольную деятельность.

Кроме того, они рассматривали соглашение Вьетнама с Соединенными Штатами как предательство. В конце концов, с 1963 года они честно выполняли свои обязанности, когда речь заходила о Вьетнамской войне. Им не хватало политически подкованных кадров, чтобы управлять территорией, оставленной пномпеньским режимом, и военного штаба, который координировал бы действия крупных подразделений. Кроме того, они нуждались в оружии и боеприпасах, чтобы осуществить наступление на Пномпень. Вдобавок из-за отказа прекратить военные действия они оказались совершенно беззащитны перед воздушными бомбардировками Соединенных Штатов…

…После того как вьетнамцы ушли из Камбоджи, между некоторыми их подразделениями и камбоджийскими войсками произошли небольшие столкновения. Камбоджийцы были рассержены тем, что вьетнамцы захватили с собой свою боевую технику и снаряжение. Камбоджийские коммунисты из Ханоя, которых красные кхмеры всегда подозревали в двуличии, попали под наблюдение. С 1970 года они были бойцами, специалистами и военными советниками. В некоторых районах они провели полезную политическую работу. Однако, начиная с 1972 года, их стали тихо разоружать и удалять от власти. Как вспоминал один из них, „на учебно-подготовительных сессиях они называли нас „ревизионистами“… Нас отстранили от работы; некоторых отправили выращивать перец или пасти скот“. На других были устроены отдельные засады. В начале 1973 года некоторые из них спаслись бегством, примкнув к вьетнамским отрядам, покидавшим Камбоджу. Оставшиеся были казнены красными кхмерами.

В начале 1973 года войска камбоджийских коммунистов атаковали правительственные подразделения по всей стране, чтобы установить контроль над территорией и запустить в действие свои социальные программы. Особенно пристальное наблюдение велось за юго-западными районами страны. Принятые здесь меры включали внедрение кооперативных (коллективных) хозяйств, принудительное выдворение некоторой части населения, подавление буддизма, формирование молодежных групп, для чего детей забирали из семьи, искоренение народной культуры и введение „дресс-кодов“, согласно которым каждый должен был постоянно носить повседневную крестьянскую одежду (она представляла собой хлопчатобумажную робу черного цвета).

В результате жестокости, с которой проводилась эта политика, более двадцати тысяч камбоджийцев нашли убежище в Южном Вьетнаме. Эта политика вытекала из решений, принятых Салот Саром на учебно-подготовительной встрече в 1971 году. Безусловно, она реализовывалась с его одобрения, причем после апреля 1975 года — в общегосударственном масштабе и с большим радикализмом, вылившимся в отмену денег, рынка, школ и эвакуацию целых городов и крупных городских центров.

Упрямство камбоджийских коммунистов побудило Соединенные Штаты вновь нанести бомбовые удары по „красным кхмерам“. Камбоджа стала „идеальным вариантом“, если цитировать одного американского чиновника. Бомбардировки начались в марте 1973 года и были остановлены решением американского Конгресса пять месяцев спустя. За это время

четверть миллиона тонн взрывчатых веществ было сброшено на страну, которая не воевала с Соединенными Штатами и на территории которой не было американских солдат. Предположительно, бомбы сбрасывались на военные комплексы и деревни, где, как считалось, укрывались отряды коммунистов. При этом использовались устаревшие карты, тогда как картографическое отображение самих бомбардировок показывает, что они сосредотачивались на густонаселенных пригородах Пномпеня. Количество погибших в результате бомбёжек так и не было точно подсчитано. Высказываются разные предположения — от тридцати тысяч до четверти миллиона жертв. Свыше десяти тысяч убитых из них воевали на стороне коммунистов.

Последствия бомбардировок для сельских жителей были просто катастрофическими. Некоторые ученые доказывают, что американские бомбардировки помогли „красным кхмерам“ заполучить тысячи преданных и горящих жаждой мести новобранцев. Существуют кое-какие свидетельства, подтверждающие это мнение. Совершенно ясно, что, помимо прочего, бомбардировки ускорили разрушение крестьянского общества и облегчили коммунистам путь к установлению политического контроля. Вдобавок они подтолкнули десятки тысяч сельских жителей к переселению в города. Этих запуганных мужчин и женщин камбоджийские коммунисты считали не людьми, а „врагами“. Предубежденность партии против городского населения еще больше возросла. В конечном итоге, воцарившийся хаос сыграл на руку коммунистам. Однако если рассматривать непосредственные последствия, своими бомбардировками американцы все же достигли желаемого результата: коммунисты больше не окружали Пномпень со всех сторон. Война продолжалась еще свыше двух лет».

(Дэвид П. Чэндлер — «Брат номер один»)

Всего этого Виктор П. тогда не знал, да и не мог знать, поскольку Кампучия была для него столь же далека, как остров Таити. Просто после семи лет работы в международном отделе программы «Время», где он прошёл все ступени редакторского ремесла, случилась вот какая история.

Как я уже отмечал, в конце декабря 1978 начале января 1979 года части вьетнамской народной армии в результате блистательного блицкрига разгромили дивизии «красных кхмеров» — своих бывших собратьев по оружию и в известной мере учеников. К началу 1975 году стало ясно, что ни армия Республики Южный Вьетнам, ни камбоджийская республиканская армия Лон Нола не смогут устоять перед натиском частей

вьетнамской народной армии и партизанских соединений «красных кхмеров» — этих таинственных «людей в чёрном». В апреле 1975 года всё кончилось.

Но если Сайгон люди с Вьетнамского Севера «зачищали» по тихому, с оглядкой на мировое общественное мнение, то «красные кхмеры» в течение двух-трёх недель очистили крупные города от населения так, что там живой души не осталось.

«Сначала они сказали нам, что американцы бросят на Пномпень атомную бомбу, поэтому нужно уйти подальше в поля, в деревни».

Сколько таких рассказов Виктор наслышался.

Кто они? Как они это сказали? Как вы уехали из Пномпеня?

Часто вместо ответа он наблюдал лишь замешательство у своих собеседников.

Люди, вернувшиеся в марте 1979 года в Пномпень, никогда там раньше не жили. Коренных пномпеньцев можно было сосчитать по пальцам.

Современные раздумья автора.

Впрочем, после Камбоджи была Сомали, и уж совсем рядом — Югославия. Там жестокостей было не меньше чем в Камбодже. Просто Камбоджа — это 80-ый год, год «зеро» по меткому определению одного француза. Мир содрогнулся, но позднее он стал толстокожим.

«Не лезьте вы не в своё дело. Это была наша война и наша революция. Мы строили новый мир. Новый прекрасный мир. Без денег. Без богатых. Без бедных». Это говорили мне в минуту алкогольного откровения некоторые бывшие «красные кхмеры», перешедшие на другую сторону.

На самом деле «красные кхмеры» во главе с «братом № 1», так соратники величали Пол Пота, создали свой кампучийский «Чевенгур» — большую зону. Но в ней всегда были, есть и будут паханы. И не важно, кто они — функционеры «Ангки», или комиссары в пыльных шлемах. Рано или поздно они приходят и начинают всё делать по-своему.

Егор Тимурович Гайдар — внучок своего дедушки в пыльном шлеме — чем он был лучше Пол Пота?

Лучше! Людей по его приказу мотыгой по темечку не кончали. Денег он не отменял! Просто превратил их в фантики, в то время как его рыжий друг напечатал другие фантики, ценою якобы в две «Волги», а на самом деле в одну бутылку польского спирта «Рояль».

Правда, потом за эти фантики «паханы» скупили всё государство и теперь стали олигархами. А потом пришли другие «паханы» и отобрали у не вписавшихся «в понятия» олигархов их «золотые ключики»!

И чем они лучше Пол Пота?

Просто сегодня быть Пол Потом не модно!

Гламура в нём маловато.

Но это до поры, до времени! Комиссары в пыльных шлемах ждут своего часа.

А потом снова «мир хижинам, война дворцам»! Или «так жить нельзя!»

А как можно неуважаемый «мэтр дю синема»? Как можно жить по вашим едросовским правилам? Как старый «ворошиловский стрелок»…

Яйца этим «олигархическим паханам» отстреливать?

Так против их мордоворотов и Рэмбо — цыпля!

Салот Сар (настоящее имя Пол Пота — Брата № 1) умер в аскетической бедности. И, как говорят, некоторые деревенские жители его оплакивали. Искренне.

Но я слегка отвлёкся.

В этом мире всё предопределено. Вьетнамцы к середине 1979 года прижали «красных кхмеров» к таиландской границе. В Пномпене появилось временное народно-революционное правительство во главе с Хенг Самрином и Пен Сованом.

Хенг — бывший бригадный генерал «красных кхмеров» в начале 1978-го бежал во Вьетнам, чтобы не попасть в страшную тюрьму «Туолсленг».

Пен Сован работал с вьетнамскими товарищами много раньше. Потом в 1982-м или 83-м году его отстранили от власти за националистические настроения. Но суть не в них.

В апреле 1980 года, Виктор П. пил водку с соседом и коллегой по работе на ТВ Анатолием Тютюником. Болел гриппом, а потому имел полное право пить водку.

Неожиданно позвонил редактор отдела Ришат Маматов. Позвонил поздно вечером. Но Виктор ещё мог рассуждать вполне здраво. С Антолием они выпили всего одну бутылку. Вторая была непочатой.

— Как дела, старик? — спросил Ришат.

— Лечусь, Ришат Хафизович, — отвечал Виктор без особого энтузиазма в голосе. Что-то в этом звонке ему не понравилось.

— Ты, это, Виктор, поправляйся радикально, — сказал Ринат. — Завтра кровь из носа, чтоб был в Останкино. Мы тебя в загранкомандировку решили послать.

— Не надо так шутить, Ришат Хафизович, — сказал наш герой, чувствуя, что как душа его укатилась за горизонт.

— А я и не шучу, — сказал со смешком в голосе Маматов.

— И куда же вы решили меня послать? — спросил Виктор, перехватывая эстафету этого соцреалистического ехидства.

— В Кампучию, — сказал Маматов, делая ударение на букве «у».

— Вот спасибо Ришат Хафизович, — сказал Виктор. — Век вашей доброты не забуду. — И процитировал не к месту: «Затрахаю, замучаю, как Пол Пот Кампучию».

Ришат рассмеялся в телефонную трубку.

— Веселый ты у нас, Виктор…

— Да уж куда там?

— Завтра в десять у Любовцева, — сказал Маматов. В голосе его зазвенела сталь татарского булата.

Виктор вернулся к столу.

— В чём дело? — спросила Мышка с тревогой в голосе.

— В шляпе, — сказал Виктор. — Украли шляпу, не стоит плакать! Поедем за границу. В Кампучию.

Как и Ришат, он умышленно сделал ударение на втором слоге.

Водка после этого звонка пошла без особой экспрессии, хотя восторженный сосед неожиданно возбудился романтикой дальних странствий и даже стал предлагать свою кандидатуру в качестве оператора.

Из воспоминаний Виктора П.

На следующее утро после вечернего звонка Маматова ровно в 10.00 м.в. я был в Останкино в кабинете Виктора Ильича Любовцева, который после летуновского инфаркта стал шефом Главной Редакции информации ЦТ. В обиходе — боссом программы «Время». Пропитанный ароматами лаванды Виктор Ильич встретил меня нарочито дружелюбно.

— Проходи, Виктор, присаживайся. Кофе будешь?

Я старался выглядеть бодрячком после выпитого накануне. Нёбо напоминало наждачную бумагу, однако же, от кофе я мужественно отказался, понимая, что это всего лишь этикет. Виктор Ильич нервничал. Ведь я не сказал пока ни «да», ни «нет». Неволить меня никто не мог, поскольку загранкомандировка такого свойства могла вызвать небывалый энтузиазм лишь у

восторженно-романтических юношей. А я приближался к возрасту Христа накануне его распятия.

Возможно, это прозвучит высокопарно, но у каждого человека есть свой крестный путь и своя Голгофа. Моя — наступила в неполные 34. И длилась моя Голгофа года три-четыре, пока я вновь не обрёл чувство уверенности в своём пути. Но это так, маленькое лирическое отступление.

Поздний же звонок Маматова был вызван тем обстоятельством, что руководство Гостелерадио СССР из-за алчности тогдашнего шефа корсети сильно прокололось с открытием корпункта в Народной Республике Кампучии. Решение об открытии корпунктов двух информационных агентств ТАСС и АПН, а также бюро Гостелерадио было принято на секретариате ЦК КПСС ещё летом 1979 года.

Тассовцы сработали оперативно, учитывая, что завбюро ТАСС Б.К. прибыл в Кампучию едва ли не на плечах второго эшелона Вьетнамской Народной Армии (ВНА). Ему досталась роскошная вилла сгинувшего в полпотовской мясорубке кхмерского профессора, обладавшего, судя по интерьеру комнат, безупречным вкусом и любовью к ангкорской культуре, черный «мерс» из полпотовского гаража, и прочие трофеи.

К нашему приезду в начале июля 1980 года Собашников уже разъезжал на роскошном тойотовском «лендкрузере», приобретённом то ли на средства ТАСС, но скорее полагаю на валюту его «главной конторы».

Олег Антиповский из АПН, тоже проживал в неплохой вилле, хотя приехал в Пномпень лишь в конце 1979 года. Был он малый безбашенный, «отмороженный», как сейчас говорят. Поэтому долго в Пенькове (так наши звали Пномпень) не задержался. Выпивал и не закусывал.

Однажды они напились с третьим секретарём посольства, представителем ССОД (была такая контора под названием Союз Советских обществ дружбы с зарубежными странами, крышевавшая легальных шпионов) Александром Бурсовым, вышли к шлагбауму на перекрестке Сан Нгок Миня и Самдех Пан и стали просить юного кхмерского бойца с «калашом» дать стрельнуть. Потом не поделили пальму первенства и стали драться. Дрались неумело. Бурсов почему-то вцепился зубами в руку Олега и при этом умудрялся завывать «Хелп ми!». Правда, я этой сцены не видел, и, зная злорадство посольского террариума, не очень в эту байку поверил. Но Олег продемонстрировал мне

следы бурсовского укуса. Работал ли Антип на «ближних» или «дальних», Бог весть. Скорее был симпатизантом. Делился информацией.

Итак, корпункты ТАСС и АПН — кто лучше, а кто хуже, но как-то действовали. А вот Гостелерадио СССР признаков жизни не подавало, и во время одного из заседаний Секретариата ЦК возник вопрос к Сергею Георгиевичу Лапину, всесильному шефу Гостелерадио СССР, почему его сотрудники ничего из Народной Кампучии не передают?

Ведь такой блестящий фильм о Кампучии сделал по горячим следам Сан Саныч Каверзнев! А что же другие?

Сергей Георгиевич как опытный функционер почувствовал, что дело неладно, но пообещал намылить нерадивым корреспондентам шею. Вот только мылить её оказалось некому. Решение Секретариата ЦК КПСС об открытии корпункта Гостелерадио с резолюцией С. Г. Лапина оказалось «под сукном» у шефа корсети Мелик-Пашаева, который поначалу предлагал возникшую вакансию своим добрым знакомым с радио. Тем, которые «не забудут и не обидят». Но ехать в Кампучию у опытных зубров охочих до загранки охоты не было. Потом шеф корсети советовался с куратором «ближних», но и тот, судя по всему, в запарке афганских событий запамятовал. Так или иначе, о решении Секретариата ЦК КПСС забыли!

И вот теперь Лапину о нём напомнили. А он в свойственной ему иезуитской манере напомнил об этом своему первому заму Энверу Назимовичу Мамедову, остроумному человеку и гэбэшному генералу, которого одни смертельно боялись, а другие смертельно уважали.

Проработав более шести лет на ТВ, я такого большого начальника ни разу воочию не видел. Лапина видел, а вот Мамедова не лицезрел. Бывает!

И вот теперь Виктор Ильич Любовцев, стараясь не смотреть в мои не совсем трезвые очи, с ужасом думает о том, каким я предстану перед «грозой ЦТ».

— Ты готов к встрече с Энвером Назимовичем? — спрашивает Любовцев, вкладывая в этот вопрос другой, немой, не названный: «Ты готов ехать в Кампучию?»

— Готов, если надо, — говорю я еле слышно из-за пересохшего горла. Единственное желание у меня — выпить стакан воды.

— Тогда поднимайся на восьмой этаж. Знаешь, где кабинет Мамедова?

— Найду!

— Ну, с Богом, а потом сразу ко мне…

Как давно всё это было. И как давно хочется обо всём забыть. Но это был путь, который моему герою предстояло пройти. И никто этого пройденного пути у него уже никогда не заберёт.

Потому что на этом пути, случались у Виктора П. разные встречи. С разными людьми. Плохими. Хорошими. С добрыми и злыми. Любимыми и просто так.

Однако в тот солнечный апрельский денёк 1980 года, когда я бодрым шагом подходил к знаменитому кабинету грозного зампреда Мамедова на восьмом этаже Останкинского телецентра, я ничего не знал ни о тонкостях жизни в Кампучии, ни о том, как я туда попаду, ни о том, как оттуда вылечу…

Просто я вошёл в приёмную и сказал оторопевшей от моей наглости секретарше:

— Я к Энверу Назимовичу, доложите, Виктор П.

ПЕЧЕНЬ БУДДЫ

Разговор на улице принцев

— Ты бы осадил своего оператора, Виктор, — говорит мне Александр Бурсов, третий секретарь Посольства СССР в Народной Кампучии, официально числящийся за Союзом Советских Обществ дружбы, а неофициально за «ближними». Мы сидим на мраморной скамейке, напротив его виллы на улице Принцев.

На дворе декабрь 1980 года. Через несколько дней — Новый 1981 год. На душе у меня муторно. После поездки в Сиемреап что-то в наших с Сашкой отношениях разладилось. Обычная история, — думал я. — Почему-то все операторы живут с журналистами как кошка с собакой. Тут нужно было или сразу держать дистанцию, и тогда умыть руки перед «ближними», если они собрались «скушать» неудобного «соседа». Или сразу же показать Дудову кто в лавке хозяин, да так, чтобы паренёк не рыпался поперёд батьки. Но мы же не в Европе. И даже не в тех странах Азии, где быт как-то налажен. Здесь Кампучия. Страна с нулевым временем. Страна, где время остановилось. Страна, где тебя могут убить, потому что здесь идёт беспощадная партизанская война. Здесь плохо кругом. Ты попал в эпицентр беды. Здесь слишком много чужой боли. И твои разногласия с оператором, который делает что-то не то, настолько ничтожны перед трагедией народа… А тут еще «ближние» на Сашку наехали. Ну уж нет, Дудова я им не отдам.

— Видишь ли, Шура, — говорю я Бурсову, тщательно подбирая слова, — право, не знаю, чем это Дудов вам так досадил. Работает он превосходно. Снимает как бог. У меня к нему претензий никаких.

— Но он заносчив и груб. Местные товарищи жалуются на его поведение.

Вот оно как! Местных уже приплели. Это серьёзно! Но почему мне ничего не говорили Муй или Сомарин? Значит прав Валентин Свиридов, который доверительно сообщил мне, что против нас затевается посольская интрига.

— Пойми ты, Виктор, что я тебе только добра желаю! Сам не можешь разобраться со своим сотрудником… У нас есть варианты. А может ты, просто, не хочешь? Он тебе кто, брат?

Вкрадчивось Бурсова холодна как лезвие ножа, приставленного к горлу.

— Нет, Шура, у меня братьев в этом мире. Есть друзья. И есть

коллеги. Я могу быть зол на них, могу послать, куда следует, но за помощью обращаться к кому-то не стану. Сам разберусь. С Дудовым тоже. Но пока не вижу в этом нужды.

Знай, я тогда, что не пройдет и четырёх месяцев, как Сашка возомнит из себя шефа корпункта, поскольку ему расскажут сразу после моего отъезда, что место моё палое…

— Ну и чтобы ты сделал, знай это?

— Ничего.

— То-то же…

— Зато я никого не предавал.

— Молодец! Хороший ты хлопец, Витюша. И как только такие дураки на свете живут?

— Опять резонёрствуешь, скотина?

— Констатирую факт непредательства.

Зато тебя Саша сактировал быстренько, когда примчался в Москву, предвкушая повышение в должности. Правда, «ближние» достали его в Ханое, где оператор Александр Дудов в конце мая 1981 года при невыясненных обстоятельствах потерял свой служебный загранпаспорт.

Сколь верёвочка не вейся, всё равно придёт конец.

«Таков конец, прекрасный друг!
Таков конец, мой последний друг — конец.
Надеждам и планам —
Конец.
Всему, что мы знали, —
конец.
Привычным забавам —
конец.
В глаза твои больше не в силах смотреть».

(Джим Моррисон)

В детстве я грезил сельвой

Сразу после новогодних праздников, которые были неизъяснимо грустны, мы с Дудовым гоняли по окрестным провинциям, потом ещё разок слетали в Ханой, откуда добрались до Хайфона. Ещё раз пообщались с портовым клерком, вновь поившим нас отвратительным зелёным чаем и в десятый раз повторившим историю норвежского товарища, который чуть было

от отчаяния не утопился в порту, но был спасён… «О, как он был счастлив, встретив такого человека как я!». «Так вы нашли его груз?» «Нет, но мы его найдём, обязательно найдём!» «И он по-прежнему счастлив?» «Да, он очень, очень счастлив, что у него такой друг, как я!».

Не пойму я этих скандинавов. У меня после встречи с клерком было одно единственное желание — утопить его вместе с нашим пропавшим контейнером в хайфонском порту.

В середине марта отдел печати МИД НРК неожиданно предложил нам съездить в Кампонгтям. Зачем и почему, вы поймёте из романтического путевого очерка «Красная земля Тюпа», — третьей и заключительной публикации в журнале «Вокруг света».

«Давным-давно, прочитав книгу „Охотники за каучуком“, я грезил сельвой. По ночам снились тропические леса Амазонки, анаконды и тапиры, леопарды в сумрачной зелени джунглей и индейцы, пускающие отравленные стрелы… А вот плантации гевеи я не в силах был вообразить…

Прошли годы, наступили времена других книг и других впечатлений, начались настоящие путешествия, и мало-помалу пробелы в моих мальчишеских грезах заполнились. Наконец я увидел наяву и гевею. Случилось это, правда, не в бразильской сельве, а на плантациях, раскинувшихся вокруг поселка Тюп. Здесь, в кампучийской провинции Кампонгтям, самом сердце Индокитая, я прикоснулся к надрезу на дереве-каучуконосе.

Анг Чон, инженер шинного завода, расположенного в городке Такмау, неподалеку от Пномпеня, был смущен и расстроен. Мы приехали в Такмау, чтобы снять сюжет о заводе, но съемки сорвались. Производственные мощности завода, с таким трудом восстановленные, простаивали из-за отсутствия сырья. А ведь когда-то Кампучия занимала пятое место в мире по сбору латекса. Почему же сегодня шинный завод в Такмау работает с перебоями?

— После освобождения, — рассказывает Анг Чон, — складские помещения оказались пусты. Весь каучук подчистую полпотовцы отправили за границу. Правда, немного удалось отыскать в портовых пакгаузах Пномпеня и Кампонгсаома. Это сырье сразу же пошло на производство покрышек, столь необходимых для восстановления автомобильного парка. Однако резины не хватает. Чтобы завод заработал в полную силу, нужно вернуть к жизни каучуковые плантации Тюпа…

В министерстве сельского хозяйства Кампучии проблемами восстановления плантаций гевеи занимается большая группа специалистов, которым помогают вьетнамские и болгарские коллеги.

— Хищническая эксплуатация каучуконосов, полнейшее незнание агротехнических правил загубили в годы полпотовского правления большую часть плантаций. Резко сократились площади под каучуконосами, красноземам Тюпа был нанесен огромный ущерб, — рассказывали мне в министерстве. — Ныне мы уже приступили к интенсивной расчистке леса в провинции Кампонгтям, чтобы на новых участках красноземов заложить будущие плантации гевеи…

Капли гнева

Провинция Кампонгтям расположена по обе стороны великой азиатской реки Меконг, которую в Кампучии называют Тонлетхом. На пойменных землях и плодородных красноземах крестьяне выращивают рис, хлопок, коноплю-рами, кукурузу, табак, арахис, различные овощи, бахчевые культуры.

В начале прошлого века французы стали культивировать на расчищенных участках красных почв гевею. Капризная гостья быстро прижилась на правобережье Тонлетхома, значительно потеснив здешние леса. Уже в тридцатые годы плантации гевеи занимали в провинции Кампонгтям тысячи гектаров.

Дела акционерной компании „Сосьете де терр руж“ („Общество красных земель“) шли в гору, и постепенно район Тюп превратился в своеобразное „государство в государстве“, отделенное от внешнего мира колючей проволокой. На плантациях, принадлежащих пяти французским монополиям, имелась своя полиция и даже специальный легион под командованием европейских офицеров — для обеспечения порядка в „каучуковой неволе“.

Работали здесь в основном вьетнамские рабочие. Одних привела на берега Меконга крайняя нужда, других заманили обманом, посулив хорошие заработки, третьи поддались шантажу: им пригрозили тюремным заключением во Вьетнаме.

Кхмеры трудились на плантациях, как правило, в те месяцы, когда в деревне нет серьезных сельскохозяйственных работ.

Люди постоянно страдали от сырости, страшной духоты и малярии. На плантациях отмечался самый большой в стране уровень смертности, и среди сборщиков каучука ходила мрачная поговорка: „Каждое дерево растет на костях рабочего“.

Однако, по мере того как росли прибыли „Общества красных земель“, накапливался и протест „каучуковых рабов“. Именно здесь, на плантациях Тюпа, в обстановке строжайшего надзора и жестоких репрессий, в атмосфере произвола и насилия администрации возник один из крупнейших в стране очагов сопротивления колонизаторам, возглавляемый движением „Кхмер Иссарак“. Эта организация располагала в провинции Кампонгтям и особенно в районе плантаций Тюпа широкой сетью подпольных ячеек, которые координировали забастовочную деятельность рабочих.

1 мая 1950 года на плантациях Тюпа состоялась первая в истории Кампучии первомайская демонстрация. К тому времени лишенные элементарных прав сборщики каучука, которых поддержали конторские служащие и заводские рабочие, выиграли первую забастовку. Эта победа была первым итогом совместной борьбы вьетнамских и кхмерских трудящихся против общего врага…

Часто в разговорах со мной кампучийские товарищи с гордостью вспоминали о славных революционных традициях провинции Кампонгтям. И после завоевания независимости, и в годы борьбы против проамериканского режима Лон Нола, и даже во времена „красных кхмеров“ население провинции оставалось верным этим традициям и никогда не мирилось с произволом эксплуататоров, предателей и убийц. Тысячи революционеров, патриотов, коммунистов погибли здесь, защищая свободу. Когда землю провинции Кампонгтям называют красной, кампучийцы вкладывают в это понятие и второй смысл.

Грустная история балерины

Отрезок дороги № 7, по которой нам предстояло проехать до поселка Скун, находится в относительно хорошем состоянии. Недавно здесь провели ремонтные работы: залатали выбоины, подправили дамбы, навели взорванные во время войны мосты. Наш шофер Муй ведет машину спокойно и время от времени подбрасывает реплики в разговор.

Я беседую с Таной. Об этой молодой красивой женщине

писали почти все мои собратья по перу, посетившие Пномпень после свержения полпотовского режима. В начале семидесятых годов вместе с группой кхмерских студентов Тана училась в московском хореографическом училище (отсюда ее знание русского языка). Только вот стать балериной в своей стране девушке не удалось. Так же как многие ее соотечественники, она пережила изгнание из Пномпеня, каторжный труд в полпотовской „коммуне“, голод, болезни… Из всей группы студентов их осталось всего двое. „Я выжила чудом“, — говорила мне Тана.

С балетом пришлось расстаться: годы лишений подорвали здоровье молодой женщины. Сейчас Тана работает переводчицей в министерстве иностранных дел НРК. Есть и особая причина, побудившая Тану поехать с нами в Кампонгтям: там живет ее сестра.

— В последний раз я видела сестру пять лет назад, — говорит Тана. — Мы жили тогда в одной из „коммун“ неподалеку от Кампонгспы. Потом сестру с мужем отправили на плантации Тюпа.

— Почему людей заставляли менять „коммуны“? — спрашивал я. — Какой смысл был в этих перемещениях с места на место?

— Кхмеры очень дорожат семейными отношениями, а полпотовцы решили уничтожить все родственные связи, перемешать людей, сделать их одинокими и беспомощными. Детей разлучали с родителями, жен — с мужьями, сестер — с братьями. По замыслу Пол Пота, кхмеры должны были стать чужими в своей стране, утратить человеческие чувства и перестать быть людьми…

…Страшные годы ушли, но еще очень свежа боль потерь. И сегодня беда настигает людей, выплеснувшись из рассказа случайно встреченного очевидца, и тогда пропавшие без вести становятся мертвыми…

Нежданное счастье Муя

В поселке Скун, едва мы остановились на рыночной площади, Муй сразу же исчез.

Я брожу с Таной по рынку, разглядывая всякую живность и прочий товар, который крестьяне привезли на продажу… Сегодня воскресенье, рынок весьма оживленный. Предлагают бананы и папайю, колючие красноватые шарики ротанга, первые, слегка розоватые, плоды манго, еще не приторные, слегка терпкие на вкус. Предлагают жареных лягушек — распяленные на двух

палочках, они напоминают маленьких цыплят табака. Предлагают подвяленных на солнце речных моллюсков. Тана покупает кулечек этих крошечных ракушек и начинает лузгать их словно семечки. Торговцы нахваливают свой товар — бойцовых петухов, флегматичных поросят, крабов с выпученными глазами, огромных рыбин, щенков, мартышек… Повсюду обвалянные в саже куриные яйца, мелкие пичуги на вертелах, дыньки размером с кулачок, красные, искрящиеся сахарными крупинками ломти арбуза…

От всевозможных яств разыгрался аппетит. Тана есть не хочет, а Муя все нет. „Он ищет односельчан“, — объясняет Тана. „Разве Муй из Скуна?“ — „Нет, но его деревня где-то в этих краях, может, кто-нибудь из его земляков приехал сегодня на рынок…“

…Муй появляется неожиданно, улыбается. Значит, все в порядке. Но он не торопится с рассказом. Только после того как мы зашли в харчевню и приступили к рису с курицей в остром соусе из перца-чили, Муй объявляет, что нашел свою мать. Потом рассказывает о встрече с односельчанами, от которых узнал, что мать и одна из сестер живы, и очень горюют, считая Муя погибшим. Теперь они просто изведутся от нетерпения, лишь только услышат, что Муй жив и скоро их навестит. Его деревня лежит в ста километрах от Скуна, сначала на север по шоссе № 7, а потом еще по проселочной дороге…

Я согласен ехать туда хоть сию минуту, но Муй и Тана считают, что лучше заехать на обратном пути, ведь в Кампонгтяме нас ждут и будут волноваться.

Женская гора и Мужская гора

Километрах в сорока от Кампонгтяма, неподалеку от шоссе — два сакральных холма с буддийскими ступами на вершинах. В полукилометре от них — сильно пострадавшая от времени и невзгод пагода.

Возможно, я не обратил бы на эти холмы особого внимания: местность здесь холмистая, ступ великое множество. Но Муй вдруг притормозил, по просьбе Таны мы вышли из машины и направились к холмам.

…В старину в Кампучии существовал обычай, повелевавший девушкам самим выбирать женихов. Началось это с тех пор, как правила страной королева Аютхия. То ли у венценосной девы был

какой-то изъян красоты, то ли просто скверный характер, но жениться на ней никто не осмеливался. Тогда королева и вменила всем девушкам в обязанность самим предлагать себя в жены. Тут же появились в Кампучии и капризные женихи — ну что твой принц на горошине… Долго ли, коротко ли, но не выдержали женщины и решили пересмотреть существующий обычай, тем более что Аютхия давно уже умерла, а последующие монархини были весьма счастливы в браке. Да только мужчины вошли во вкус — привередничали и куражились: не хотим, мол, менять порядка…

Что же, нашлась среди женщин кхмерская Лисистрата, которая предложила мужчинам пари: за ночь насыпать холмы — кто выше? Проиграют мужчины — пусть делают женщинам предложения, выиграют — тогда уж женщины навеки смирятся со своей судьбой. Мужчины вызов приняли и рьяно принялись за работу. Наконец небо расцвело утренними звездами, и мужчины, удивившись, что так быстро пролетело время, легли передохнуть, чтобы с рассветом поглядеть, насколько их холм выше.

Проснувшись от крика петуха, они с удивлением обнаружили, что заря еще не погасила утренние звезды, и поняли, что их провели. И в самом деле, едва минула полночь, девушки зажгли на одной из близких гор светильники, которые мужчины приняли за утренние звезды, а сами, пока представители сильного пола видели сладкие сны, работали не покладая рук. Естественно, к утру их холм был намного выше…

Холмы со ступами по сей день носят названия Пномсрей — Женская гора и Пномпрос — Мужская гора.

Деревня вдов

К четырем часам пополудни мы добрались до Кампонгтяма — третьего по величине города страны после столицы и Баттамбанга. Скоро начнет смеркаться. Короткая поездка по центральным улицам, первые впечатления, холодный душ в огромном особняке, превращенном в гостиницу. Что дальше? Дальше едем в „деревню вдов“…

Сначала я ничего не понял. Деревня в городе? Может быть, это пригород? Или, может, я ослышался и за „деревню вдов“ принял созвучные слова „старый город“? Но в Кампонгтяме, как, впрочем, и в других городах Кампучии, нет деления на старые и

новые кварталы. Древние города здесь называют руинами: руины Ангкора, руины древнего храма Воатнокор, но это никак не старый город.

— Все правильно, — подтверждает Тана, — мы едем в „деревню вдов“. Говорят, там видели мою сестру…

Несколько легких крестьянских домов, построенных в линию, укрылись в зелени банановых деревьев. Деревня располагается в конце одной из городских улиц, на которой давно уже никто не живет. Мы проехали сквозь кварталы молчаливых домов — безжизненных, полуразрушенных и невыразимо печальных.

Я снова вспомнил Пномпень, покинутый жителями, — фантастический город, опустошенный полпотовской чумой, страшным недугом, следы которого еще свежи повсюду в стране. Вспомнил мертвые проспекты и рынки, безмолвную набережную, пустой порт.

Возвращать к жизни города — подвиг. Городские власти Кампонгтяма тоже совершили подвиг, наладив жизнь центра „красной провинции“. Первая продукция вновь пущенной в строй крупнейшей в стране текстильной фабрики, первые метры хлопчатобумажной ткани воспринимались как чудо. Ведь еще совсем недавно не верилось, будто можно что-то сделать: поломаны станки, нет сырья, утрачена технология, и нет инженеров, а самое главное, мужчин раз-два и обчелся…

В кампонгтямской „деревне вдов“ живут женщины, у которых отняли мужей, детей, родителей. Им некуда идти и некого искать. Они живут наедине с болью — своей и других, и боль эта стала для них общей.

Сумерки стали обволакивать эту грустную улицу, зажглись слабенькие огоньки коптилок, недалеко послышались голоса, и мы направились в ту сторону.

Тана прошла в дом. Через несколько минут она вышла, сопровождая хрупкую женщину, которая приветствовала нас сложенными вместе и поднятыми вверх ладонями. Этот жест — он называется „анджали“ — у кхмеров выражает приветствие, прощание, благодарность, уважение…

Женщина красива. В чертах ее лица, мягких и приветливых, обаятельно-ласковых, я нахожу сходство со знаменитыми небесными танцовщицами Индры — апсарами, изображениями которых украшены барельефы Ангкора. Только в карих глазах

женщины — глубокая печаль, какой я не видел ни у одной из апсар…

Женщину зовут Пирум. Ей двадцать девять лет. Двое детей. Был еще старший мальчик, но он умер от голода в 1977 году. Муж был военным, и его расстреляли вместе с тысячами других солдат и офицеров в мае 75-го. Тогда же семилетнего сына забрали „перевоспитывать трудом“. Мальчик заболел и не мог работать. Тогда ему перестали давать рис. Пирум не пускали к сыну. Она относилась к „третьей категории“: до 1975 года преподавала математику в пномпеньском лицее Декарта.

Пирум плачет. Незаметно вокруг нас собираются люди. Замерла притихшая, нахохлившаяся стайка ребятишек, готовых в любую минуту разбежаться по домам. А мы стоим в окружении женщин разного возраста, и из негромкой речи, из тихих скорбных слов, которые переводит Тана, льются, льются потоки человеческой боли…

Всякий раз, когда я читаю или слышу о том, как пытаются обелить полпотовских преступников, предать забвению их злодеяния, я вспоминаю вечер в „деревне вдов“. Потому что есть преступления, которые простить нельзя. Никогда.

Гадание по каноническим текстам

В кампучийских хрониках первое упоминание о храме Воатнокор относится к X веку. Возможно, именно тогда и были возведены каменные стены из светло-серого песчаника, среди которых укрылась изящная пагода, полыхающая на полуденном солнце глазурью островерхой крыши. Сегодня эти разрушенные, потемневшие от дождей стены стоят осколками седой истории. За ними — строения более поздние, тоже тронутые временем и войнами. Скульптуры демонов-стражников, обезьян-хануманов, погруженного в самосозерцание Будды, священных львов и непременных для кхмерских святынь змей-нагов…

Сняв сандалии, ступаем на мраморные плиты, которыми выложен пол пагоды. От мрамора исходит прохлада. Стен нет, крыша покоится на многочисленных колоннах. Потолок расписан сценами из жизни Будды. На лицах Просветленного и праведников умиротворенность.

Народу в пагоде немного: ребятишки, с интересом разглядывающие росписи, несколько женщин, сидящих вокруг монаха — прэах сонга. Монах гадает по текстам „Трипитаки“ — канонического свода буддийских мифов.

Происходит это следующим образом: сначала прэах То Вил — так зовут монаха — пересказывает содержание одного из деяний или превращений Будды, как они изложены на деревянных табличках „Трипитаки“, а затем толкует их применительно к тем, кто хотел бы узнать о своей судьбе…

Прэаху То Вилу за пятьдесят. Лицо словно высечено из мыльного камня — оно напоминает мне виденные ранее изображения каменных аскетов. Тога у монаха белого цвета, что свидетельствует о важном месте его в иерархии буддийской сангхи — религиозной общины страны.

— „Трипитака“ не могла предвидеть бед, которые обрушились на Кампучию, — рассказывает То Вил. — То, что случилось с нашей страной, не поддается никакому объяснению и никаким сравнениям. При полпотовцах не могло быть и речи о соблюдении буддийских заповедей и канонов, хотя эти убийцы с черными душами официально объявили о свободе вероисповедания. Монахи подвергались гонениям и физическому уничтожению. Нас заставляли снимать тоги, и тех, кто противился, убивали.

То Вил говорит медленно, лицо его бесстрастно, но глаза горят. Я понимаю, что он скрывает гнев. Монах и буддист, он не имеет права гневаться. Но в биографии То Вила есть и такой факт: с 1977 года он врачевал в одном из отрядов повстанцев, делил с ними опасности партизанской жизни, боролся против черных сил зла.

Я спрашиваю То Вила, случается ли огорчать мрачными предсказаниями тех, кто обращается к нему с просьбой погадать?

— Никогда, — улыбается монах. — „Трипитака“ — книга добрая.

Гевея без романтики

Красноватая пыль оседала на капоте и брезентовом верхе „уазика“, забивалась внутрь автомобиля, скрипела на зубах.

Мы съехали с шоссе № 6 на проселочную дорогу, и колеса побежали по тюпским красноземам, иссушенным безжалостным апрельским солнцем. Многие деревья сбросили листву, трава выгорела и пожухла. Зеленых красок почти не было, и, казалось, весь пейзаж выдержан в коричнево-красноватых тонах, как у фламандских живописцев XVI века.

С двух сторон к дороге подступал кустарник саванны, небольшие озерца, поросшие лотосом, манили свежестью зеленых вод, но останавливаться было недосуг.

Март — ещё не самый жаркий месяц в Кампучии. Хотя зной наваливается с раннего утра, и спастись от него невозможно. Это не лучшее время для путешествий, но только сейчас, пока не наступил сезон дождей и не размыло проселочные дороги, можно на машине добраться туда, где основные магистрали — грунтовые дороги.

Плантации возникли на горизонте огромным зеленым массивом. По мере приближения они утрачивали ореол загадочной романтичности, которой веет со страниц романов о „каучуковых страстях“ в Амазонии.

Высаженные в ряды высокие деревья с гладкой корой, со слегка дурманящим запахом образуют густые рощи, в которых царит вечный сумрак. Кроны, необыкновенно густые из-за широких листьев, скрыли небо и раскаленный шар солнца, но спасительной прохлады тенистые кущи не принесли.

Рубашки прилипли к спине, волосы повлажнели от пота. Мы ходили от дерева к дереву, и Суос, сотрудник провинциального народно-революционного комитета, негромким голосом рассказывал о плантациях, их истории, экономическом потенциале, об особенностях сбора латекса, о том, что будет здесь завтра…

Для возрождения плантаций Тюпа нужно многое, и в первую очередь — люди…

На плантациях Тюпа уже трудится большая группа специалистов из Вьетнама. Они изучают возможности возобновления сбора латекса, ремонтируют завод по переработке латекса в сырую резину, намечают новые посадки гевеи.

Дуракам везёт!

Я сижу на высоком берегу Меконга под сенью огромного

платана и смотрю на медленные воды великой реки. Снуют узкие рыбачьи сампаны, пироги перевозчиков, плывут кусты и гроздья кувшинок, по широкой песчаной косе бегают мальчишки, кто-то моет низкорослую лошадку, кто-то купается, кто-то спешит на левый берег, кто-то плывет с той стороны на рынок… Обычная будничная жизнь провинции. Обычное деловое утро. Мир кажется вечным и незыблемым, как течение Меконга в канун сезона дождей. Но я знаю, как выстрадана эта будничность, знаю потери этой страны, знаю боль и заботы людей, их проблемы, их стремление к завтрашнему дню, их острую нужду во времени, которого так не хватает, потому что во всем нужно наверстывать отнятые мраком годы…

Нужно поторапливаться и мне. В машине за рулем сидит взволнованный Муй, сзади притихла Тана. Они не торопят меня, мои замечательные кхмерские друзья, но я понимаю нетерпение Муя. Не каждый день в этой стране сын находит мать, а мать обретает сына…»

(Текст из журнала «Вокруг света»)

Такая вот красивая, сентиментальная история из кхмерской жизни. На самом деле всё было прозаичнее.

Просто Тане и Мую очень нужно было попасть в Кампонгтям по своим делам.

У них были дела, у нас автотранспорт. На этот раз мы ездили на нашем «Уазике» без какой-либо охраны. По той самой дороге, на которой спустя три года «красные кхмеры» расстреляют автомобиль с «советскими специалистами по хлопку».

Но для нас всё обошлось. Дуракам везёт!

Печень Будды

В очерке для «Вокруг света» я не стал рассказывать о том, что буддийский священнослужитель То Вил из храма Воатнокор предсказал мне судьбу. Всё равно это не стали бы публиковать в эпоху увядавшего социализма.

Правда, с тех пор я больше никогда не обращаюсь с буддийскими монахами с просьбой погадать на текстах из жизни Будды. Потому что предсказаний То Вила мне хватит до конца жизни.

А случилось это так. После того как монах о чем-то живо поговорил с Таной, я в силу неуёмного любопытства спросил красавицу переводчицу, а может ли прэах То Вил рассказать о

моей судьбе.

— Конечно, — сказала Тана. — Садись на пол.

Я сел.

— Расслабься. И возьми ароматические палочки…

Я взял две зажжённые ароматические палочки из рук монаха. В это же время он положил мне на макушку веер из деревянных табличек, который я должен был придерживать одной рукой.

— Теперь вставь ароматические палочки между дощечек.

Я выполнил и эту команду.

То Вил снял с моей головы связку буддийских канонов, раскрыл её на том месте, куда я воткнул ароматические палочки и стал читать вслух.

— Жила одна женщина, — переводит Тана. — Она была очень умная женщина. А её муж был охотник. Но не очень умный. Его жена всё время была грустная.

Охотник спрашивает: Почему ты грустишь? Как мне не грустить, — отвечает жена, когда я так хочу достичь просветления, как Будда. Задумался охотник. Очень он любил свою жену. Долго бродил он по лесу в поисках Просветлённого. Однажды ему повезло. Он встретил человека прекрасного лицом. И исходило от него сияние. Пустил в него охотник стрелу, а затем вырезал у своей жертвы печень и устремился к хижине, в которой жил с женой. Приготовил он из печени Будды снедь, а тут и жена вернулась домой. По-прежнему грустная. Поешь, — говорит ей охотник. Жена съела приготовленное блюдо. Ну, как, — спрашивает охотник, — снизошло на тебя просветление. И поняла жена, какой ужасный поступок совершил её муж. Горе тебе, глупец, — сказала она и ушла навсегда в монастырь.

— И всё? — спрашиваю я у Таны.

— Погоди, — говорит она, и я ловлю её тревожный взгляд.

— Пожалуйста, Тана, — говорю я. — Пожалуйста, переводи всё, что он скажет.

— Тебе очень скоро будет очень плохо, месье Ига. Это очень злые и неумные люди. Они убьют тебя. Нет не так, чтобы убьют. Это образ. Ты будешь как мёртвый. Но ты не должен бояться. Когда-то ты снова вернёшься в мир как Будда, и люди будут уважать тебя, как уважают Просветлённого.

Однако же! — подумал я.

Положил в коробку для пожертвований деньги, и, сложив ладони с оттопыренными большими пальцами, приставил их к подбородку в благодарственном жесте.

Погадал!

По возвращении в Пномпень в посольстве нас ожидала шифротелеграмма, в которой было предложено выехать в апреле в отпуск в Москву.

Это была дорога в один конец!

«Таков конец, прекрасный друг!
Таков конец, мой последний друг —
конец.
Мне больно тебя отпускать,
но знаю — ты можешь отстать.
Конец —
Смеху и ласковой лжи.
Конец — ночам, в которые мы
Не смогли умереть.
ЭТО — конец».

Джим Моррисон — «Таков конец»

УВИДЕТЬ АНГКОР И …НЕ УМЕРЕТЬ

История одного путешествия
Часть первая

Глава первая
Улыбайся, когда хочется плакать

Июль 2007 года.

В Камбодже разбился самолёт Ан-24, выполнявший рейс по маршруту Сиемреап — Сианукивиль. Упал в горах на подлёте к единственному глубоководному порту страны. Сианукивиль после переворота, совершённого генералом Лон Нолом, был переименован в Кампонгсаом. Таковым и оставался во времена Пол Пота и позднее, когда я уже работал в Кампучии. До возвращения её в королевство Камбоджу.

Тринадцать граждан Южной Кореи и три чеха, посетившие храмовые комплексы Ангкор-Ват и Байон, с комфортом решили перебраться на берег Сиамского залива. Но, видать не судьба.

Вот и думай о том, что человек — кузнец своего счастья.

Сегодня поездка в провинцию Сиемреап, где расположены знаменитые храмовые комплексы Камбоджи — обычный туристический маршрут. Можно отправиться туда из Пномпеня, можно из Бангкока. А как это было тогда?

Январь 1981 года.

Сразу после встречи Нового 1981 года Сомарин привёз нам хорошие новости. МИД НРК наконец, дал добро на поездку в Сиемреап. После того как Ник Ник улетел со своей съёмочной группой в Москву, наша жизнь превратилась в сплошную череду шифрограмм из Гостелерадио СССР за подписью Мамедова, а иной раз и самого Председателя, в которых нам поручалось как можно скорее отправиться на съёмки храмового комплекса Ангкор-Ват. Старый интриган Ник Ник чётко знал своё дело. Подготовленные им тексты телеграмм визировались вышестоящим начальством, а мне лишь оставалось доказывать, что я не кролик.

Откуда-то повеяли слухи о московских разговорах, что собкор в Пномпене празднует труса.

Сама мысль, что такие разговоры возможны, была для меня не выносима. И всякий раз посол Моторин, вручая мне очередную телеграмму, ласково говорил о готовности направить Лапину ответную депешу, где «мы напишем о невозможности такой

поездки в обозримом будущем».

— Если только кхмеры не предоставят вам вертолёт, — говорил Олег Владимирович с ласковым выражением удава, который ждёт, как кролик сам полезет ему в пасть. — Но ведь они же вам его не предоставят. А ехать автотранспортом — элементарное самоубийство. Ну, так что, Игорь, ответим вашему руководству? Мы готовы подтвердить убийственный характер этой поездки.

— Олег Владимирович, я не могу отказаться от этого задания. Как только отдел печати даст разрешение, мы поедем в Сиемреап. Даже без охраны.

— Вы очень упрямый человек, Игорь. — Посол недобро прищурился. — Готовы прошибить лбом стену. Это похвально. А вот как за этой стеной окажется пропасть…

Я понял его намёк.

Сегодня я даже не задумываюсь о том, что мог принять предложение чрезвычайного и полномочного Моторина или войти в число доверительных корреспондентов резидента, как это сделали все мои коллеги. В то время я понятия не имел о кодексе Бусидо, но исподволь придерживался именно самурайской этики. Поэтому с настойчивостью самоубийцы добивался через Сомарина, Чум Бун Ронга и остальных кхмерских товарищей, которых успел узнать, разрешения на поездку в Сиемреап. Но после расстрела наших докеров на дороге № 4 пномпеньские функционеры стали очень осторожны. Для вьетнамских военных я и вовсе был персоной в тех краях нежелательной. Я же не ведал, что окрестности Ангкора стали ареной ожесточённых столкновений ВНА с усилившимися здесь отрядами «красных кхмеров».

Так или иначе, вопрос о поездке завис. Ник Ник запаниковал. Материала на фильм не набиралось. Ко второй годовщине свержения Пол Пота он уже ничего не успел, и очень сильно опасался, что этот провал отразится на его безупречном реноме. Поэтому Ник Ник решил перевести стрелки на нас с Пашей. «Сидят там два труса в Пномпене…». После знакомства с ним я в этом не сомневался.

«Мы так спешим пригнуться,
Лишь ветер дует вновь
И отголоски боя
Нарушат наш покой.
Мы так спешим уткнуться
В случайную любовь,

Едва она поманит
Уверенной рукой.
Мы так спешим пригнуться,
Укрыться от тревог
Хотя бы на мгновенье,
Чтоб стала тень у ног
Уютной детской тенью,
Сберечь, что накопил,
Ценою униженья.
Жить в полный рост — неужто нету сил?»

(Жак Брель — «Жить в полный рост»)

Сомарин приехал во второй половине дня в понедельник. Выглядел он озабоченно.

— В среду рано утром мы должны выехать из Пномпеня. Никто не должен знать, куда мы едем.

— Но я должен поставить в известность наше посольство.

— Да. Но больше никого. У нас о поездке знают пять человек. И ещё пять солдат.

— И ещё Муй.

— Он проверенный человек.

— А солдаты?

Сомарин улыбается.

— Служба безопасности. Месьё Ига, это очень опасное предприятие.

— Ты предпочёл бы не ехать, мой друг?

— Мы одна команда, — говорит Сомарин, улыбаясь и пряча грустный взгляд.

Моя любимая непроницаемая Азия. Люди здесь умеют скрывать свои эмоции. Умеют улыбаться, когда хочется плакать.

Глава вторая
«В моей смерти прошу винить Игоря Т.»

В кабинете посла собралась ревтройка. Сам Моторин, резидент К.Н. и парторг Опятов. Свалившееся в октябре на нашу голову редкое ничтожество.

— Итак, вы всё же настояли на поездке.

Моторин смотрит на меня с нескрываемой досадой. У К.Н. застенчивая улыбка человека, который через минуту всадит нож тебе в бок. Опятов рвётся с поводка как верный Руслан.

— У меня задание Председателя Гостелерадио.

— А у нас полномочия его отменить. Вы хоть понимаете, во что ввязались?

Я молчу. Сейчас лучше всего молчать.

— Нет, вы решительно ничего не поняли. Пишите расписку!

— О чем?

— О том, что вы предупреждены посольством о возможных последствиях этой поездки и берёте на себя ответственность за возможные последствия.

«В моей смерти прошу винить Игоря Т.» Забавная перспектива!

Понимаю, что отношения с послом испорчены окончательно и бесповоротно. Пишу заявление на имя Моторина О.В. — чрезвычайного и полномочного. Трубин пишет такую же бумагу. О чём он сейчас думает? Павлик почище любого азиата умеет скрывать свои эмоции.

«Когда бесстрастных рек я вверился теченью,
Не подчинялся я уже бичевщикам,
Индейцы-крикуны их сделали мишенью,
Нагими пригвоздив к расписанным столбам.

Мне было всё равно, английская ли пряжа
Фламандское ль зерно мой наполняют трюм.
Едва я буйного лишился экипажа,
Как с дозволенья Рек понеся наобум.

Я мчался под морских приливов плеск суровый,
Минувшею зимой, как мозг ребёнка глух,
И Полуострова, отдавшие найтовы,
В сумятице с трудом переводили дух».

Мы засиделись до позднего вечера. Балагурили. Что-то пили. Слушали шведский квартет «АББА». Потом Паша и Алёна ушли к себе. Я курил, смотрел на звёзды и думал о том, что завтра мы поедем в самое длинное и долгое путешествие. Может быть, последнее…

Самое трудное было объясниться с Мышкой.

— Здесь три тысячи долларов. Наша касса. За них отвечаю я. И никто больше. Ни для кого больше этих денег нет, кроме тебя и Алёны.

— И думать не смей, — говорит Мышка. — Подумаешь,

путешествие! А может, возьмёшь меня с собой. Я так хочу взглянуть на Ангкор.

— Невозможно. В машине просто нет места. А деньги сохрани. И давай не будем ни о чём говорить.

Крысы носятся по двору как мустанги. Как они мне осточертели.

«Благословение, приняв от урагана,
Я десять суток плыл, пустясь, как пробка в пляс
По волнам, трупы жертв, влекущим неустанно,
И тусклых фонарей забыл дурацкий глаз.

Как мякоть яблока моченого приятна
Дитяти, так волны мне сладок был набег;
Омыв блевотину, и вин сапфирных пятна
Оставив мне, снесла она и руль и дек»

(Артюр Рембо «Пьяный корабль»)

Глава третья
Возвращаться — плохая примета

В среду на рассвете, примерно в четыре утра, приехал Муй на канареечной нашей «Ладе» и Сомарин с пятью бойцами из службы безопасности на мидовском «Лендровере». Их юный вид заставил меня усомниться в боевых качествах этих мальчишек. Муй, с которым я поделился этими сомнениями, загадочно улыбнулся. Когда мы отъехали метров на десять от «Лендровера», в котором находились Сомарин и пять бойцов, он сказал, что каждый из этих мальчиков (сет гарсон) уже убил по десятку врагов (лезэнми) и лучше с ними не шутить.

«Самое главное для самурая, находящегося на службе — общаться и заводить друзей только среди тех своих товарищей, которые отважны, верны долгу, умны и влиятельны. Но поскольку таких людей немного, следует среди многих друзей выбрать одного, на которого в случае необходимости можно полностью положиться. В целом самураю нежелательно заводить близких друзей из числа тех, кого он любит и с кем он предпочитает есть, пить и путешествовать. Ибо если он проявит к одному из них расположение и сделает своим другом, полагая, что тот будет

весёлым и хорошим спутником, они могут легко повести себя непристойным для самурая образом: относиться друг к другу без должных церемоний, общаться друг с другом слишком фамильярно и ссориться по пустякам. А затем они могут помириться даже без обычных в таком случае слов. Подобное предосудительное отсутствие достоинства лишь доказывает, что, хотя внешне некоторые выглядят как самураи, сердца у них как у нищих подёнщиков».

(Юдзан Дайдодзи «Будосёсинсю»)

Мы выехали из города как призрачный кортеж. Уже отъехали от Пномпеня километров на восемь, когда Пашка вдруг обнаружил, что забыл дома аккумуляторы для кинокамеры.

Всё, кажется, приехали! Очень хотелось разразиться матерком. Но вид у Пашки настолько обескураженный, что я предлагаю Сомарину и бойцам позавтракать в придорожной харчевне рыбацкого поселения Чран Чамрес. Потом вежливо объясняю Мую, что нужно вернуться за аппаратурой и мысленно посылаю Павлика в одно известное место…

«Не мигают, слезятся от ветра
безнадёжные карие вишни.
Возвращаться — плохая примета.
Я тебя никогда не увижу»

Нет уж, дудки! Мы вернёмся. Не на войну едем. На съёмки. А если, что и случится — значит не судьба…

Примерно через час возвращается оператор Трубин. Гвардия к тому времени наелась, успела поковырять палочками в зубах, выкурить по три сигареты, так что от моей непочатой с утра пачки «555» остались рожки да ножки. Их командир, — пацан пацаном, — что-то говорит Сомарину, красноречиво постукивая по циферблату часов, отчего мой славный «смотрящий» переводчик только обескуражено цокает языком. Потом Сомарин смотрит на меня с такой укоризной, словно я нарочно оставил дома эти злосчастные аккумуляторы, а потом послал за ними Пашку, чтобы создать осложнения экспедиции в самом начале пути.

— Я очень сожалею, что так получилось, Сомарин, очень сожалению.

Желание послать Павлика на три русские буквы настолько сильно, что я закуриваю последнюю сигарету и бросаю скомканную пустую пачку на обочину.

— У Пашки жалкий вид. Он понимает, что мы потеряли час, что кто-то в городе видел наш отъезд, что вся эта пресловутая секретность полетела к чертям собачьими.

— Прости, шеф…

— Не надо слов, Паша. Мы и без того по уши в дерьме. С самого утра!

«Высказывать людям свои мнения и исправлять их ошибки очень важно. В этом проявляется сострадание, которое больше всего помогает в вопросах служения. Однако делать это очень трудно. Выявлять хорошие и плохие стороны человека легко и высказывать о них своё мнение тоже легко. Чаще всего люди полагают, что делают другим добро, когда говорят им нелицеприятные вещи. Если после этого к их замечаниям относятся без должного понимания, эти люди думают, что ничем не могут помочь. Это неправильное мнение. Делать так — все равно, что наставлять человека, упрекая его в слабоумии. При этом ты заботишься только о том, чтобы облегчить себе душу.

Прежде чем выразить человеку своё мнение, подумай о том, в состоянии ли он его принять. Для этого вначале нужно поближе сойтись с ним и убедиться, что он доверяет тебе. Похвали хорошие качества человека и используй любой предлог, чтобы поддержать его. Возможно, тебе следует рассказать о своих недостатках, не упоминая его слабые стороны — но так, чтобы он сам задумался о них. Позаботься о том, чтобы он получил твой совет, как получает воду тот, кто изнывает от жажды, и тогда твоё наставление поможет ему исправить ошибки.

Это очень трудно. Если недостаток человека опирается на многолетнюю привычку, скорее всего, совладать с ним тебе не удастся. Я знаю об этом по себе. Быть откровенным со всеми своими знакомыми, указывать другим на их ошибки и всегда помнить о том, чтобы быть полезным своему хозяину — вот что значит проявлять сострадание слуги. Но если ты просто заклеймил человека, как ты можешь ожидать, что он станет от этого лучше?»

(Ямамото Цунэтомо — «Хагакурэ»)

Глава четвертая
****ец отменяется!

Путевой очерк, написанный позднее для журнала «Вокруг света» мой первый редактор Виталий Бабенко, к которому я отношусь с глубочайшей симпатией, переименовал с «Дороги на Ангкор-Ват» на «Возвращение к Ангкор-Вату». Кто туда

возвращался, я не очень понял. Но легко согласился с редакторской правкой и со сменой заголовка. Очень уж хотелось появиться на страницах самого престижного в то время журнала путешествий. Сейчас я решил сопоставить два варианта заметок об этой поездке. Первую, из «Вокруг света» — романтическую, парадную. И вторую, ностальгическую, с пыльными подтёками на грязном лице автора.

«Возвращение к Ангкор-Вату» (первый фрагмент)

«Вот уже полгода я мечтал поехать в Ангкор, но все время что-то мешало. У журналистов, работающих в Кампучии, всегда очень много работы и очень мало времени на личные планы. Смотришь, в провинциальном центре открывают новую школу, а в соседней деревне — пхуме — организовали медпункт; в Пномпене у студентов технического института воскресник, на котором ребята расчищают территорию от буйных трав запустения, а на медицинском факультете — первый выпуск. Сегодня у рыбаков на озере Тонлесап началась путина — ранним утром плывешь на длинной узкой пироге от одного заякоренного плота к другому, чтобы снять на пленку трепещущее в неводах серебро, а завтра вышагиваешь по узеньким дамбам среди рисовых чеков и даже пытаешься вместе с крестьянами жать рис, но не успеваешь войти в ритм, потому что время торопит: через три часа ты должен быть на стадионе, где состоится товарищеский футбольный матч между командами Пномпеня и Хошимина…

— Мы сможем выехать в Ангкор послезавтра, — сказал наш гид Сомарин. — Хочу предупредить: это будет не очень-то приятная прогулка — дорога от Кампонгчнанга совершенно разбита. Ехать придется со скоростью километров двадцать в час, не больше. Правда, хорошо, что сейчас январь и не очень жарко.

„Не очень жарко“ означало, что температура воздуха на солнце доходит всего лишь до 35 градусов по Цельсию.

…Был сезон прахока, и воздух пропитался резким запахом перебродившей на солнце рыбешки. Навстречу нам двигались вереницы двуколок, которые тянули меланхоличные буйволы. Крестьяне из деревень, расположенных вдали от реки Тонлесап, везли рис, чтобы обменять его на мелкую рыбешку и тут же, на берегу реки, заняться приготовлением прахока. Повозки небольшие, но на каждой располагалось, как правило, целое семейство.

Прахок — непременная принадлежность кхмерской кухни. Это особым способом приготовленная рыбная масса, которую несколько недель выдерживают на солнце, отчего она

приобретает острый вкус, едкий аромат и становится незаменимой приправой к вареному рису. Готовят прахок в январе — феврале, потом хранят в больших глиняных чанах. Запасов обычно хватает на год, а затем — снова в путь-дорогу. К реке…»

(Текст из журнала «Вокруг света»)

— По коням, хлопцы, — говорю я по-русски, и мне кажется, что только мой философический шофёр Муй понял, о чём я говорю.

— Едем? — повторяю уже по-французски.

Сомарин и гвардия загружаются в «Лендровер». Я сажусь рядом с Муем. Пашка устраивается на заднем сидении «Лады» и обиженно сопит. Я молчу.

— Шеф… — начинает Павел…

— Паша, не обижайся, но давай без объяснений. Ну, забыл аккумуляторы. С кем не случается. Вот только возвращаться — плохая примета. Не в Хошимин едем…

Дорога № 1, соединяющая Пномпень с городом Хошимин (Сайгоном), — самая густонаселённая и самая безопасная по всей Кампучии. Остальные проблемны. Та, по которой предстоит ехать нам, особенно во второй день, самая опасная. Но и в первый мы должны приехать в Баттамбанг до наступления сумерек. А не отъехав толком от Пномпеня уже потеряли час. Хотя это не ралли Париж — Дакар, но для нас этот час важнее, чем для пилотов самых престижных авторалли.

Сначала наш эскорт поехал впереди. Но поскольку знаменитый английский внедорожник «Лендровер» пылил нещадно, а глотать красноватую густую пыль у меня не было никакого желания, то я предложил Мую ехать впереди эскорта.

Философический мой драйвер сказал: что, может быть, по-своему я прав. Но лучше бы нам глотать пыль, чем подорваться на мине.

— Если мы подорвемся на мине, они сразу же развернутся и умчатся прочь. Потому что там нас наверняка ждёт засада.

— И всё же, месьё Муй, мы поедем впереди. Я люблю поиграть с судьбой. Поверь, всё будет хорошо!

— Как скажете, патрон, — вздохнул Муй, и мы перестроились. Пашка в это время уже начал сладко посапывать на заднем сидении. Он мог спать всегда и везде, потому что по ночам много раз любил свою молодую жену. Алёнка была отменно хороша. Через несколько лет они развелись. Но это было уже потом в Москве, когда жизнь вернулась в блеклый черно-

белый формат.

Внимательный читатель, наверняка, обратил внимание, что в журнальном варианте путевых заметок Трубин не упоминается вовсе. Почему? В то время наши дороги сильно разошлись, но я погрешил против факта не потому, что был на него зол или обижен. Бог ему судья. Просто он как-то не вписался в композицию очерка. Это моя вина. И я исправляю эту ошибку спустя четверть века.

«Говорят, что, совершив ошибку, нужно тут же её исправлять. Если это сделать без промедления, она скоро будет забыта. Но если пытаться прикрывать ошибку, события примут ещё более неблагоприятный оборот. Если ты оговорился, но тут же поправился, твое неудачное слово не возымеет плохого действия, и тебе не нужно о нем беспокоиться. Но если кто-то упрекнёт тебя, будь готов сказать ему: „Я объяснил вам причину своей оговорки. Прислушайтесь к голосу разума. Поскольку я сказал это случайно, к моим словам следует относиться так, будто они вообще не были произнесены, и поэтому винить в данном случае некого“.

Никогда не следует говорить о других людях и тайных делах. Кроме того, в разговоре всегда нужно следить за реакцией собеседника».

(Ямамото Цунэтомо — «Хагакурэ»)

До полудня оставался ещё час, когда где-то рядом прогремел взрыв. Мы ехали по мосту через какую-то речку. «Ладу» окатило фонтаном воды. Муй побледнел, если только это сравнение применимо к его лицу цвета кофе со сливками, и, вцепившись в руль, рванул вперёд. Пашка вскочил, ничего со сна не соображая.

— Шеф…

— Кажется, ****ец! — сказал я.

«Вот и весь прикол — танец или смерть
Или я спасён или мне гореть
На моём пути черная дыра
У моей мечты выцвели глаза

На моём пути чёрная дыра
На моей любви красная роса
Вот и мой прикол — танец или смерть
Вот и я спасён, вот и мне лететь»

(Вадим и Глеб Самойловы «Я вернусь»)

«Лада» перескакивает через мост и как вкопанная замирает на краю дороги. Не ударь Муй по тормозам, мы тут же остались бы без колес. Дорожное полотно — сплошные воронки.

Позади надрывается клаксон «лендровера». Он остался на другом берегу.

Ноги у меня не слушаются. Однако заставляю вывалиться на земную твердь, чтобы оценить ситуацию. С той стороны моста высыпала из «лендровера» моя «гвардия». Рты у всех до ушей. Им весело. Чёрт побери, им весело! Показывают пальцами в сторону реки. Смотрю на речку и ничего не могу понять. Воды не видно. Вся поверхность покрыта серебром рыбьей чешуи. Кто же так посеребрил речку? А вот и он, местный маг. Метрах в ста от нас вниз по течению стоит боец Вьетнамской народной армии с плетёной корзиной, которую он через несколько минут наполнит глушённой рыбой. На земле «калаш» и подсумок с гранатами. Ему, кажется, тоже очень весело.

Внезапно передо мной вырастает Муй, озабоченно разглядывая колёса машины. Колёса, слава Богу, пока целы.

А вот и Павел. Кажется, он спросонья не успел ничего понять.

— Живём, Пашка! ****ец отменяется!

Глава пятая
«Я не буду пить вьетнамскую водку!»

В начале 80-х Вьетнам оставался одной из беднейших стран мира. Обескровленная десятилетиям войн экономика деградировала, а военные расходы продолжали расти. Содержать в Кампучии более чем стотысячный корпус было нелегко. Поэтому на линиях коммуникаций подразделения ВНА должны были сами добывать себе пропитание. Неудивительно, что несколько вьетнамских солдат, осуществлявших охрану моста через эту злополучную речку, глушили рыбу подручными боеприпасами.

Так что нам с одной стороны очень повезло, что взрывное устройство не было лимонкой. Хотя, вряд ли вьетнамцы стали бы рисковать такими осколочными «игрушками».

Переехав через мост, «лендровер» останавливается возле «Лады». Мои «гвардейцы» просят закурить. Достаю новую пачку «555», а заодно и бутылку водки «Луа мой».

Стресс надо снять водкой. Она тёплая и противная.

«Гвардейцы» смотрят на меня почти с ужасом.

Пить в такую жару водку в начале одиннадцатого!

В другое время Павлик тоже отказался бы от водки, но сейчас он пьёт. Давится, но пьёт. Запиваем кокосовым соком.

Сомарин на моё предложение выпить отвечает решительным отказом. «Я не буду пить вьетнамскую водку!».

С чего бы это мы вдруг стали такие патриотичные? А другой водки у меня нет. И шотландского виски тоже.

— Потерпи до ближайшей харчевни, мон шер ами, там разживёмся самогоном или пальмовым пивом на худой конец.

Упоминание о харчевне вызывает прилив доблести у моих «гвардейцев».

Вьетнамский солдат собирает рыбу в реке. А мы трогаемся дальше.

«Говорят, что самурай должен избегать большого количества сакэ, чрезмерной гордости и великой роскоши. Ведь когда человек несчастен, у него нет повода для беспокойства, но когда у него появляется надежда, эти три соблазна снова становятся опасными. Посмотри, как живут люди. Когда дела у них идут хорошо, их одолевает гордость, и они становятся сумасбродами. Поэтому, если в молодости судьба не благоволит человеку, в этом нет ничего плохого. Такой человек часто сталкивается с трудностями, и у него складывается сильный характер. Если же перед лицом невзгод человек начинает хандрить, он ни к чему не пригоден».

(Ямамото Цунэтомо «Хагакурэ»)

«Возвращение к Ангкор-вату» (Второй фрагмент)

«Мы хотели попасть в Баттамбанг засветло и поэтому, пока не кончился асфальт, мчались с приличной для этих мест скоростью — 60 километров в час. Асфальт кончился перед Кампонгчнангом…

Полпотово воинство, никогда не отличавшееся бережным отношением к творениям рук человеческих, при бегстве рвало минами асфальт через каждые полтора-два метра. В итоге — изрытая воронками лента шоссе № 5 и практически ни одного целого моста.

— Представьте себе тысячи километров разрушенных дорог, сотни взорванных мостов, уничтоженный автомобильный парк, — говорил мне Кхун Чи, министр транспорта Народной Республики Кампучии. — Представьте себе пришедшие в негодность портовые сооружения и затопленные суда; представьте себе десятки заржавевших паровозов и заросшие лианами и бамбуком железнодорожные пути — тогда вы поймете, с чего нам пришлось

начинать восстановление транспортного хозяйства страны.

За три года мы полностью отремонтировали шоссе № 1, связывающее Пномпень с Хошимином. Без дорог немыслимо развитие транспорта. Сегодня уже функционирует железная дорога между Кампонгсаомом, Пномпенем и Баттамбангом. С помощью советских специалистов мы наладили работу двух важнейших портов страны. Но все же основным в Кампучии остается автомобильный транспорт. Сейчас главное — это дороги…

…Наш шофер Муй притормаживает „Ладу“, чтобы пропустить груженный щебенкой ЗИЛ. Шоссе в этом месте идет по дамбе. На обочине кучи щебня. Рабочие засыпают им воронки. Грейдер ровняет щебень, который затем заливают горячим битумом. По шоколадным спинам дорожных рабочих струится пот: сверху палит солнце, снизу пышет расплавленный битум.

Первое колесо мы сменили в полдень, отъехав от Кампонгчнанга километров тридцать.

— Лучше бы это случилось до Кампонгчнанга, — сетовал Муй, — тогда в городе мы смогли бы залатать баллон. Еще два прокола — и мы застрянем на дороге.

— Ты хочешь навлечь неприятности? — рассердился Сомарин. — Теперь того и гляди полетит кардан.

Муй обиделся.

— Кардан не полетит, — сказал он, вытирая пот со лба. — „Лада“ — крепкая машина.

Я решил вмешаться:

— „Лада“ действительно очень выносливая машина, но не это главное. У нас прекрасный шофер, и кардан у него не полетит.

Муй смутился, все рассмеялись, и первый инцидент с проколом завершился дружеской трапезой на обочине».

(Текст из журнала «Вокруг света»)

Глава шестая
О пользе алкоголя в Индокитае

В Кампонгчнанге мои «гвардейцы» поели довольно плотно, опустошив все кастрюли и сковороды в придорожной харчевне. Небольшого роста худые бойцы обладали аппетитом Гаргантюа. Муй с Сомарином ели неторопливо и негромко разговаривали на кхмерском. Павлик пил пиво со льдом, а я запивал им водку со льдом.

Не пить в Камбодже, да и во всём Индокитае, если ты обедаешь или ужинаешь в придорожных харчевнях, просто нельзя. Этому меня напутствовал накануне отъезда в Пномпень

покойный Сан Саныч Каверзнев, царствие ему небесное. 100 граммов до еды, 100 — после, иначе схлопочешь хроническую диарею или чего похуже! Ну, а где 100, там и двести, а потом ещё один стаканчик виски, чтоб москиты не кусали.

«Я пью, — что говорить, но не буяню спьяну;
Я жаден, но к чему? Лишь к полному стакану.
Да, свято чтить вино до смерти буду я,
Себя же самого, как ты, я чтить не стану».

(Омар Хайям «Рубаи»)

Пашка человек практически не пьющий. Если только обстоятельства не вынуждают. На мою слабость к Бахусу он всегда смотрел неодобрительно. Но молчал при этом. После того как я опубликовал все три очерка в «Вокруг света» он сказал мне как-то: «Никак не могу понять, Игорь, как это тебе удалось запомнить столько деталей? Ты же всю дорогу был тёплый!»

Потому и запомнил.

Чрезвычайный и полномочный Олег Владимирович Моторин писал записки в посольскую лавку с разрешением продать подателю сей бумаги бутылку водки 0,5 или 0,7, (с указанием объёмов у него было строго), предварительно долго и нудно допытываясь, а нельзя ли день рождения отметить чашкой чая. Вот такие моторины и лигачёвы с горбачёвыми и приблизили начало конца. Собственно записок я у посла не просил, покупая в единственном «государственном магазине» Пномпеня просроченный голландский джин, о котором уже упоминал. Иногда брали в баре отеля «Самаки» (бывший «Руаяль») вьетнамскую водку «Новый рис» («Луа мой»), иногда моряки двух сахалинских сухогрузов, с которыми мы подружились, привозили нам из Сингапура коробку «красного» «Джонни Вокера», которая имела обыкновения очень быстро пустеть. Но это так, лирическое отступление о пользе алкоголя в антисанитарных условиях Индокитая.

«В ночи душа вина играла соком пьяным,
И пела: Человек! Изведай власть мою!
Под красным сургучом, в узилище стеклянном
Вам, обездоленным, я братства песнь пою.

Мне любо литься в рот и в горло всех усталых,

Я бурно радуюсь, пускаясь в этот путь.
Чем скучный век влачить в застуженных подвалах,
Не лучше ль умереть, согрев живую грудь.

Когда в воскресный день звенит от песен город,
И, грудь мою тесня, щебечут в ней мечты,
А пред тобой стакан, и твой расстёгнут ворот,
И локти на столе — недаром счастлив ты!»

(Шарль Бодлер «Душа вина»)

Глава седьмая
Боже, храни нам Колёса!

В Поусате мы латаем ещё две шины. Бойцы снова с отменным аппетитом поглощают курицу с рисом и пьют зелёный чай со льдом. Водители сидят, закрыв глаза. Им досталось больше всего. Дорога изматывает. Смотрю, как струйки пота оставляют бороздки на моей покрытой слоем красноватой пыли коже. До Баттамбанга ехать минимум три с половиной часа. Наверняка до сумерек не успеем. Боже, храни нам Колёса! Дорога монотонна. Окрестный пейзаж с сахарными пальмами, саванной и возделанными кое-где рисовыми полями успел превратиться в бесконечную декорацию для спектакля под названием «Страсти по Ангкору».

«Под вечер нам добраться надо
До большака,
Что долго тащится, как стадо
Гуртовщика.

Деревья в гроздьях алых пятен,
Стволы в смолье,
И запах яблок сладко внятен
За много лье.

Придём в село при первых звёздах
Мы прямиком,
И будет хлебом пахнуть воздух
И молоком;

И будет слышен запах хлева,
Шаги коров,
Бредущих на ночь для сугрева
Под низкий кров …»

(Артюр Рембо)

В Баттамбанге то тут, то там — робкие огоньки плошек на рыночной площади.

Кажется, тьма поглотила этот второй по величине после Пномпеня город в Кампучии. Если Сайгон после Пномпеня, воспринимался нами как Нью-Йорк, то Баттамбанг больше похож на зловещие владения графа Дракулы.

Теперь уже мы едем за «лендровером» по лабиринту тёмных улиц. Приземистое двухэтажное строение — гостевой дом для чиновников нового режима. Пару комнат приберегли для нас. Отелей в Баттамбанге в то время не было. Как и туристов. Забираемся на циновки под москитные сетки и проваливаемся в бредовые сны. На рассвете снова в дорогу.

«Возвращение к Ангкор-вату»

Дома кхмерских крестьян — это очень легкие сооружения на сваях, продуваемые всеми ветрами, если таковые возникают. Строительным материалом служат стволы бамбука и листья сахарной пальмы. Вокруг домов обычно растут бананы, оживляя своей густой зеленью нехитрое поселение, и непременно несколько сахарных пальм.

— Когда я жил в деревне, — рассказывал Муй, — у нас было пятнадцать сахарных пальм. Они требовали постоянного ухода. Те, что растут на полях, уже одичали, и пользы от них немного. Листья идут на кровлю, из них плетут корзины, циновки. Но главное — сок пальмы. Его собирают с тех деревьев, за которыми ухаживает человек. Когда на кроне пальмы распускается цветок, к нему подвешивают бамбуковый стакан, в который стекает нектар. Стакан опорожняют два раза в сутки. Пальмовый сок выпаривают, получая сахар, можно делать из нектара и напитки: пиво, вино. В нашей деревне всегда делали много пива.

После Баттамбанга пейзаж резко изменился. Исчезли кустарники саванны, не попадаются большие пальмы. Дорога идет меж бескрайних желтых полей, совершенно непохожих на лоскуты рисовых чеков в районе Пномпеня, разделенных узкими дамбами. Немного воображения — и покажется, что путешествуем мы где-то в среднерусской полосе ясным сентябрьским утром. Только сейчас конец января, и если поля в

России покрыты снегом, то здесь, в кампучийской провинции Баттамбанг, недавно прошла жатва, и рисовые поля желтеют стерней, которую еще не успели поджечь, чтобы подготовить землю к очередному посеву.

На шоссе оживленное движение. Навстречу нам из Сисопхона велосипедисты везут массу всевозможных товаров, хитро привьюченных к багажникам. Люди спешат на рынок в Баттамбанг. Временами проносятся ярко раскрашенные мотоциклы: за рулем — задорно улыбающийся парень, сзади пристроилась красавица в пестром саронге. Но самым живописным зрелищем был, пожалуй, автобус, с боков которого гроздьями свисали велосипеды, а на крыше тесно сидели веселые мужчины. Для них — в отличие от тех, кто томился в духоте внутри автобуса, — поездка была с ветерком…

Провинция Баттамбанг слыла в свое время рисовой житницей Кампучии. Сегодня это одна из самых многолюдных провинций страны: возвращаются к родным очагам крестьяне, угнанные полпотовцами в пограничные районы Таиланда, возвращаются также те, кто был обманут маоистской пропагандой и скрывался в джунглях от «вьетнамского истребления». Люди поверили народной власти, которая пришла на помощь крестьянам в критическое для них время, когда запасы риса были уничтожены бандами, когда нечего было сеять и нечего было есть. И хотя сейчас производство риса еще не достигло уровня довоенных лет, размеры обрабатываемых площадей увеличиваются с каждым сезоном. В некоторых районах провинции на полях появились советские тракторы «Беларусь»…

(текст из журнала «Вокруг света»)

От Сисопхона до таиландской границы всего несколько десятков километров. Здесь центр контрабандной торговли, если только её можно так назвать. Потому что практически все товары в Кампучии — контрабанда. По рынку слоняются какие-то мрачные личности с нескрываемым любопытством разглядывающие двух европейцев, которых сопровождают, а может, охраняют, а может, конвоируют пятеро бойцов из службы безопасности.

К пашкиному неудовольствию покупаю несколько бутылок с крепким тайским напитком, чем-то средним между виски и ромом. Вьетнамскую водку допил ещё вчера за ужином в Баттамбанге. Поэтому тайскому аперитиву обрадовался как ребёнок. Это куда лучше, чем глотать омерзительные обеззараживающие таблетки, которыми Трубин разжился у наших швейцарских барышень.

Где ты, моя маленькая Мари-Франс? Я вот забрался аж в Сисопхон. Который кишит полпотовскими агентами, как Касабланка гитлеровцами. Ну, ничего, прорвёмся! Первый день проехали без приключений, если не считать рыбалки с гранатой. Сплюнем через плечо. Мы уже на две трети пути приблизились к «девятому чуду света».

Придорожный ланч в Сисопхоне. Прохожие смотрят на нас с любопытством толпы впервые увидевшей слона. Пятеро бойцов службы безопасности, на них форма цвета кофе с молоком в отличие от обычной армейской оливкового цвета, и два странных европейца, явно не француза.

Причём один из этих иностранцев с видимым удовольствием пьёт с утра крепкий тайский алкоголь.

Плюс два шофёра, плюс чисто пномпеньского вида молодой человек, который к тому же говорит по-французски.

А кто здесь из интеллигентов не говорит по-французски?

Пол Пот, Иенг Сари, Кхиеу Самфан — все они, начитавшиеся Сартра франкоговорящие интеллектуалы с садомазохистскими наклонностями.

А может, я слегка поспешил с выводами?

Конечно, мы не подходим под картину импрессиониста Клода Моне «Завтрак на траве», ни под знаменитое полотно Репина «Письмо к турецкому султану», ни под Огюста Ренуара с его солнечным «Завтраком гребцов».

Но смотримся очень колоритно. Ей Богу, я снял бы такое кино. Про второй завтрак в Сисопхоне.

Достаю очередную пачку «555», которую гвардейцы сразу же разбирают на курево и запаску. Только что за ухо сигареты не засовывают. А так всё, как у пацанов в Советской Армии. Как говорил наш старшина: «запас жопу не е…».

Итак, последний рывок к Ангкору!

Глава восьмая
Явление мадам

«Возвращение к Ангкор-вату» (Четвертый фрагмент)

…В Сисопхоне мы прощаемся с дорогой № 5, идущей дальше в сторону таиландской границы, и сворачиваем на дорогу № 6. Отсюда до Сиемреапа — ближайшего от Ангкора крупного города — не более ста пятидесяти километров.

— Если повезет, через пять часов будем в Сиемреапе, — говорит Сомарин, доедая теплый и очень сладкий арбуз.

После Баттамбанга Сисопхон кажется маленьким и

захолустным. Город сильно разрушен, большая часть жителей ютится в лачугах из жести и фанеры. Главная достопримечательность городка ныне — это рынок.

В Пномпене я беседовал с одним из работников министерства торговли.

— Сейчас мы вынуждены мириться с таким положением дел, — говорил он. — И рынок до поры до времени останется основным источником снабжения населения. Постепенно, по мере восстановления промышленного производства и выпуска необходимых народу товаров, которые будут продаваться в магазинах по твердым ценам, мы сумеем подорвать позиции рыночных торговцев…

При Пол Поте все виды торговли были упразднены, а ныне в Пномпене и других городах уже открыты первые государственные магазины, где можно приобрести рис, рыбу, прахок, ткани, кухонную утварь…

…Как ни старались мы одолеть основную часть пути до полудня — ничего из этого не вышло. И вот уже два часа дня, а мы все еще только на полдороге к Сиемреапу. Солнце жарит немилосердно, «Лада» раскалена, встречный поток воздуха опаляет руки и лица. Правую руку, высунутую из окна автомобиля, я обмотал шейным платком — иначе будет ожог. Муй побледнел от напряжения и усталости, окрест — куда ни глянь — ни души.

Земля растрескалась от зноя, каналы обмелели, а в иных местах и вовсе пересохли, но меланхоличные буйволы сумели все же отыскать остатки влаги и лежат задумчиво, погрузившись по шею в кофейную жижу. Сухой сезон…

(Текст из журнала «Вокруг света»)

Что мне добавить? Дорога от Сисопхона до Сиемреапа была уныла, как одинокий монах, бредущий под дырявым зонтиком. Возможно, эта максима председателя Мао неуместна в данном контексте, но я очень люблю вставлять всякого рода цитаты, причём ни к селу, ни к городу. Такой, знаете ли, стиль художественной прозы «а ля театр на Таганке». И вот едем мы час, едем два…

Почему-то на память приходят женщины, с которыми был…

«Дитя, сестра моя!
Уедем в те края,
Где мы с тобой не разлучаться сможем,

Где для любви — века.
Где даже смерть легка,
В краю желанном, на тебя похожем.
И солнца влажный луч
Среди ненастных туч
Усталого ума легко коснется
Твоих неверных глаз
Таинственный приказ —
В солёной пелене два чёрных солнца.
Там красота, там гармоничный строй,
Там сладострастье, роскошь и покой».

(Шарль Бодлер)

«Возвращение к Ангкор-вату» (Пятый фрагмент)

Вдруг «Лада» резко затормозила. Сомарин, в очередной раз стукнувшись головой, сокрушенно вздохнул. На обочине дороги стояли два «джипа», в пересохшем канале колесами к небу лежал грузовик, вокруг которого суетились солдаты. Чуть поодаль пасся буйвол; на шее у него сидела белая птичка…

Кхмеры называют буйвола «крабай». Крабаи огромны и флегматичны, но порою бывают злыми, и тогда их упрямство превосходит ослиное.

В деревне Тасасдам, где мы остановились у придорожной харчевни, чтобы выпить пальмового пива, Сомарин и Муй завели длинный спор.

— «Лада» хорошая машина, но очень маленькая, а крабай очень сильный, — говорил Муй, считавший, что нам повезло с задержкой в Сисопхоне.

— Грузовик большая машина, но шофер очень глупый, — гнул свою линию Сомарин.

— При чем здесь шофер? — возражал Муй, в котором заговорила профессиональная солидарность. — Ты бы смог наехать на крабая?

— А зачем на него наезжать? — не понимал Сомарин. — Нужно было остановиться и подождать, пока бык пройдет…

Когда Муй резко притормозил на дороге, я, грешным делом, подумал, что здесь совершено нападение. Небольшие банды полпотовцев временами просачиваются в глубь кампучийской территории и атакуют одиночные автомобили.

Дорожный разбой или ночные налеты на мирные уединенные деревни потом изображаются как «замечательные успехи» полпотова воинства. Правда, иные мои коллеги из французских и американских журналов в минуты откровения признавали, что

«успехи» эти весьма сомнительны, но частенько встречались мне и репортажи, где авторы пытались подать бандитов как героев. Я видел реакцию кампучийцев на такие репортажи. Как можно обелять этих изуверов, возмущались люди, когда они повинны в смерти миллионов соотечественников, когда они настолько погрязли в злодеяниях, что страх перед судом народа превратил их в зверей, забившихся в логово джунглей?

Впрочем, в тот день на дороге № 6 разбойных нападений не было.

(Текст из журнала «Вокруг света»)

«И мы войдём вдвоём
В высокий древний дом,
Где временем уют отполирован,
Где аромат цветов
Изыскан и медов,
Где смутной амброй воздух околдован,
Под тонким льдом стекла
Бездонны зеркала,
Восточный блеск играет каждой гранью,
Всё говорит в тиши
На языке души,
Единственном, достойном пониманья.

Там красота, там гармоничный строй,
Там сладострастье, роскошь и покой».

(Шарль Бодлер)

Мы въезжаем в Сиемреап. Где нас никто не ждёт. Улицы пустынны. Это мёртвый город. Точнее полумёртвый. Пномпень худо-бедно оклемался. Сиемреап — туристическая столица Камбоджи, место паломничества ищущих чудес света — скорее мёртв, чем жив. На дворе конец января 1981 года.

Граждане русские туристы, приезжающие сюда на экскурсию из Патайи и заполонившие ныне многочисленные отели Симрипа, как вы его нынче зовете, знаете ли вы, что едва ли не первыми паломниками приблизившихся к святыне кхмеров после свержения полпотовского режима были два журналиста из Гостелерадио СССР. Нет, конечно! И правильно! О нас уже никто не помнит. И не знает. Кроме НАС!

«В каналах корабли
В дремотный дрейф легли,
Бродячий нрав их — голубого цвета,
Сюда пригнал их бриз,
Исполнить твой каприз
Они пришли с другого края света.
— А солнечный закат
Соткал полям наряд,
Одел каналы, улицы и зданья,
И блеском золотым
Весь город одержим
В неистовом предсумрачном сиянье».

(Шарль Бодлер «Приглашение к путешествию»)

Маленькая площадь перед зданием когда-то фешенебельного отеля. Фонтан посреди этого прежде многолюдного и праздничного пространства мёртв. Здесь вообще метафизический пейзаж, как на полотнах сюрреалиста Кирико.

Умер фонтан, безжизненна площадь, угрюмо здание с заставленными окнами и запертыми дверьми.

Командир моей гвардии — «он ом тре брав» или «пацан без страха и упрёка», колотит в дверь прикладом «АКМ».

И дверь открывается. И появляется…

Нет, не тень отца Гамлета! И не принц печального образа!

Хотя с бутылки тайского вискаря ещё и не такое померещится.

Из полумёртового отеля выходит даже не граф Дракула, а скорее тетка дракулиха. Такая, знаете ли, пиратка с обезьянкой на плече.

Обезьянка эта повергает меня в священный ужас. Мордочка у неё умнейшая, а бакенбарды…

Простите меня, Александр Сергеевич!

Глава девятая
Стирка джинсов по-кхмерски

Смотрительница или смотрящая за единственным тогда в Сиемреапе отелем «Ангкор» мадам Тирит нашему приезду явно не рада. Хотя кхмеры подобно многим жителям Юго-Восточной Азии умеют скрывать свои эмоции, раздражение на её когда-то красивом лице совершенно очевидно. Происходит словесная перепалка между Сомарином, который показывает ей бумаги

отдела печати МИД и отдельный мандат за подписью месьё Хун Сена. Но, как я понял, мадам Тирит заявляет, что для неё пномпеньские бумаги не указ! Сомарин откровенно раздосадован.

— Месьё Ига, нам нужно посетить Народно-революционный комитет провинции Сиемреап.

— Что ж. Нужно, так нужно.

«Возвращение к Ангкор-вату» (шестой фрагмент)

«…Когда к чему-то стремишься долгое время, а потом приближаешься к цели, в душе возникает некая пустота, потому что стремление уже утрачено, а постижение еще не наступило. Эта мысль пришла в голову в прохладном холле гостиницы „Ангкор“ в Сиемреапе, куда мы, наконец, добрались, преодолев более четырехсот километров трудной дороги. Из Пномпеня в Сиемреап меньше часа полета, а на машине мы добирались два дня. Самолет летит напрямик над великим озером Тонлесап, а нам, чтобы обогнуть озеро с северо-запада, пришлось сделать огромный крюк. Но, как ни тяжела дорога, если бы мне предложили еще раз отправиться в Ангкор и предоставили право выбора транспорта, я вновь назвал бы автомобиль».

(Текст из журнала «Вокруг света»)

В Народно-революционном комитете, это здесь как местный обком КПСС, выясняем, что отель занят командованием ВНА. В провинции ведётся едва ли не армейская операция; несколько крупных бандформирований «красных кхмеров» перерезали в четырёх местах линии коммуникаций. В засадах погибли десятки вьетнамских бойцов, и теперь все бандиты должны быть ликвидированы. Так что наш приезд явно не ко времени. Какие ещё съёмки, когда вокруг сплошная война в джунглях.

Однако мандат месьё Хун Сена, третьего человека в новой партийно-правительственной иерархии, вынуждает руководство провинции оказать нам гостеприимство.

Мадам Тирит с нескрываемым неудовольствием размещает нас с Пашкой в просторной комнате с двумя широкими кроватями под москитными сетками и минимумом мебели. Зато в номере шелестит лопастями потолочный вентилятор. А из душа льётся мутная и теплая вода. С наслаждением смываем ржавые подтёки красноватой пыли, которая, смешавшись с потом, покрыла коркой наши тела. Достаю из сумки свежую рубашку и застиранные до белесости джинсы. Засовываю в пакет одежду, превратившуюся за два дня дороги в нечто непотребное.

Я не думаю, что, оставив грязную одежду на стуле, найду её на следующее утро выстиранной и выглаженной. Хотя в Пномпене в дни нашей с Пашкой холостяцкой жизни всё именно так и происходило. Когда нас поселили на гостевую виллу, я на следующий день обнаружил исчезновение пары джинсов и трех рубашек, которые были развешаны по спинкам стульев, (гардероба в комнате не было). В тот момент у меня просто не было времени задуматься над фактом исчезновения некоторого количества одежды. Но, когда мы вышли на улицу, чтобы загрузить аппаратуру в «Ладу», я увидел, как мои новенькие джинсы подвергаются «суровой зачистке». Стирка джинсов по-кхмерски — весьма своеобразна. На асфальт выливается ведро воды, просыпается немного стирального порошка, затем на это место раскладываются джинсы, сверху на них выливается ведро воды, просыпается немного стирального порошка, а затем изделие фирмы «Ли» тщательно трётся об шершавое асфальтное покрытие.

После нескольких стиральных процедур новенькие из московской «Берёзки» джинсы «Ли» приобрели сначала обалденный цвет «нэви блю», а затем на них стали появляться такие модные сегодня, но недопустимые в те пуританские времена, прорехи. С рубашками заботливые кхмерские девушки из УПДК обходились бережнее.

«Когда самурай, находящийся на службе, сопровождает своего господина в путешествии, и они прибывают на почтовую станцию, очень важно до заката расспросить местных жителей, отметить все близлежащие холмы, рощи, усыпальницы и храмы и сориентироваться по ним, определить в каком направлении от их жилища находится открытое место и каково состояние дороги. Всё это следует сделать, чтобы, случись ночью пожар или возникни для господина необходимость спасаться, самурай знал бы дорогу и мог повести его. Ибо долг самурая состоит в том, чтобы быть бдительным и внимательным, и всё время думать о том, как сослужить любую возможную службу, для исполнения которой он назначен».

(Юдзан Дайдодзи «Будосёсинсю»)

Глава десятая
Предчувствие Ангкора

В ресторане на первом этаже отеля ужинают вьетнамские офицеры. Точнее у них, по моему разумению, банкет. Мадам Тирит предлагает нам с Павликом более чем скромный ужин за

тридцать долларов США.

На тридцать американских долларов в сиемреапской харчевне я от пуза кормлю ужином всю нашу команду числом в десять человек. Потом Муй привозит нас с Пашей в негостеприимный «Ангкор» и уезжает ночевать в какой-то дом, выделенный руководством Народно-революционного комитета для ночлега людям из нашего сопровождения. В холле нас сверлят глазами несколько вьетнамских офицеров. Здесь не любят непрошенных гостей и ненужных свидетелей.

«В этом мире на каждом шагу — западня.
Я по собственной воле не прожил и дня.
Без меня в небесах принимают решенья,
А потом бунтарём называют меня!»

(Омар Хайям)

«Возвращение к Ангкор-вату» (седьмой фрагмент)

«…Когда-то туристические проспекты компании „Шелл“, орудовавшей в Кампучии (торговля нефтепродуктами и туризм, по мнению заправил компании, — вещи взаимосвязанные), предлагали туристам десятки маршрутов к древней столице кхмеров и обещали комфортабельную прогулку с массой всевозможных развлечений.

Возможно, так и было, но сегодня нет туристов в Сиемреапе. Городок, расположенный по берегам тихой речки, укрылся в тени больших зеленых деревьев и кажется погруженным в дрему…

Немного посетителей и в гостинице, из окон которой видны вдалеке пять башен Ангкор-Вата (иногда это название пишут Ангкорвоат). Не вернулась еще в Кампучию пора туризма, прерванная с началом американской интервенции.

На камни Ангкора, повидавшие на своем долгом веку немало войн, в последнее десятилетие падали бомбы с американских бомбардировщиков, залетали сюда снаряды и мины, с помощью которых проамериканский режим Лон Нола пытался подавить борьбу патриотических сил. К ранам на знаменитых барельефах галерей Ангкор-Вата, нанесенным временем, прибавились свежие шрамы от автоматных пуль и осколков мин. Остановились реставрационные работы, и огромные каменные плиты, извлеченные из основания храма, остались лежать на земле, поросли густой травой, а тропические дожди смыли с них номера, проставленные реставраторами…

Потом война окончилась. Но люди, захватившие власть и назвавшие, словно в насмешку над святыней кхмеров, свой

высший орган „Ангка“, считали, что камни все стерпят. Людоедские амбиции функционеров „Ангки“ требовали миллионов человеческих жизней, и окрестности Ангкора стали местом массовых казней и захоронений, а у подножия знаменитого храма высшие чины полпотовского режима проводили конференции, во время которых оглашались все новые указы, требовавшие истребления „враждебных элементов“, „враждебной культуры“, „враждебной идеологии“. Здесь же звучали бредовые притязания на территории соседних государств, в первую очередь социалистического Вьетнама.

Многое повидали камни Ангкора…»

С тех пор как француз Анри Муо наткнулся во время своих блужданий по камбоджийским джунглям на сказочный «мертвый город», Ангкор, или, как его называли кхмерские хроники, Яшодхарапура, столица великого государства Юго-Восточной Азии Камбуджадеши, всплыл из глубин мифологии и стал реальным географическим понятием, потеряв связь с легендой о божественном происхождении знаменитого храма Ангкор-Вата…

Но еще долгие годы исследования шедевров древнекхмерской культуры продолжали оставаться делом отдельных энтузиастов, которые никак не могли отвоевать у джунглей каменное сокровище. И только в первой четверти XX столетия Ангкор стал постепенно превращаться в огромный музей под открытым небом, раскинувшийся на десятки километров. Начались реставрационные работы, и тихий провинциальный Сиемреап зажил бурной жизнью. Ангкор наводнили туристы, а Анри Маршалю, в ту пору смотрителю ангкорских руин, помимо реставрационных работ, пришлось заняться… частной детективной практикой. А что поделаешь, если туристы растаскивали шедевры древности…

— Ангкор нужно всеми силами спасать, — говорит Ук Кун, работник министерства культуры, информации и прессы. — Это национальная гордость кхмеров. Пять башен Ангкор-Вата на наших знаменах — символ свободной Кампучии. Но трудность восстановления этого исторического памятника в том, что всю документацию увезли французы, после того как реставрационные работы в Ангкоре были прерваны. У нас же, к сожалению, нет реставраторов, нет опыта подобных работ. Сейчас возник новый проект спасения Ангкора. Он разработан реставраторами из Индии, Советского Союза и Польши. Уже проведены первые исследования, но работа предстоит долгая… Пока же мы пытаемся сохранить то, что осталось.

(Текст из журнала «Вокруг света»)

Ночь отчего-то провожу почти без сна. Величайшее творение кхмерской цивилизации всего в нескольких километрах от гостиницы, но нужно ждать до утра, чтобы, наконец, воочию увидеть Ангкор-ват. Снова и снова просматриваю «кхмерскую библию» — монографию Андре Миго «Кхмеры».

«…Для величественного и сложного плана храма характерна симметрия. Весь ансамбль опоясан четырехугольным рвом 1300 на 1500 м и занимает площадь около 200 га. Большой пруд, неподвижные воды которого покрыты цветами лотоса, находится на переднем плане и подчеркивает своей спокойной красотой башни, которые вырисовываются вдалеке и кажутся недосягаемыми. Западный ров пересекает вымощенная плитами дорога. К ней ведёт площадка, окружённая стилизованными изображениями львов. Длина дороги 220 м, по краям её выстроены балюстрады в виде наг. Дорога ведёт к первой внешней ограде храма, сделанной в виде стены из латерита, длиною по внутренней окружности 800 и по внешней — 1025 м. Внутрь можно пройти через монументальный портик шириной 235 м, образованный тремя центральными башнями, которые соединены галереями с боковыми башнями».

Миго написал замечательную книгу о Камбодже. Но при всей скрупулёзности описаний ангкорского храма я не могу представить и сотую часть этого величия и совершенства форм уникального творения человеческих рук.

Глава одиннадцатая
Два голубых зеркала в желтизне травы

«Возвращение к Ангкор-вату» (восьмой фрагмент)

«…Утро было солнечным, в траве стрекотали кузнечики, вода в канале, омывающем ограду храма, испещрена листьями лотосов и кажется застывшей, как и каменная громадина под голубым небом.

Мы стояли у западных ворот храма, откуда начиналась дорога, вымощенная огромными светло-серыми камнями.

Я не был одинок в своем волнении. Сомарин, Муй и два юных солдата, которых нам прислали для охраны, взирали на храм серьезно и отрешенно, а ведь всего несколько минут назад все весело смеялись и шутили, тесно сбившись внутри „Лады“. Величие Ангкор-Вата заставляло говорить вполголоса; впрочем, говорить и не хотелось.

Освещенные ярким солнцем, башни храма казались

огромными белыми бутонами лотоса. Древние зодчие добились идеальной симметрии. С дороги можно было видеть только три башни — центральную и две из четырех, расположенных по углам. По мере приближения к храму, Ангкор-Ват рос, обретая облик человеческого творения и утрачивая символический образ высокой горы Меру, где живут боги. Но потом, когда мы поднялись по крутым лестницам на террасу главной башни и посмотрели окрест с высоты двадцати трех метров, каждого снова посетило ощущение, будто он взобрался на диковинную гору.

От взгляда вниз захватывало дух. Огромная территория с геометрически четко расположенными дорогами и прудами, галереи первой террасы, внутренние дворики второй — все это было далеко под нами, а вверх на высоту сорока двух метров головокружительно устремлялась лотосоподобная башня, украшенная каменным орнаментом.

Легенда гласит, что ангкорский храм — творение бога Прах Энтрейя — Индры, подарившего Ват принцу Преах Кет Малеа. Полюбившийся Индре принц был, к сожалению, земным существом и не мог долго оставаться на небесах, у бога. Но поскольку Преах Кет Малеа привык к величию небес, Индра, чтобы как-то скрасить его земное существование, велел своему зодчему — Прехписнуке построить божественный храм, подобного которому нет на земле.

Эта легенда убедительна, по крайней мере, в одном: действительно, нет на земле второго Ангкор-Вата, как нет второго Акрополя, Колизея, как нет второго Тадж-Махала и второй церкви Покрова на Нерли…

История не сохранила нам имен гениальных зодчих, создавших Ангкор-Ват. В отличие от легендарного Прехписнуки они были земными людьми, утвердившими в камне славу их монарха, по повелению которого было создано это чудо света. А вот имя монарха хроники увековечили. И не потому что король Сурьяварман II, правивший Камбуджадеши в первой половине XII века, был великим правителем и полководцем. Возможно, он так и остался бы одним из шеренги многочисленных камбуджадешских варманов (монархов), не приди ему в голову мысль воздвигнуть беспримерный храм.

Строительство длилось много лет. Это был титанический труд. Подсчитано, что на Ангкор-Ват пошло столько же камня, сколько на древнеегипетскую пирамиду Хефрена. А ведь каменоломен поблизости не было…

Над нами в высоком небе плыли белые облака. Далеко внизу шли куда-то по своим делам два монаха-бикху. Их шафрановые тоги почти сливались с пожелтевшей густой травой, покрывавшей

землю по обе стороны дороги. Вода в прудах казалась зеркалами, в которых отражены силуэты башен. Два голубых зеркала в желтизне травы.

Через два дня мы уехали. Нас ждали дела в Пномпене. Об Ангкоре можно рассказывать очень долго, но это будет уже другая история, а этот рассказ — о дороге и о стремлении один раз увидеть, чтобы запомнить навсегда».

(Так заканчивается путевой очерк в журнале «Вокруг света», но не закачивается эта история).

История одного путешествия
Часть вторая

Глава первая
И ад сошёл на землю

К сожалению, во время работы над путевым очерком, Игорь Т. не сумел рассказать всего, что видел и о чем думал все эти три съёмочных дня в окрестностях Ангкора. А поводов задуматься над тем, как седая история перекликалась с трагической камбоджийской действительностью, было более чем достаточно. Среди барельефов, которые украшают внутренние галереи второго яруса храма, его поразило огромное панно в восточном крыле южной галереи. Сцены страшного суда, пытки, изображённые с такой необычайной изощрённостью, что впору усомниться в душевном здоровье создателей этой страшной фантазии в камне, живо напомнили гравюры и картины Босха, Брейгеля и Гойи.

А ещё картины одного самодеятельного художника из центра пыток S-21, печально знаменитого пномпеньского лицея Туолсленг, который ныне превращён в мемориальный музей памяти жертв геноцида.

«Самый обширный документальный источник для изучения Демократической Кампучии, её самое тревожащее наследие представляет собой архив из 4000 признаний, собранных в период с 1975 до начала 1979 года включительно в центре допросов в Туолсленге.

Центр для допросов S-21 размещался на территории бывшей средней школы в южной части Пномпеня. Около 14 000 мужчин, женщин и детей прошли через S-21 с конца 1975 до начала 1979 года. В 1975 году в этом центре было зарегистрировано лишь 200 человек, в 1976 здесь находились 1622 узника, тогда как в 1977 году их было уже 6300 человек. Хотя записи 1978 года не полны, по-видимому, в тот год в центре было зарегистрировано, по меньшей мере, 5000 заключенных. Такие альтернативы смертной казни, как тюремное заключение или „перевоспитание“ в Камбодже не рассматривались. Эти 4000 признаний вызывают мрачное угнетающее чувство…

Исследователи, работающие с этим архивом, приходят в ужас при виде такого количества боли, жестокости и загубленных невинных жизней. Эти признания вряд ли можно считать

объективными историческими источниками: как-никак все они были вырваны пол пытками. За все время никто не был оправдан. Трудившиеся неподалеку рабочие, смутно представлявшие, что там происходит, описывали центр для допросов как „место (куда люди входят) и никогда не выходят“.

В центре S-21 „работало“ более ста мужчин и женщин. Допросы обычно вели молодые малообразованные крестьяне; многие из них занимали низшие посты на заключительном этапе гражданской войны. Некоторые из них приступили к работе в центре после нескольких недель политподготовки.

Машинистки, архивисты, фотографы, энергетики также работали в этой конторе, равно как и несколько преподавателей, которые были способны записывать допросы, „получать ответы для Партии“ и анализировать тенденции. Самым печально известным из этих учителей был начальник центра S-21 Каинг Кек Йё (Дуч) — мужчина китайско-кхмерского происхождения из Кампонгтхома. Ранее он отвечал за безопасность в особой зоне. Подчиненных он держал в страхе, а начальство — радовал. Благодаря этому он пережил весь период полпотовского правления, в отличие от большинства своих коллег из штата центра, которые в разное время были казнены по разнообразным обвинениям»

(Дэвид П. Чэндлер «Брат номер один»)

«Существовали две группы заключенных: узники, обреченные на медленное угасание, и приговоренные к казни. Зависело это от причин ареста: нарушение запрета, неблагонадежное происхождение, явная нелюбовь к режиму, участие в „заговоре“. В трех последних случаях арестованных допрашивали, чтобы выбить признание в принадлежности к „плохой“ профессии или в своей виновности — и тогда заставить назвать сообщников. При малейшем запирательстве в центре прибегали к пыткам, причем делали это более жестоко, чем палачи любого другого авторитарного режима. „Красные кхмеры“, поднаторевшие в допросах, проявляли неисчерпаемое садистское воображение.

Самым распространенным способом было удушение жертвы полиэтиленовым пакетом, надетым на голову. Многие ослабленные заключенные не выдерживали жестоких пыток и умирали. Первыми жертвами становились женщины — им выпадали самые ужасные издевательства. Палачи оправдывали свои методы эффективностью — пытки безотказно вытягивали из несчастных „правду“. В одном из отчетов о допросе написано, что сначала „заключенного допрашивали „мягко, без побоев“. Однако это не давало возможности удостовериться, правдивы ли его

показания“.

В наиболее серьезных случаях, когда „признания“ сулили дальнейшие аресты, заключенного переводили на следующий уровень тюремной системы. Из местной тюрьмы его могли отправить в районную, потом в зональную, наконец, в центральную — Туолсленг. Конец всегда был одним и тем же: когда в результате многонедельных, а то и многомесячных допросов из заключенного выколачивали все, что было возможно, его выбрасывали, как ненужную вещь, то есть убивали — обычно холодным оружием. Здесь существовали местные особенности: например, в Трамкаке человеку ломали шею железным прутом. Крики агонии заглушались бравурной музыкой из громкоговорителей.

… Посещение Туолсленга — бывшего лицея, обозначенного в организационной схеме ККП кодом S-21, — равносильно схождению в ад. А ведь это всего лишь один из сотен центров заключения, далеко не самый страшный, хотя в нем содержались 20 тысяч узников. В этой тюрьме были убиты только ДВА ПРОЦЕНТА всех погибших, через нее прошли всего ПЯТЬ ПРОЦЕНТОВ всех заключенных. Никаких специфических методов пыток, за исключением широкого применения электротока. Особенности были обусловлены статусом „тюрьмы Центрального комитета“, принимавшей разжалованных ответственных работников. Это была настоящая „черная дыра“, откуда в принципе нельзя было выйти живым: в общей сложности из тюрьмы освободились шестеро-семеро узников… По нашим сведениям, всего с 1975 до середины 1978 года в эту тюрьму были посажены 14 тысяч человек, из которых удалось выбить несколько тысяч подробных показаний; как свидетельствуют протоколы, во многих показаниях изобличаются видные фигуры режима.

Четыре пятых заключенных сами были „красными кхмерами“, хотя в 1978 году к ним подсадили рабочих и техников, чаще всего китайского происхождения, и нескольких иностранцев (в основном моряков).

…Перед следователями стояла дилемма. В одной из инструкций было сказано: „Мы считаем пытки совершенно необходимыми“. С другой стороны, пытки могли привести к гибели узника до того, как он успел во всем „сознаться“, а это наносило „ущерб делу партии“. Заключенные были обречены на смерть, однако при пытках присутствовал медперсонал».

(Из статьи «Камбоджа: в стране немыслимых преступлений»)

С одним из тех, кто невероятным образом пережил кошмар

Туолсленга, Игоря Т. познакомили во время съёмок в этом главном застенке полпотовского гестапо. Вот как эта встреча была описана в очерке, который Игорь опубликовал в начале 1989 года в одной из газет.

«…Кто бы мог подумать, что городской лицей „Туолсленг“, заполненный когда-то гомоном ребячьих голосов, станет скорбным мемориалом, где от волнения люди перестают говорить. В „Туолсленге“ меня всегда потрясала тишина, нарушаемая лишь звоном цикад. После шумных пномпеньских улиц это был как бы иной мир.

Несколько безымянных могил в школьном дворе. Никто не знает, как звали тех, кто в них похоронен. Когда передовые отряды кхмерских повстанцев и ВНА ворвались в Пномпень, палачи из „Туолсленга“ в спешке не успели замести следы своих преступлений. Остался огромный архив. И тысячи фотографий. Заключенные особой политической тюрьмы в профиль и анфас. На груди каждого табличка: дата, номер… Сотни и сотни лиц на фотографиях. Сотни и сотни черепов, найденных в массовом захоронении поблизости от этого застенка.

Находиться в „Туолсленге“ даже несколько часов — тяжело. Тишина, жара, стрекот цикад и боль, сочащаяся из каждого кирпича в замурованных оконных проёмах бывших школьных классов.

Работники этого музея должно быть очень мужественные люди. Не всякий способен жить в двух мирах, из которых один начинается за воротами страшного центра допросов, сразу же при въезде на оживленный заполненный пешеходами, велосипедистами и автомобилями проспект Сан Нгок Миня, а второй заканчивается в отсеке, где человек мог только стоять или сидеть, скрючившись в три погибели. Отсеки эти, наспех сложенные из кирпичей добытых из стен нескольких соседних домов, поделили некогда просторные школьные классы.

Узенький луч солнца пробивается сквозь щель в стене, высвечивая лицо человека и кусок пола с вмурованным в него кольцом, к которому узник прикован кандалами.

Истощённое тело этого человека умирает. И только в огромных черных глазах затаилась искорка жизни.

— Эта картина называется „Автопортрет художника в тюремной камере“, — сказал ровным тихим голосом сопровождавший нас смотритель музея. — Есть ещё и другие картины, мы можем их показать.

Я не стану пересказывать содержание этих полотен. Скажу только, что ничего подобного я прежде не видел. Десять работ

Хенг Натя — художника-самоучки, бывшего узника „Туолсленга“ — не фантазии на тему Босха. Ему незачем было фантазировать, хотя и писал он свои полотна по памяти».

«В провалах грусти, где ни дна, ни края
Куда Судьба закинула меня,
Где не мелькнёт весёлый проблеск дня,
Где правит Ночь, хозяйка гробовая,

На чёрной мгле я живопись творю,
Всегда язвимый богом ядовитым,
И, как гурман с могильным аппетитом,
Своё же сердце к завтраку варю…»

(Шарль Бодлер — «Цветы зла»)

Глава вторая
Ужас навсегда!

Передо мной сидит смущённый человек, не зная, как и чем занять свои крестьянские руки, он теребит поля шляпы и мучительно раздумывает, с чего начать свой рассказ. У него большие черные глаза и глубокие шрамы от кандалов на щиколотках ног. Сейчас заговорит человек с картины.

«Я всегда был крестьянином. Жил в провинции Баттамбанг. Из деревни я почти никогда не выезжал, не был ни разу даже в провинциальном центре. Но однажды мы с соседом поехали в уездный центр в Прах Кео, нужно было обменять рис. На дороге увидели людей. Их было много. Дети, женщины, старики. Мужчин не было. Одна женщина попросила у нас кокос. Ей нужно было напоить ребенка. Сосед дал ей кокос. Тут к нам подошли несколько вооруженных людей. Кто вы такие? — спросили они. Мы крестьяне. Врете, сказал один из этих людей, вы агенты, переодетые агенты. И нас повезли в Баттамбанг. Через несколько дней сосед исчез. А меня почти каждый день били. Они требовали, чтобы я признался, что завербован ЦРУ. Через три месяца я „признался“, мне было все равно, только бы не били. Потом меня привезли в Пномпень. Когда это случилось? Не помню. Тогда я уже потерял счет времени. Не помню, сколько сидел в камере. Однажды тюремщик спросил, умею ли я рисовать или лепить. В детстве дядя учил меня лепить фигурки Будды к

праздникам, и я ответил, что умею.

Нас было несколько человек. Некоторые — настоящие художники. Мы рисовали портреты Пол Пота с фотографий. Лепили его бюсты. Потом стали отливать их из бронзы».

Бронзовые статуэтки Будды, Шивы, Вишну, различных персонажей кхмерской мифологии, бронзовые и медные блюда, подносы, подсвечники грудой лежат в одной из комнат музея. Их не успели пустить на переплавку. Тут же разбитые гипсовые бюсты Пол Пота, его портрет, перечеркнутый жирной полосой красной краски. Все, что осталось от иконографии «брата № 1»…

Но вернемся к Хенг Натю. Каким образом он остался жив? Тюремный художник не разделил участи почти всех жертв Туолсленга только потому, что в панике бежавшие палачи забыли о нем. Они жгли документы, списки узников, протоколы допросов, а рядом уже гремела перестрелка. Когда вьетнамцы ворвались в Туолсленг, кроме Хенг Натя, там оставалось всего несколько узников.

«Я вернулся в свою деревню. Моей семьи не было. Они все умерли от голода. Я хотел снова построить дом и работать в поле. Но не смог. Ночами я уже не мог спать. И я пошел обратно в Пномпень, прямо сюда, в Туолсленг. В центре допросов тогда начали организовывать мемориальный музей памяти жертв геноцида. В народно-революционном комитете мне предложили стать музейным художником. И тогда я начал рисовать то, что не давало мне спать по ночам».

Такая вот история. Наверняка, это легенда, которую он заучил. Потому что концы с концами не сходятся. Как мог простой крестьянин, да ещё из лояльной режиму провинции оказаться в особом центре допросов S-21? Из тысяч узников этой политической тюрьмы большинство были членами КПК. А многие и высокопоставленными функционерами. В этой короткой, как вспышка молнии кхмерской революции были свои троцкие, бухарины, зиновьевы и каменевы, свои радеки и бабели, блюхеры и тухачевские. Революциям свойственно пожирать своих детей. Так что рассказ Хенг Натя был идеологически правильным. Но вот насколько правдивым? Картины же его кошмарны. На одной озверевший человек в черной пижаме и обмотанным вокруг шеи хлопчатобумажным шарфом в мелкую красную клеточку — крама, клещами вырывает сосок у кричащей от боли обнажённой женщины, в то время как второй засовывает ей в рану скорпиона.

Ну и так далее. А чего стоит панно во всю стену большого зала — выложенная из человеческих черепов карта Камбоджи, прочерченная кровавыми реками.

Игорю Т. всегда муторно было посещать бывший школьный лицей Туолсленг, превращённый «красными кхмерами» в Центр допросов S-21. Также как с отвращением он позднее посещал мавзолей с саркофагом нашего фараона. Что делать, если вьетнамские, монгольские, лаосские и кампучийские делегации журналистов, (Игорь обязан был их сопровождать), требовали, прежде всего, визита в Мавзолей Ленина, а потом уже всё остальное.

Игорь Т. слишком любил жизнь и бежал от малейшего дуновения ауры смерти. Но судьба распорядилась так, что большая часть жизни моего героя пришлась на «горячие точки», где он всё время пребывал в странном состоянии бесшабашности на грани безумия и порою смерти.

«В ситуации „или — или“ без колебаний выбирай смерть. Это нетрудно. Исполнись решимости и действуй. Только малодушные оправдывают себя рассуждениями о том, что умереть, не достигнув цели, означает умереть собачьей смертью. Сделать правильный выбор в ситуации „или-или“ практически невозможно».

Ямамото Цунэтомо — «Хагакурэ»

Глава третья
Предсмертный визг «красного кхмера»

Сначала, буквально всё в Камбодже Игорь принимал на веру. Потом стал в чем-то сомневаться. Рассказы жертв полпотовского режима словно были написаны под копирку. А может быть просто славный переводчик с кхмерского на французский месье Ук Сомарин «лепил горбатого» под одно идеологическое клише. Всё там было очень и очень непросто.

Особенно отношения кхмеров с вьетнамцами. Назвать их настороженными — это мягко сказано.

В последний день съемок в храмовом комплексе Ангкор-вата среди руин другого храмового комплекса Ангкор-тхом случился бой между отрядом «красных кхмеров» и частями вьетнамской народной армии. Бой был жарким. У команды Игоря временно позаимствовали, скорее реквизировали, канареечную «Ладу» возить раненных бойцов в госпиталь Сиемреапа. Самое любопытное заключалось в том, что «гвардейцев» куда-то в это

время как ветром сдуло.

Это было горячее дело, но Игорь накануне отравился перебродившим пальмовым пивом, а с утра ещё нанюхался плесенно-гнилостного духа исходившего от экскрементов летучих мышей, гроздями свисавших с потолков храмовых террас. Ему было так плохо, что даже если бы стреляли в метрах десяти, адреналина в крови не прибавилось. Игорь лежал на какой-то засаленной циновке на низеньком топчане в придорожной харчевне, расположенной возле центрального входа в храмовый комплекс Ангкора и безучастно наблюдал, как вьетнамские коммандос на американских виллисах мчатся на подмогу своим бойцам, на ходу пристегивая штык-нож к стволам АКМ.

В джунглях это лучшее оружие, когда внезапно на тебя выползет мальчишка в черной пижаме с розовым платком-крама вокруг тощей как у цыплёнка шеи. Вот тут-то не теряйся, всади ему штык-нож в тощий живот, крутани слегка, услышь предсмертный визг «красного кхмера». Пуля — дура, а штык — молодец! И не жалей этого мальчишку, мой неизвестный вьетнамский даньти! Попадись к ним в плен и они разрежут тебя на кусочки. Будут делать это медленно и с наслаждением.

Игорь никогда не мог понять откуда у кхмеров, да и у вьетнамских товарищей этот врожденный садизм. Такие доброжелательнве, улыбчивые, услужливые к европейцам, американцам, латиносам и даже к неграм. В Сайгоне от их цветного секса осталось полно роскошных метисок и мулаток с характерным вьетнамским разрезом глаз. Дети войны, которых ненавидят северяне. Они мечтали уехать в Америку, куда убрались, если остались живы, не ведающие о своих вьетнамских отпрысках «джи ай».

Через десять лет, когда судьба вновь забросила Игоря в Индокитай, во Вьетнам, он не встретил в Хошимин-сити, его Сайгоне, этих роскошных метисок и мулаток. Говорили, все они уехали в свою Америку, а может быть и не уехали… А просто не попались Игорю на глаза. А может быть они перестали казаться роскошными, постарели как мой герой. И яркость их поблекла.

Так откуда же у этих улыбчивых людей такая звериная жестокость друг к другу? Войны из века в век. Кхмеры воевали с тайцами, вьетнамцы с китайцами. Потом вьетнамцы воевали с кхмерами, но сначала они уничтожили империю тямов (чамов) и те бежали в Камбуджадешу, теперь остатки когда-то великого народа живут на берегах Меконга. Камбуджадеша в то время простиралась до Южно-Китайского моря, которое вьетнамцы до

сих пор официально именуют Восточным. «Никакого китайского моря нет. Это наше море». Вьетнамцы усиливались и как цунами захлестнули юг полуострова до самой дельты Меконга. Камбуджадеша стала приходить в упадок. С севера её рвали тайские армии, с юго-востока вьетнамские армии. Появление французов камбоджийские монархи восприняли как должное. Они устали воевать.

А вьетнамцы, напротив. Да, их верхушка вступила в сделку с французским генерал-губернатором. Да, император Бао Дай до последних дней сибаритствовал в роскошном особняке на одном из живописных холмов в окрестностях курортного местечка Нячанг. Да, множество ханойских и сайгонских старичков до сих пор вспоминают «золотые денёчки», проведённые на Монмартре.

«Да, да, месье, мы учились в Сорбонне. Вы тоже учились в Сорбонне? Нет, я не учился в Сорбонне. Французскому языку меня учила Татьяна Николаевна, молоденькая преподавательница МГУ, которую мы вводили в краску, спрашивая, как перевести текст песенки Сержа Гензбура „Жё тэм, муа нон плю“. Я был плохим студентом и мой французский оставлял желать лучшего, но объяснять этим симпатичным старичкам, что я не учился в Сорбонне, и что мой французский отнюдь не парижского разлива… Зачем огорчать этих симпатичных интеллигентов с Монмартра? Ещё пару бутылочек пива и арахисовых орешков! Ви, ви, месье, жетюди а Сорбон, ком ву. Силь ву пле, ун вер биа „тран труа“! (Да, да, месье, я учился в Сорбонне, как вы. Пожалуйста, стаканчик пива „33“!)»

Павлик Трубин при этом только хлопал глазами.

А сейчас он сидел красный от злости и готов был глазами сожрать молоденького, а может быть и не очень (у вьетнамцев возраст по лицу определить сложно, до пятидесяти они почти мальчики, а потом старички) младшего офицера, приставленного к нам командованием армейского подразделения, вступившего в бой с «красными кхмерами». Сначала они на время реквизировали нашу «Ладу» вместе с шофёром Муем, потом сказали, что снимать военных категорически запрещено и хотели забрать нашу камеру, но Пашка скорее совершил бы себе харакири, чем позволил, пусть даже на время, отобрать французскую кинокамеру «Эклер». Я сказал об этом Мую, и наш водила-полиглот на беглом вьетнамском перевел мой лживый спич: «мы советские тележурналисты, и, конечно, понимаем политический момент. Никаких съёмок. Никакой войны. Никаких вьетнамских бойцов. В Народной Кампучии уверено набирает

силу процесс национального возрождения». Старший офицер посмотрел на меня с нескрываемой злостью и что-то протренькал Мую. «Са ва, месье Ига», сказал мой склонный к философствованию драйвер. И уехал с тремя ранеными вьетнамскими бойцами в госпиталь Сиемреапа, предварительно застелив салон полиэтиленовой пленкой. Той самой, которую я тащил Пашке через поле смерти под проливным дождём. А сейчас к нам приставили моложавого офицерика, который не сводил глаз с Пашки и его кинокамеры. Трубин, сказал я, отставить, кина не будет! Вспомни, как плохо тебе было после швейцарской «вельяминовки», которой мы обожрались в «черный понедельник». Так вот, мне сейчас ещё хуже. Похоже, Павлик, я умираю.

— Всё шутишь, шеф, сказал тогда мне Пашка, с нескрываемой злостью в голосе.

Ему всегда хотелось снять кусочек войны, которой нам не досталось.

Помню как-то в самом конце декабря мы ехали в соседнюю с Пномпенем провинцию снять очередной сюжет о кампучийской деревне. Зимний урожай риса был собран, стерня засохла, земля под ней высохла и растрескалась. В это время крестьяне поджигают стерню, чтобы очистить поля для весенней пахоты, когда прольют первые муссонные дожди. Мы ехали по дороге номер 4 в сторону Кампонгсаома. Неожиданно в нескольких местах рвануло взрывами мин. Это были обычные миномётные снаряды, которые почему-то не взорвались в ходе боёв, а вот теперь под воздействием огня сдетонировали.

— Паша, сними последствия войны.

— Шеф, а почему бы нам не сделать репортаж с границы? — спросил Трубин. — «Красные кхмеры» долбают с тайской территории по мирным крестьянским полям.

— Нет, Паша, пусть это делают другие. Ты же знаешь, ложь всё равно вылезет когда-нибудь. Позже или раньше. Мы снимаем жизнь, такой, какая она есть. Вот когда «красные кхмеры» из засады подбили автобус с советскими докерами, а истекающий кровью водитель всё же довёл машину до вьетнамского поста, нас там не было. И считай, нам тогда очень повезло. А то оказались бы как те парни, светлая им память, в цинке. Я прошу тебя просто снять панораму рисового поля с рвущимися минами.

Я видел его огорчённое лицо. Тогда Трубин смирился с мыслью, что героического репортажа не будет. А сейчас он чувствовал близкий бой. И всё его существо рвалось к кинокамере, на которую с напряжением смотрел вьетнамский

офицер.

Но это была чужая война, в которой мы не имели права на съёмку.

Глава четвертая
Возвращение в Пномпень

Вечером, нам было предложено покинуть Сиемреап. Сомарин казался растерянным. И я понимал его. Кхмеры всё еще не были хозяевами в своём доме. Здесь всем руководили вьетнамские советники, за которыми стояла стотысячная Вьетнамская Народная армия. Так что, на войне, как на войне.

И снова двухдневное путешествие, сначала до Баттамбанга, где мы затовариваемся контрабандными сигаретами, пивом и полюбившимся мне тайским алкоголем. Ночь я провожу в пьянстве, обливаясь потом. С утра, вылив на себя несколько черпаков теплой с тухлятинкой воды из стоящей во дворе нашего караван-сарая железной бочки, загружаемся в «Ладу» и мидовский «Лендровер». Моя гвардия загружает в «ровер» нескольких разбитных девиц. Мне то, что за дело. Пусть развлекаются в дороге.

Всё равно, как сказал Муй, подорвись мы на мине, защищать нас они вряд ли станут. Здесь жизнь человека ничего не стоит. Слишком много людей здесь убили всего за три года.

«Когда бы смерть моя полезной
Была чуть-чуть для всех людей,
Поверьте, сам рукой железной
Порвал бы нить судьбы своей.
До сей поры от юных дней,
Я сам не замышлял плохого,
Так что погибелью моей
Не потрясу ничьи основы».

(Франсуа Вийон — из «Завещания»)

Дорога была столь же уныла, утомительна, но всё же это была дорога к дому.

Мы выполнили задание. Паша отснял ещё три тысячи метров «кодака». (Благо киноплёнки к тому времени у нас было много, да и Ник Ник оставил тысячи две для своего фильма. Спустя два года в Москве, мне не удалось обнаружить и пяти кадров из этого

метража). Ник Ник ссылался на Лосева, режиссёра его картины и монтажниц. Фома на Ерёму. Ерёма на Фому.

Мы вернулись в Пномпень живы-здоровы.

Единственными, кто был искренне счастлив от нашего возвращения — жёны. Остальные или мрачно завидовали, или были откровенно раздражены. Как мне показалось, (правильно показалось), именно это обстоятельство, что мы вернулись целехонькими, донельзя расстроило весь посольский синклит.

«Ничто не причиняет больше страданий, нежели сожаление. Все мы желаем от него избавиться. Однако когда мы воодушевлены или подавлены, мы действуем опрометчиво. Впоследствии воспоминания о безрассудном поведении заставляют нас раскаиваться, и тогда мы чувствуем сожаление. Поэтому мы должны стремиться к тому, чтобы никогда не падать духом перед лицом невзгод и чрезмерно не радоваться, когда нам сопутствует удача».

(Ямамото Цунэтомо — «Хагакурэ»)

РУССКАЯ КРОВЬ, ИЛИ ВИЗИТ СЛОНА. НОЯБРЬ 1980

Пномпень 4 ноября 1980 года

— Ну что Павлик, — говорю я Трубину, — готовься встречать коллег. К нам прилетают Дима Серебряков и Серёга Гусев. А с ними Слон.

— Когда? — радостно спрашивает Сашка. И тут же добавляет, — а Слон, — это кто?

— Слон — это Слон.

После прохладных посольских хором влажная парилка пномпеньской улицы как-то не располагает к пространным объяснениям.

— А не поехать ли нам в «Самаки»? Там и поговорим за бутылкой-другой «Тран труа».

«Тран труа» или «33» — прекрасное сайгонское пиво по доллару за бутылку в Пномпене и по доллару за пять бутылок в Сайгоне. Но в Сайгоне его можно купить за донги, которые можно купить за доллары по рыночному неофициальному курсу, а в Пномпене только в отеле «Самаки» и только за доллары. Страна (какая — Кампучия, Вьетнам?) очень нуждается в американской валюте, поэтому за всё у нас в Пенькове дерут втридорога. Моей месячной зарплаты в 500 американских долларов едва хватает, а порою и вовсе не хватает, чтобы свести концы с концами, хотя едим мы очень мало. Жарко. Очень жарко. Постоянная жажда, утолить которую можно лишь замечательным сайгонским пивом «33». Не мудрено, что большая часть зарплаты уходит на пиво и более крепкие напитки типа водки «Луа мой» и голландского джина «Боллз». Поглотив всё его наличие в пномпеньском дипмагазине, мы с Трубиным, будучи пареньками любознательными, обнаружили во время сентябрьской поездки во Вьетнам куда большие запасы этого дивного, пусть и просроченного, пусть и со странным хлопьями на дне бутылок, напитка в сувенирной лавчонке сайгонского отеля «Мажестик». Какое это было счастье! Продавали джин за донги, которых у меня была полная сумка. Купили сразу пару коробок. Затоварились от души. Но через несколько недель по возвращении в Пномпень я с интересом разглядывал непонятный осадок на донышке последней бутылки. Спиртного не хватало катастрофически.

В холле отеля «Самаки», где вентиляторы разгоняют потоки

охлажденного кондиционерами воздуха, после первых глотков живительной влаги я пересказываю Дедову содержание разговора с советником посольства Валерием Спиридоновым.

6 ноября к нам к нам приезжает съёмочная группа Гостелерадио СССР во главе с шефом вьетнамской редакции иновещания Николаем Николаевичем Солнцевым, которого близкие коллеги по работе во Вьетнаме и на радио прозвали Слоном, за немалый вес и немалый рост. Ник Ник очень умный и очень хитрый человек, большой интриган и мастер закулисных переговоров, решил «блеснуть соплёй на солнце» и сделать телефильм о Народной Кампучии ко второй годовщине её провозглашения. Нас он в то время в расчёт не брал. Подумаешь, какие-то восторженные дилетанты, которые пускают слюни по любому поводу и без оного.

— Димка и Серёга — отличные мужики, — говорит Трубин.

Я и без него знаю, что Дмитрий Серебряков оператор высшего класса, объездивший большую часть мира и согласившийся на эту командировку только потому, что Кампучия ещё не заштрихована в его атласе мира. Гусева я лично до этого приезда не знал. Отличный оказался парень. Солнцева я видел пару раз, когда стажировался на иновещании перед отправкой в Пномпень. Правда, мне он больше напомнил бегемота из мультика «Ну погоди!», чем слона. Любимым словечком у него было: «говенцо».

— Шеф, — говорит Пашка, разливая пиво по стаканам, — выходит, мы…

Я понимаю его мысль.

— Ничего не выходит, Павлик. Слон — это Слон. А мы не моськи. У нас здесь своя работа, у них своя. Наберут материалов на фильм, — отлично. Только у меня есть некоторые сомнения. У них пара недель или того меньше на съёмки. Даже если их программу обеспечивают вьетнамские «даньти», много они сделать не смогут. Мы-то люди свободные. Работаем с кхмерами. А вьетнамские товарищи в Кампучии ой как осторожны. Особенно советники по линии партии. Так что, Паша, я предполагаю, что большая часть съёмок ляжет на нас после того, как экип Слона покинет славное наше Пеньково. Нам с тобой нужно быть лишь радушными хозяевами и оказать коллегам всяческую помощь.

Через пару дней в аэропорту Почентонг мы встречали вместе с товарищами из отдела печати МИД НРК и двумя чопорными вьетнамскими советниками «большую советскую делегацию». Поскольку хлеб-соль у кхмеров не приняты, сошедшему с трапа на жаркую кампучийскую землю Слону была надета гирлянда из

цветов жасмина, такими же гирляндами были увешаны Дмитрий и Сергей, а также, примкнувший к «большой советской делегации» аккредитованный в Москве журналист Йохан из шведского левого издания, неплохо говоривший по-русски.

Этим же рейсом авикомпании «Вьетнам эйрлайнз» в Пномпень прибыла группа специалистов портового хозяйства — стивидоры, такелажники, докеры.

Они должны сменить своих товарищей в порту Кампонгсаома. Встречали их работники Министерства транспорта НРК и наш советник при министерстве Василий Соренко. Гирлянд на этих парней никто не надевал. И вообще, они в Пномпене проездом. Через два дня их отправят в Кампонгсаом…

Пномпень 6 ноября 1980 года

Уже через полчаса «большую советскую делегацию» разместили на гостевой вилле МИД НРК неподалёку от нас. Мы тоже живём на гостевой вилле, в ожидании, когда на проспекте Сан Нгок Миня, отремонтируют дом, в котором до начала гражданской войны обитали зарубежные корреспонденты.

Долго ещё ждать будем. И не дождёмся…

А ещё через двадцать минут Николай Николаевич, насыщаясь приготовленным Мышкой салатом «тропикана», излагал мне планы съёмок будущего фильма, густо сдабривая свой рассказ любимым словом «говенцо». Ключевым моментом будущего фильма должны были стать съёмки в храмовом комплексе Ангкор-Ват.

Три из пяти его башен украшают государственный флаг страны. Самое любопытное, что флаг Демократической (полпотовской) Кампучии украшали не три, а все пять башен Ангкора. Конечно, можно увидеть одновременно и пять башен, если смотреть на храм, сместившись от центрального входа вправо или влево, но если смотреть на Ангкор-Ват прямо по центру, то чётко вырисовываются главная и две передние угловые башни в форме лотоса.

Я внимательно слушаю Ник Ника и вдруг понимаю, что этот большой и толстый человек, ужасно комплексует. Что за его значительностью, его бравадой с этим самым «говенцом», которым он щедро мажет всех и вся, скрывается неуверенность одинокого человека, каким он и был в своей жизни. Понимаю, что для него этот фильм значит куда больше, чем вся моя работа в этой чрезмерно жаркой и влажной стране, которую очень любишь на расстоянии и от которой сходишь с ума, находясь в ней. Но для меня это структура повседневности, а для этого грузного человека с варикозными венами на ногах обмотанных

эластичными бинтами, которому эта командировка в Кампучию, наверняка, аукнется на не совсем здоровом сердце — немногий шанс подтвердить или даже утвердить свою значимость в епархии Гостелерадио.

Война во Вьетнаме уже пять лет как окончена. Теперь уже не Вьетнам подвергается агрессии, а сам он увяз в Кампучии. Блестящий декабрьский блиц-криг 1979 года обернулся затяжной войной в джунглях. Причём «красные кхмеры» как тараканы всякий раз ускользают в щели на тайской границе, пересечь которую чревато большой региональной войной.

Ник Нику всё сложнее играть роль первой скрипки в системе иновещания на страны Азии. Вьетнаму нечем хвалиться. Экономика, усугубляемая военными расходами и санкциями со стороны Запада, трещит по швам. Кампучия — это выигрышный материал. «Поля смерти» пока еще остаются в цене.

— Могу я чем-то быть полезным?

— Спасибо, Игорь, — говорит Слон. — Если понадобится, я воспользуюсь твоей помощью, но у нас здесь своя программа.

— Как угодно, Николай Николаевич.

— Пожалуй, мне пора на встречу с вьетнамскими и кхмерскими товарищами, чтобы обсудить все вопросы по съёмкам. Танечка, спасибо за угощение, — говорит он Мышке.

Мы прощаемся до вечера.

Ну что же. Наше дело предложить помощь. Мы — хозяева, Слон и его группа — гости. А если у вас всё схвачено, — думаю я — флаг вам в руки. Только вот почему-то сильно в этом сомневаюсь. За те четыре месяца, что мы работаем в Кампучии, из разных обрывков разговоров, случайно брошенных фраз, взглядов и жестов людей, с которыми довелось общаться, я сложил для себя некую мозаику политической ситуации, в которой оказалась страна. В массе своей кхмеры боялись вьетнамцев. А в сельской местности, где «красные кхмеры» располагали определённым влиянием, этот страх был смешан с ненавистью. Кроме того, в стране существовало роялистское подполье, не терявшее надежд на возвращение Сианука и реставрацию монархии, что, в конце концов, и произошло.

Ошибка Ник Ника заключалась в том, что он с самого начала решил иметь дело исключительно с вьетнамскими советниками Тху и Тхо. Они и подложили ему свинью. Официально вьетнамские советники не могли обязать отдел печати МИД НРК удовлетворять все пожелания группы «дань ти» Солнцева. А кхмерские друзья, будучи не лыком шиты, решили неназойливо показать, что всё таки у себя дома они хозяева. Поэтому Ник Нику

была предложена протокольная программа северо-корейского образца с посещением образцово-показательных объектов. А их в Пномпене — кот наплакал.

В шесть вечера на город обрушивается тьма кромешная. Солнце здесь восходит едва ли не в три утра и стремительно скатывается за горизонт в шесть вечера. Переход от режущего глаза света к полной темноте так резок, что, кажется, будто небесная канцелярия отключила солнечную лампу одним щелчком выключателя.

Ник Ник вновь угощается из огромной миски с фруктовым салатом «тропикана» и через слово сыплет «говенцом».

— Нет, ты представляешь, эти болты (имеются в виду советники Тху и Тхо) только разводят руками. Мол, программа, которую я направлял через Ханой, ими не была получена. А на согласование всех вопросов с кампучийскими товарищами уйдет не меньше недели. Какая неделя? Это катастрофа. У нас командировка всего на десять суток. Но главное, Игорь, — это поездка в Сиемреап и съёмки Ангкор-Вата! Я еду в посольство встречаюсь с Моториным, а он мне, что вы, Николай Николаевич! Риск смертельный! Он что, гандон себе на голову натянул и думает страну так увидеть! Все они здесь кхмерского говенца объелись!

— Может коньячку, Николай Николаевич?

— Спасибо, дорогой. Угости ребят. Мне нельзя. Нет, я сойду с ума. Дима, ты представляешь, эти суки саботируют на всех уровнях. Единственная надежда на Михаила Юрьевича.

Дима Серебряков хранит невозмутимость Чингачгука.

Ну и ну! — думаю я, — неужели Слон рассчитывает на то, что резидент «ближних» станет решать его проблемы. Это уже полный отрыв от реальности.

— Вы встречались с Чум Бун Ронгом?

— Его нет в Пномпене, — говорит Ник Ник. И тут же добавляет, — он что, такая важная птица?

— Он не птица, — говорю я Слону, — он тигр!

— Ты преувеличиваешь.

— Нисколько. Всему, чего мы здесь добились с Пашкой, мы обязаны ему. Прежде всего возможностью работать. Организацией поездок на объекты. Этой виллой, мидовским «жигулёнком», водителем Муем, нашим переводчиком и куратором Сомарином… Всем!

Ник Ник задумывается.

— Игорь, ты спрашивал, нужна ли нам ваша помощь…

— Завтра я поговорю с Сомарином, его брат Ук Чап близок к

Чум Бун Ронгу и Хун Сену.

Слон смотрит на меня с интересом удава почуявшего кролика в высокой траве. Хун Сен — министр иностранных дел НРК. (Сейчас он премьер-министр Королевства Камбоджа. Первый человек в стране при декоративном короле Сианук и его строптиво-склочном семействе. Точнее король со своим семейством сейчас состоят при Хун Сене. Ай да «розовый кхмер»! Ай да, сукин сын!). Практически только Хун Сен может разрешить поездку в Сиемреап с предоставлением транспорта и охраны. Но для этого нужно время. У Солнцева его нет.

— Так, так. А теперь, как говорят штирлицы, отмотаем эту плёночку назад. Где ты, хвастунишка, прокололся?

— Но я обязан был им помочь!

— Молчи, дурачок пафосный! Обязан. Кому и чем? Когда тебя уничтожали доносами, люди которым ты делал добро, отплатили тебе содействием доносителям. Те же Толя Абрикосов и Веня Халдеев, они что, не знали посольскую интригу. И не Слон ли был одной из причин твоего изгнания?

— Откуда мне знать. Слон и Халдеев умерли. Бог им теперь судья. А я всё ещё жив и даже набрасываю эти заметки. И кто-то их читает. И кому-то они, может быть интересны, а для кого-то, м.б., и поучительны. И прекрати это грёбаное резонёрство. Ты надоел мне со своими поучениями. Где раньше то был?

— Да там же, где и ты!

Опустим приём в посольстве СССР по случаю очередной годовщины ВОСР. Видел я его в белых тапочках. От Ук Сомарина к Ук Чапу, от Ук Чапа к месьё Ви Сало…

Поднесли ему скромные дары «большой советской делегации». На самом деле, это все мои закупки деликатесов из посольской лавки в Ханое. Кому и чего объяснять. «Се пти кадо пур ву, месьё Ви Сало! Ноз ами сон тре бон ами. Иль безуан а вотр эде!» Короче помогайте нам, месьё Ви Сало, и Гостелерадио СССР вас не забудет.

Большой начальник что-то обещал. Ник Ник челночил между резидентом М.Ю. и советниками Тху и Тхо. В короткие минуты отдыха съедал небольшой тазик фруктового салата «тропикана» и щедро потчевал нас своим фирменным говенцом в адрес всех и вся. 10 ноября его группа должна была выехать на трёх машинах с охраной в Сиемреап.

На дворе жаркое утро 9 ноября 1980 года.

Смерть уже поджидает советских докеров, притаившись на 73 километре дороги от Пномпеня в Кампонгсаом. Гибель советских специалистов в Народной Кампучии в нашей печати практически не освещалась. Мои попытки найти хоть какое-то упоминание об этом в Интернете увенчались одной публикацией во Владивостокских СМИ.

«Кампучийская трагедия Еремеевых

Траурный портрет сына, молодого, красивого, с буйной волной кудрей, Елена Пантелеевна занавешивает чистым рушником. Иначе материнское сердце давно бы окаменело от горя за эти долгие девятнадцать лет осиротелого одиночества. Хотя, конечно же, она открывает его непрестанно. Целует такие родные глаза, разговаривает, советуется, но чаще просто тихо, беззвучно плачет…

Несколько лет назад рядом с фотографией ее младшенького, Вадима, появился снимок старшего — Эдика, а в прошлом году добавился еще портрет мужа — Николая Митрофановича, с которым они прожили вместе, считай, 60 лет.

Теперь она осталась совсем одна…

Спецкомандировка длиною в 58 дней

Родная сторона в ту ласковую, теплую осень 80-го словно не хотела отпускать Вадима Еремеева в далекую, истерзанную боями и переворотами Кампучию. Точно так же, как материнское сердце. Ведь там стреляли. Сначала он двое суток томился вместе с товарищами во владивостокском аэропорту. Прилетев в Москву, почти вся дальневосточная группа, 33 человека, отправилась дальше по спецмаршруту, Вадим остался — не хватило мест. Очередной рейс ушел тоже без него — в багажной службе министерства иностранных дел что-то напутали с оформлением документов. И лишь следующая попытка оказалось „удачной“.

В 1979–80 годах в Кампучии царил страшный голод. Для оказания помощи кампучийскому народу первыми прибыли специалисты морфлота. Знаменитые рейсы 1979–1980 годов теплохода ДВМП „Любовь Орлова“ с докерами, механизаторами, стивидорами на борту красной строкой вписаны в историю обеих стран (впоследствии экипаж судна наградили орденом Дружбы народов). Единственный в Кампучии морской порт Кампонгсаом был разрушен, он остался без специалистов — часть из них уничтожили полпотовцы, уцелевшие скрывались в Таиланде или отдаленных провинциях страны.

Затем в Кампучию отправились специалисты сельского хозяйства, строители, энергетики из многих стран мира.

Прежде всего, нужно было накормить народ, но доставка продовольствия в провинции считалась довольно рискованным занятием — в стране бесчинствовали уцелевшие банды полпотовцев. Впрочем, даже само передвижение по стране было опасным. Но люди делали свое дело, пусть даже рискуя, ведь они оказались здесь с единственной целью — протянуть руку помощи.

Вадим Еремеев не стал исключением. Он приехал сюда в роли переводчика, так как владел французским, английским, испанским, знал эсперанто. В то же время он был незаменим и в другом: по профессии инженер-эксплуатационник, Вадим отлично знал все вопросы организационной работы флота и порта. В свое время был групповым инженером-диспетчером в управлении ДВМП, руководил группой судов, доставлявших грузы во Вьетнам.

Судьба отпустила ему для этой спецкомандировки не так много времени — всего ничего, 58 дней. Его родные успели получить от него лишь несколько весточек. Коротенькие, торопливо написанные на тонких листочках, они так много говорят о самом Вадиме и о том, что ему удалось увидеть и узнать.

Слоны, карта из черепов, вилла с автоматчиком…

…Первая посадка в Бомбее. Стоянка час. Жара. Страна похожа на муравейник. Перелет. Ханой. Духота. Ночевал в городе. Из окна вид на мавзолей Хо Ши Мина. Сооружение грандиозное. Утром вылетел на вьетнамском самолете. Перелет 1,5 часа. Сайгон. Климат уже чуть получше. Стоянка час. Перелет — Пномпень, столица Кампучии. Пальмы всех видов. Хлебное дерево, слон, идущий по улице. Экзотика…

Здесь встретил ребят с нашего судна, приехавших на экскурсию. Нужен был переводчик. Сразу же приступил к работе. Провел в столице два дня. Посмотрел, что успел. Трудно представить, какие ужасы творились на этой земле всего каких-то несколько месяцев назад. Но об этом напоминают одна треть разрушенных в городе зданий, сваленные в кучу автомобили, теле- и радиоприемники и прочие атрибуты „буржуазной“ жизни, сложенная из черепов огромная карта Кампучии в бывшем колледже, превращенном в тюрьму.

И снова в путь. Расстояние 260 км, теперь на автобусе. Единственное, что осталось нетронутым в этой стране, — дороги. Отличные, широкие, прекрасно сохранившиеся. Едем со скоростью под 100 км. Через каждые 5 км — мост, обязательно взорванный. Временные металлические перекрытия. Через километр-два пост, вьетнамский или кхмерский. За пулеметом

лежат совсем дети. Призыв здесь в 16 лет. А 16-летний кхмер выглядит, как наш 12–13-летний пацан.

Наконец приближаемся к цели. Порт Кампонгсаом. Бывший курорт. Климат соответствующий. Ни в какое сравнение не идет с климатом Вьетнама или Индии, но все сильно запущено. Городок небольшой, тысяч, наверное, 5–10. Живем пока на пассажирском судне „Любовь Орлова“. Через месяц оно уйдет, и мы переберемся на „виллу“. Наш дом — наша крепость. Первый этаж на сваях, второй — жилой, третий — крытая веранда. Забор, прожекторы. Своя система водо- и энергоснабжения, хлебопечь и т. д. У ворот вьетнамец с автоматом. Рядом — шикарные пляжи с пальмами, на них кокосы. Вода не холодная и не противно теплая. Можно сидеть в ней весь день.

Платят доллары. Однако тратить их совершенно негде. Магазины не функционируют.

Сейчас весь мир пытается навести порядок в этой стране. Дороги забиты нашими „ЗИЛами“, итальянскими грузовиками, американскими, немецкими и бог еще знает какими. На всех надпись UNICEF — организация ООН по оказанию помощи детям…

Работаю переводчиком. В основном на французском, хотя говорящих на этом языке осталось очень мало, ведь Пол Пот уничтожал в основном интеллигенцию. Иногда приходится говорить на английском — когда появляются представители ООН или других подобных организаций.

Кровь на дороге

Жизнь Вадима оборвалась на той самой дороге № 4, о которой он с таким восхищением рассказывал в своем письме. На этот раз он смог одолеть ее лишь наполовину…

— 7 ноября в Пномпень самолетом прибыла очередная группа советских специалистов с женами, около 30 человек, и почта, — рассказывает Анатолий Рылов, групповой инженер-диспетчер по пассажирскому флоту ДВМП, в Кампучии он в то время был инженером по коммерческой работе. — Вадим приехал встречать соотечественников, чтобы затем сопроводить их в Кампонгсаом. На два праздничных дня дорогу закрыли, считая ее слишком опасной на этот период. А 9 ноября в 8 часов утра в гостиницу, где остановились наши, прибыл представитель министерства транспорта и связи Кампучии Пук Рабун с сообщением: можно выезжать.

Вадиму очень хотелось посмотреть выступление кхмерского королевского театра, которое устраивалось вечером того же дня, и он отправился к руководству с просьбой подменить его на эту

поездку. Но жизнь в Кампучии строилась по очень жесткому распорядку, и разрешения он такого не получил. До сих пор помню, как Вадим, крепко пожав мне руку, обронил при прощании: „Ладно, Толя, чему быть — того не миновать!“ Он словно что-то предчувствовал.

Советский „пазик“ тронулся в путь в сопровождении двух кампучийских джипов с охраной. Через два часа автобус расстреляла полпотовская банда…

Как рассказывали очевидцы, они уже проехали равнину, заросшую камышом, и начали приближаться к Сианукским водопадам, когда воздух разорвал треск пулеметной очереди. Вслед за ней раздался выстрел из базуки. Александр Сляднев, стивидор из Восточного порта, был убит сразу же — пуля попала в висок. Вместе с ним погиб кхмерский охранник. Вадим сидел на первом сиденье — влетевшая в открытую дверь граната разорвалась прямо за ним, развороти правое бедро и тяжело ранив в голову. Осколками зацепило В. Дмитриева, Я. Бобрушку, А. Лебедева, водителя автобуса и кхмерского служащего из министерства транспорта и связи.

Непонятно, откуда брались у смертельно раненного Вадима силы — несколько глотков водки, может быть, лишь немного притупили нестерпимую боль. Он успел еще отдать все необходимые распоряжения, предотвратив таким образом панику. Словом, сделал все, чтобы советских специалистов доставили в Кампонгсаом уже без этих страшных „приключений“. Самого его вместе с В. Дмитриевым встречная иностранная машина отвезла в ближайший вьетнамский военно-полевой госпиталь. Но помочь Вадиму было уже невозможно. Он скончался от полученных ран. А было ему всего тридцать два…

Расстрелянный окровавленный пустой автобус с обгоревшими сиденьями вернулся в Пномпень к вечеру. Как только известие о гибели наших специалистов поступило в советское посольство, советник на вертолете тут же вылетел в Кампонгсаом.

Я вызвал с концерта всю нашу делегацию. Помянули ребят как положено…

А утром срочно начали готовить операционную. В правительственном госпитале царила та же разруха, что и везде, — ни света, ни кондиционера, ни лекарств. За несколько часов операционную вымыли, раздобыли перевязочный материал, лекарства и местных хирургов — кхмера и вьетнамца. Не было только наркоза, его заменял коньяк.

Поздно вечером вертолет доставил первого раненого — Бобрушку, потом Дмитриева — у него была раздроблена

коленная чашечка. Ногу удалось спасти.

После этого случая зарубежные средства массовой информации подняли шумиху, мол, многие советские специалисты потребовали срочно отправить их обратно в Союз. Такого не было. Я сам там провел четыре года. И таких было немало.

Позже А. Рылов был награжден кампучийским орденом труда III степени, И. Курбатов, механизатор Восточного порта, и Л. Рец, работник Владивостокского морского торгового порта, — орденом Дружбы народов.

— С Вадимом очень приятно было работать и просто общаться, — вспоминает Анатолий Маршев, начальник эксплуатационно-контрольного парка ДВМП, в то время консультант министерства труда Кампучии. — Это был удивительно радушный, внимательный и очень ответственный человек. Не случайно буквально через неделю его пригласили в гости на кампучийскую свадьбу. Вадим с ходу начал изучать кхмерский язык и даже успел составить первый небольшой русско-кхмерский разговорник.

Как переводчик, Вадим был очень занят на совещаниях и в министерстве транспорта Кампучии, и в управлении порта Кампонгсаом. Но при этом он еще выкраивал время, чтобы помочь в организации водолазной группы в порту. Вообще он очень любил море, акваланг, но больше всего свою семью — жену Любу, сына Дениса…

Память нуждается в пристанище

В пароходском музее есть стенд, посвященный Вадиму Еремееву. Здесь можно увидеть его курсантскую фотографию (он окончил ДВВИМУ), костюм аквалангиста, кампучийский орден труда III степени, которым советский переводчик, как и его товарищ Александр Сляднев, был награжден посмертно. В музейных запасниках есть несколько любимых книг Вадима на французском языке. Кстати, выучил он его практически самостоятельно, а отшлифовал на годичных курсах в Ленинграде.

В этом году исполняется ровно двадцать лет с тех пор, как погибли на кампучийской земле два русских парня Вадим и Саша. Может быть, к тому времени в музее увековечат также память и об Александре Слядневе.

В черный день 9 ноября Елена Пантелеевна, которой недавно исполнилось 80 лет, как обычно, была на Морском кладбище. С каждым разом делать ей это становится все труднее, спасибо, старые друзья выручают — семья Романовских. Обошла обе могилки, обнесла их домашними пирожками, конфетами.

Поплакала вволю.

Она начала откладывать с каждой пенсии понемногу, чтобы в этом ноябре устроить в пароходском музее вечер памяти. Причем не только Вадима и Саши — кампучийская история коснулась многих приморцев.

…Есть у матери еще одна заветная мечта: когда пробьет ее час — лечь рядом с сыном. Но боится — не разрешат, как не разрешили в последний раз взглянуть на него».

Тамара Калиберова

«Владивосток» (2000 год)

Мы с Пашкой снимали сюжет об этом трагическом инциденте для программы «Время», да солнцевская группа должна была вставить прощание с погибшими в свой фильм.

А случилось вот что.

Утром 9 ноября наши специалисты выехали на «ПАЗике» в единственный морской глубоководный порт Кампучии Кампонгсаом. О том какую роль сыграли советские специалисты в Кампонгсаоме в спасении народа Кампучии от голодной смерти я рассказал в главе «Курортный сезон в Кампонгсаоме». Сейчас я хотел бы остановиться на эпизоде, который стал роковым для портовиков-дальневосточников.

На 73 километре дороги связывающей Пномпень с Кампонгсаомом автобус с советскими специалистами и сопровождавшими их работниками Министерства транспорта был обстрелян «красными кхмерами» из гранатомета и автоматов. Два советских специалиста погибли, несколько человек получили ранения. Водитель автобуса, получивший осколочное ранение, чудом смог довести автобус до ближайшего вьетнамского блок-поста. Только его мужество и спасло остальных пассажиров автобуса от неминуемой гибели.

Спустя три года ещё одна группа советских специалистов попала в засаду по дороге в Кампонгтям. Погибли все.

Возникает вопрос, откуда полпотовским партизанам становилось известно о передвижении советских специалистов? Ведь засады были далеко не случайны. И ещё один вопрос, почему офицер безопасности из советского посольства не обеспечил их охрану? Казалось бы это его прямая обязанность…

Ответ на первый вопрос мне дали кхмерские друзья Сомарин и Муй. В то время во многих Министерствах НРК работали сторонники «красных кхмеров». В царившей неразберихе первых месяцев после изгнания полпотовцев из Пномпеня, когда у людей

не было никаких документов, разобраться кто просто кхмер, а кто с «красной подкладкой» было практически невозможно. Поэтому о наших с Трубиным передвижениях по стране я никого и никогда не ставил в известность. Так было надёжнее.

Что же касается деятельности наших «соседей», комментировать её не хочу. Но гибель советских специалистов в обоих случаях останется на их совести.

Об этом стало известно в полдень 9 ноября 1980 года.

Ник Ник приехал из посольства багровый.

— Они запретили нам выезд!

— Кто они?

— И кхмеры, и вьетнамцы, и наши посольские… Это катастрофа!

— Люди ведь погибли, Николай Николаевич!

— Но нам необходим Ангкор-Ват!

Ему были нужны кадры национальной гордости кхмеров. Всё равно, какой ценой. Он их получил. Мы Сашкой добрались всё-таки до Ангкора. После чего началась посольская интрига по нашему удалению из страны.

ВЬЕТНАМСКИЙ ДРАЙВ

Глава первая
Шеф, кина не будет!

Сентябрь 1980 год. Пномпень

— Шеф, — говорит Павлик, — нужно отказываться от съёмок?

— Паша, это невозможно. Мы живём здесь, на гостевой вилле, только потому, что снимаем кино.

— Шеф, кина скоро не будет!

— Это ещё почему?

— «Кодак» йок!

> «Я так решил ещё с утра: сегодня точно напьюсь,
> Сегодня кончатся все деньги, сегодня — пиво и блюз!
> О, я — hoochie coochie, о, я — hoochie coochie man,
> Перекати мое поле, мама: я обессилел совсем».

Всё имеет обыкновение заканчиваться.

К концу августа у нас с Пашкой осталось метров двести кинопленки «Кодак», немного магнитофонной ленты и по триста долларов на брата.

Возможно, у кого-то из читателей сложилось мнение, что мы в Пномпене пьянствовали и донжуанствовали дни и ночи напролёт, но это не совсем так. Трубин — человек малопьющий. Мог позволить себе пару баночек пива в адовой жаре. А так, он был почти трезвенник.

Да и ваш покорный слуга пил водку чаще в силу необходимости, чтобы не загнуться от диареи. Но суть не в этом. Не стану я оправдываться относительно того — пил, не пил…

> «Я позвоню по телефону, ты мне скажешь „ОК“.
> Я подсчитаю всю наличность, я займу у друзей.
> О, я — hoochie coochie, о, я — hoochie coochie man,
> Перекати мое тело, мама: я обезвожен совсем».

В Пномпене мы спасались работой. После аккредитации не прошло и семи недель, как Павел обескуражено заявил, что киноплёнки хватит еще на три-четыре сюжета, если снимать не один к трём, а один к полтора. А это означало, что практически

каждый кадр должен был стать единственным.

Мы привезли два яуффа (металлические короба цилиндрической формы) в которых лежали круглые коробки с драгоценным (купленном на валюту) французским «Кодаком». Что-то около трёх тысяч метров плёнки. Остальная плёнка (примерно тысяч пять метров) должна была прийти в двух ящиках грузовым рейсом в Хошимин. Но вот уже прошло почти два месяца, а о грузе ни слуха…

Я «бомбил» докладными записками начальников из Гостелерадио, засыпал «слёзными письмами» ханойских коллег. Но груз пропал… Представители «Аэрофлота» в Ханое ничего о его судьбе сказать не могли. А руководство Гостелерадио СССР, похоже, о нас благополучно забыло. Этому обстоятельству только бы радоваться! Это так замечательно, когда начальство забывает о твоём существовании. Значит всё «ОК»!

Почти два месяца мы с Павлом жили в этом блаженном забвении.

> «И наплевать, что я небрит, и что в грязи мой левый шуз —
> Сегодня мы напьёмся в совершеннейший блюз!
> О, не будь я hoochie coochie, не будь я hoochie coochie man!
> Перекати моё поле, мама, перекати мою душу, мама,
> Пока я не вышел совсем».
>
> *Сергей Чиграков — «Hoochie Coochie Man»*

Глава вторая
А тут ещё одна дрянная новость…

Мы регулярно посылали отснятые нами телесюжеты, их регулярно показывали в программе «Время» и воскресных выпусках «Международной панорамы». Начальство было сыто, а что до овец, то разного рода клеркам, занимавшимся вопросами снабжения зарубежных корпунктов, похоже, наши проблемы были до лампочки. Пномпень — это так далеко. И связи никакой, кроме тех записок, которые я через корсеть отправлял на имя высокого начальства.

А тут ещё одна дрянная новость…

«Руку жали, провожали
Врали срали распевали
Убийственную песенку матёрую которую
Ушами не услышать
Мозгами не понять».

Егор Летов «О святости, мыше и камыше»

Какой-то славный мальчик из какого-то могучего «отдела снабжения зарубежных корпунктов всем и вся» отправил контейнер с мебелью, и прочими предметами быта (как-то: холодильники, стиральные машины и пр. и пр.) через морской порт Одессу в морской порт Хайфон (СРВ). То ли мальчик не удосужился заглянуть в атлас мира, то ли что ещё, но контейнер наш на морском судне, минуя кампучийский порт Кампонгсаом и вьетнамский южный порт города Хошимин (сайгонский), должен был оказаться на самом севере Вьетнама в хайфонском порту. А почему бы не отправить его в Гонконг? Но кого е…т чужое горе? Тем более мальчиков из могучего «отдела снабжения зарубежных корпунктов всем и вся». Они то свою работу сделали. Главное, есть бумажка!

«Я видел секретные карты.
я знаю, куда мы плывём.
Капитан я пришёл попрощаться
с тобой и с твоим кораблём.
Я спускался в трюм, я беседовал там
с господином Начальником Крыс —
Крысы сходят на берег в ближайшем порту

в надежде спастись.
На верхней палубе играет оркестр
И пары танцуют фокстрот,
стюард разливает огонь по бокалам
и смотрит, как плавится лёд.
Он глядит на танцоров, забывших о том,
что каждый из них умрёт.
Но никто не хочет и думать об этом,
пока „Титаник“ плывёт».

Илья Кормильцев — «Титаник»

Нашему «Титанику» под названием советский социалистический строй оставалось десять лет плавания.

Какого чёрта, эти идиоты тратили кучу рублей, которые в те времена ещё никто не называл «деревянными». Экономили валюту! Которую кейсами передавали «пламенным революционерам» на мировую революцию. Дедушки из Политбюро ЦК КПСС продолжили дело Льва Троцкого. Чего ради? Чтобы потом всё в одночасье рухнуло. Весь этот СЭВ, Варшавский пакт и, наконец, «великий и могучий Союз нерушимый»!

«Но никто не хочет и думать об этом,
пока „Титаник“ плывёт».

Мы с Павликом десант. Только вот он настоящий десантник, а я …

Моя ВУС — «офицер спецпропаганды».

Но в десанте нельзя долго принимать решение. Думать нужно быстро, иначе убьют.

Завтра летим в Ханой, — говорю я оператору. — Будем говорить с Москвой по телефону. Потом поедем в Хайфон искать контейнер. А потом отправимся в Сайгон, искать ящики с «Кодаком».

Глава третья
Мост Лонгбиен

Сентябрь 1980 года. Ханой

Дорога из аэропорта Нойбай до города была в те времена такой, что мамочка родная…

Самое узкое место старый мост Лонгбиен. Построенный в начале прошлого века французами по проекту великого Эйфеля, да, да, того самого папаши одного из главных символов Парижа. Американцы бомбили Лонгбиен нещадно. Мост старый, узкий, — весь в заплатках. Люди на велосипедах и пешие старухи с коромыслами тяжёлой поклажи передвигающиеся гусиным шажком, свойственным только вьетнамцам, велорикши, словно сошедшие с кинокадров хроники сороковых годов, раздолбанные грузовики… Стоит одному автомобилю поломаться на мосту, движение останавливается… Как надолго?

Кто знает даньти? Может на десять минут, может быть на час, может быть на три часа…

Ни Сергеев, ни Грачевский встречать нас в Нойбай не приехали. Нужно им лишний раз париться, причём в прямом смысле этого слова, возле моста Лонгбиен?

Прислали «уазик». Водитель Тханг, переводчик корпункта Динь…

Динь спрашивает, не хочу ли я обменять доллары один к десяти? По официальному курсу — за доллар дают то ли четыре, то ли шесть донгов.

Обещаю подумать над его предложением.

В Ханое не так жарко как в Пномпене, но влажность раза в два больше. Ни ветерка. Через полтора часа мы всё же преодолеваем курьёзный километр Лонгбиена.

Нас размещают в какой-то заштатной гостинице с тараканами размером с палец, вдобавок летающими, с крысами, к которыми мы уже привыкли в Пномпене, со скрипящими кроватями под москитными сетками, и потолочным вентилятором вместо кондиционера. Вьетнам — очень бедная страна, возможно, самая бедная в социалистическом лагере.

Женя Грачевский выдает нам под расписку триста донгов. Я просил тысячу.

Женя делает страшные глаза. Деньги корпункта в банке. Банк с пятницы по понедельник не работает.

Спасибо, коллеги!

Отдаю переводчику Диню стодолларовую банкноту. Получаю взамен тысячу донгов.

Живём, Павлик!

На следующее утро мы отправляемся в Хайфон.

Глава четвертая
«Добрый даньти» из Хайфона

Сентябрь 1980 года. Хайфон

Вьетнам, как я уже говорил, очень бедная страна. Но социалистическая. Член СЭВ. Потому прочие страны лагеря ей всячески помогают. Помощь эта видна только в хайфонском порту, заставленном контейнерами, разного рода техникой и тысячами тонн других народно-хозяйственных грузов, которые мокнут под тропическими дождями, сыреют, гниют, ржавеют, превращаются в хлам и металлолом. Исключение — военные поставки. Тут всё разгружается и вывозится без проволочек. Вьетнам — это армия. Стотысячный корпус застрял в Кампучии. Остальное воинство сконцентрировано на вьетнамо-китайской границе. Его не видно, но уроки тридцатидневной войны хорошо освоены. Здесь у вьетнамцев — новейшие образцы советского вооружения. Американца проучили, не худо и китайца приструнить.

Советский представитель Морфлота в хайфонском порту (местный «чам») говорит, — парни, я вам сочувствую, но дело ваше — мокрое. Проще было бы ваш контейнер утопить в акватории порта, чем найти его среди этих монбланов. — Он показывает рукой на горы всякого добра, которым заставлена вся территория портовых терминалов. — Какой удод отправил ваш груз в Хайфон?

Вот и я так думаю. Какой удод?

Легче мне от этого не становится. Но нужно идти до конца. «Чам» мне бумаги о том, что контейнер утрачен безвозвратно не даст ни за какие коврижки. Гостелерадио платит Минморфлоту за аренду контейнера. И платить будет до скончания века. А потом до скончания нового века.

Как я ошибался! После 1991 года Гостерадио СССР перестало существовать. Не прошло и десяти лет. Сколько за это время денег Гостелерадио заплатило Минморфлоту мне неведомо.

Но мне нужно идти до конца. А значит до вьетнамских «даньти». Даньти (товарищ). Вьетнам даньти — вьетнамский товарищ. Льенсо даньти — советский товарищ.

Нас направляют в какое-то грузовое агентство хайфонского

порта. В большой насквозь прокуренной комнате несколько «вьетнам даньти» гоняют чаи, курят и рассказывают весёлые истории эротического характера. Это любимая тема среди вьетнамских мужиков. Потом, много позже, я понял почему, но тогда я ещё не знал, что секс для «вьетнам даньти» занимает второе место после «пострелять врага».

Даньти Нгуен лыбится нам. Переводчик Динь со столь же обаятельной улыбкой рассказывает, как даньти Нгуен удержал от суицида одного норвежского даньти, который, отчаявшись сыскать в хайфонском порту свои контейнеры, решил утопиться. Но даньти Нгуен удержал его от этого опрометчивого шага. Он клятвенно пообещал норвежскому даньти разыскать его груз и доставить его по адресу.

«Так он нашёл этот контейнер?

Пока ещё нет, но норвежскому даньти очень повезло, что он встретил даньти Нгуена».

И нам очень повезло, что мы встретили такого человека!

Такой вот доброго даньти из Хайфона. Нам этот «добрый человек из Сезуана» (пардон Хайфона) предложил заплатить тысячу восемьсот донгов, за оказание транспортным агентством хайфонского порта услуг по доставке нашего контейнера из Хайфона в порт города Хошимин (Сайгон).

У нас всего тысяча донгов. Динь улыбается ещё шире. Отдаю ему вторую стодолларовую банкноту.

— Ты сможешь достать справку об обмене валюты через госбанк СРВ?

Динь делает страшные глаза.

Придётся самому разбираться с Грачевским. А кого е…т чужое горе.

Весь обратный путь от Хайфона до Ханоя мы молчим. Напрасные хлопоты. А денег у нас с Пашкой осталось четыре сотни гринов на двоих.

В Ханое я покупаю три бутылки венгерской палинки за девять донгов. Обожаю палинку, а тут, радость какая! Три бутылки — за доллар!

Глава пятая
Здесь все мы — Штирлицы

Когда я протягиваю платёжные документы Жене Грачевскому, глаза его округляются от ужаса. Ему до боли сердечной не хочется отдавать взамен этих практически бесполезных бумаг кучу вьетнамских донгов. Начинает что-то канючить относительно того, что денег на счетах корпункта с гулькин нос, что…

— Евгений Геннадьевич, — говорю я, — когда у вас сеанс связи с Москвой? Часа через три-четыре… Мы подождём, погуляем по Ханою…

Ханой 1980 года. Ханой тёмнооливкового цвета. Мужчины в пластиковых шлемах и военной форме, женщины в чёрных сатиновых широких (клеша от бедра) штанах и темного цвета, (белые — редкость) блузках. Традиционный женский наряд «ао-зай» здесь диковинка. Может его кто-то и носит, но только во время свадьбы. По улице Хай ба Чунг (Тётушек (сестриц) Чыонг) которые в незапамятные дали по зубам китайскому агрессору, мы с Павликом двигаемся к центру вьетнамской столицы, туда, где под раскидистыми платанами, баньянами, пальмами и прочей ханойской флорой дремлют под зелёной гладью воды черепахи на дне Озера Возвращённого меча. Нельзя не любить этот уголок Ханоя, как нельзя не любить весь этот город, хранящий свою гордость и достоинство.

Сколько дней продержался под американскими и натовскими бомбами Белград?

Сколько дней продержался под американскими и натовскими бомбами Багдад?

Сколько дней огрызались талибы в Кабуле под американскими и натовскими бомбами?

Ханой бомбили несколько лет. Выстоял!

В то время ханойцы относились к «льенсо даньти» с глубочайшим пиететом. Они знали и пока ещё помнили, кто валил на землю американские Б-52, останки которых стащили в один из уголков парка имени Ленина. Знали, что и в тридцатидневной войне с Китаем, и в кампучийской операции могли и могут опираться на военную мощь одной из двух супердержав.

Сегодня российско-вьетнамские отношения пока ещё

теплятся на коммерческой основе. Мы можем списать миллиарды долларов саддамовского долга, не станешь же требовать его с администрации Буша, но требуем Вьетнам оплатить нам до последнего цента ПЗРК, которыми мы в ту войну валили «фантомы» и «Б-52».

Что-то потянуло меня в публицистику…

Вернёмся к Озеру Возвращённого меча. Прогуливаемся мы с Павликом по Ханою в поисках обеда. Отыскиваем отель «Метрополь», в котором останавливались Грэм Грин и Чарли Чаплин, и где сегодня (в 1980 году) в апартаментах из нескольких комнат располагается корпункт «Известий».

Заходим в ресторан. Заказываем обед. Как сказал бы Егор Прокудин из «Калины Красной», «мою правую ляжку жжёт» пара сотен донгов в заднем кармане джинсов «Ли», классически истёртых нашими остессами из гостевой виллы о пномпеньский асфальт. Это называется «постирать одёжку по кхмерски».

Искренне не понимаю русских людей за границей. Здесь все друг другу чужие, здесь все скрывают за лживым радушием улыбок в лучшем случае равнодушие, в худшем — ненависть. Здесь все мы — Штирлицы. Свои среди чужих, чужие среди своих.

Понимаю, — незваный гость хуже татарина, но мы же не батыева рать, а коллеги из треклятого Пномпеня, где жопа по всем параметрам.

Женя из этикета мог хотя бы стакан воды предложить, не говоря о пиве с орешками. Ан, нет! Молчит, как мэтр Кокнар, принимающий в своём доме Портоса.

Глава шестая
Лучше бы вы трахнули принцессу из Монако

Муторное ожидание разговора с Москвой.

Первый звонок в корсеть. Соединяют с одним из замов Мелик-Пашаева. Того самого бонзы, который профукал или замылил решение ЦК. Этот карлик Тьер с нами разговаривать считает ниже своего достоинства.

Зам. начинает читать мораль о том, что нельзя самовольно выезжать в командировки во Вьетнам. А как до вас достучаться, товарищ хороший. Сколько писем я вам в Москву отправил. И ни гу-гу!

Диктую докладную записку на имя шефа корсети Мелик-Пашаева о необходимости такой командировки.

Без бумажки, ты какашка! А с бумажкой — таракашка!

Вторая докладная записка об исчезновении всех высланных в наш адрес грузов. О необходимости этих поисков. О поездке в Хайфон и контактах с транспортным агентством порта. Об отсутствии киноплёнки…

Второй звонок в ПФУ товарищу Касаеву.

Накануне отъезда в Пномпень этот финансовый товарищ с загадочным восточным взором напутствовал меня беречь валюту (грины) как зеницу ока.

«Знаете, Игорь, власть у нас добрая, она сможет простить вам всё — кроме двух вещей — измены Родине и валютно-финансовых махинаций!»

Спасибо за науку, товарищ Касаев. Мы еще не вылетели из Москвы, как за перевес багажа, вспомните два яуффа с «Кодаком», заплатили «Аэрофлоту» двести гринов по курсу 56 копеек за доллар США. Рублей то у нас на вывоз не было. А от корсети никто и не думал нас провожать. Но товарища Касаева это не колышет!

«Платите парни из своего кармана! Председатель сказал, лучше бы они там, в Шереметьево трахнули принцессу из Монако, чем заплатили советскому „Аэрофлоту“ американскими долларами».

Рассказываю товарищу Касаеву о наших злоключениях в Хайфоне, о тысяче восьмистах донгах СРВ, отданных портовым

бюрократам ради дружбы с добрым даньти Нгуеном, который обещал…

«Да хоть пять тысяч, говорит вальяжный товарищ Касаев. Это же донги…» И тут же настороженно, — а где вы их взяли?

— Нам их дал взаймы Евгений Грачевский, — говорю я, наблюдая, как бледнеет шеф ханойского корпункта Гостелерадио СССР.

Я очень хорошо знаю, что Грачевский не станет говорить Касаеву, что денег мне не давал. Потому что это — скандал, а больше всего на свете Грачевский боится скандалов.

— Пусть приложит эти платёжки к своему месячному отчёту, а мы их зачтём, — говорит Касаев.

И вот здесь нужно играть ва-банк!

— Владимир Рашидович, — говорю я, — пожалуйста, попросите Грачевского купить нам за донги билеты до Пномпеня. Доллары у нас на исходе.

— Понял, — говорит всемогущий финансист Касаев. — Валюту в ближайшее время передадим с оказией. Соедините меня с Грачевским…

После такого разговора, рассчитывать на дальнейшее гостеприимство Грачевского не приходится. Едем с Динем в агентство «Вьетнам эйрлайнз», где переводчик приобретает нам билеты до Пномпеня с транзитной остановкой в городе Хошимин.

Динь расплачивается отрывным чеком, заполненным Грачевским, и спрашивает, не хочу ли поменять ещё одну сотню долларов.

Поскольку накануне Женя с трагическим выражением лица отсчитал мне две тысячи донгов, якобы занятых у него накануне поездки в Хайфон, (надо же, какая наличность обнаружилась в ханойском корпункте), денег у нас Пашкой как грязи.

— Спасибо, даньти Динь! В другой раз…

С вьетнамскими переводчиками нужно общаться вежливо. Все они, так или иначе, работают на местную службу безопасности. Мои кхмеры — тоже.

Другого раза уже не будет, хотя мы еще вернёмся в Ханой с Павликом через полгода. В Сайгоне, как оказалось, доллары меняют по курсу тридцать донгов к одному доллару. В Ханое мы потеряли ровно четыре тысячи донгов. Но Диня я не виню. Ханой — север. Сайгон — юг. А на юге рецидивы проклятого капитализма. С его неизбывной страстью к доллару.

Глава седьмая
Пикассо вьетнамьен

Сентябрь 1980 года. Город Хошимин (Сайгон).

Улица Катина, которая уже давно и не Катина. Что-то в ее новом названии «Донг Кхой» связано с вьетнамскими социалистическими реалиями, которые превратили Сайгон в город Хошимин. Но для меня она так и осталась — «рю Катина», какой ее описал Грэм Грин в «Тихом американце».

Старикан-антиквар с улицы Катина — симпатичный сайгонский пижон с налётом Сорбонского величия. В его маленькой галерее несколько привлекших мое внимание картин, написанных талантливо и страстно. Замечает мой интерес.

— Месье, это настоящий вьетнамский Пикассо!

Пикассо тут и не пахнет, картины написаны маслом скорее с ван-гоговской яростью. Мазки рельефные, словно художник лепил хризантемы на небольшом холсте. Но не спорить же с этим симпатичным галерейщиком.

После бойких торгов, отдаю старику 50 долларов, я уношу двух «пикассо-вьетнамьен», оставляя донельзя довольного собою антиквара. Возможно этих «пикассо» он уступил бы и долларов за 20.

Племянник моего симпатяги-антиквара прикатил на своем видавшем виды скутере, и привез нечто громадное, обернутое в жалкие сайгонские газеты социалистического содержания, и перевязанное бечевками из тростниковых нитей. Кучу вьетнамских донгов взамен двух наших новеньких стодолларовых американских купюр. Такое обилие местных денег мелкими банкнотами по 10 и крупными по 50 донгов обескуражило. Хотя ровно десять лет спустя, в обмен на такие же бумажки с портретом обрюзгшего Франклина можно было получить куда больше наших «одеревяневших» рубчиков. Кто бы тогда знал? Такое и в страшном сне не приснилось бы.

— Месье, не стоит пересчитывать, — сказал мой поклонник Пикассо. — Мы честны как Виктор Гюго.

Я молча набивал пачками десятидонговых и прочих купюр свою спортивную сумку. Еще никогда в своей жизни мы не держали столько денег. Но новыми Али-Бабами мы с Павликом осознать себя не могли.

Глава восьмая
«Сайгонская роза»

Мы шагали по «рю Катина», так мне больше нравилось называть эту крохотную сайгонскую улочку, довольные собой и совершённым только что «ченч мани». Мы направлялись в отель «Мажестик», респектабельное строение в конце «рю Катина» близ набережной реки Сайгон. На одном из перекрестков нам попалась какая-то умопомрачительная мулатка с вьетнамским разрезом глаз. Дитя любви среди войны. Там было много таких мулаток и метисов с голубыми глазами и светлыми вихрами, так контрастировавшими с черными, как смоль и гладкими, как шелк волосами вьетнамских отроков. На дворе был год 1980. Война закончилась пять лет назад. Сайгон ещё не привык к своему новому имени Хошиминград. Юная мулатка была достаточно опытной путаной по кличке «сайгонская роза». Но мы были высокоморальными советскими иностранцами во Вьетнаме, чтобы западать на экзотическую проститутку. Кроме того, позже выяснилось, что «сайгонская роза» — это такая «нехорошая болезнь» с поэтическим названием.

Отель «Мажестик» («Кыулонг») в Сайгоне каким-то чудом сохранил свою респектабельность за те пять лет, которые прошли со времени падения режима Тхиеу. Не знаю, какой ценой это удалось персоналу отеля, но после того как Запад объявил с 1979 года экономическую блокаду Вьетнама, в городе почти нет туристов. Отелей много, они пустуют. И всё-таки пытаются всеми силами сберечь тот сайгонский шик, который достигался годами. Здесь по-прежнему исправно работает мощная установка по централизованному охлаждению воздуха в номерах, совсем как на теплоходе «Любовь Орлова».

Когда мы с Павликом вошли в наш «люкс», то первым делом слегка замёрзли. Возможно, кому-то подобное сравнение покажется нелепым, но если на улице плюс 33 в тени, — плюс 22 в номерах — прохлада близкая к холоду. Старенькие, тянущие на последнем дыхании, постоянно задыхающиеся «климатизёры» на нашей гостевой пномпеньской вилле создавали лишь иллюзию прохлады и постоянно вырубались, едва падало напряжение. А падало оно через каждые два часа в вечернее и ночное время.

Так что эти три дня, проведённые в Сайгоне в августе 1980-го мы пребывали в восторженном состоянии свободы от рутинной пномненьской повседневности, с её изнуряющей жарой,

отключениями электричества, писком разжиревших крыс на проезжей части роскошных когда-то и убогих ныне бульваров и вечной нехваткой кампучийских денег — риелей.

А вот сайгонских денег (донгов СРВ, которые сайгонцы почему-то упрямо называли «пиастрами») у нас теперь было просто невероятно много!

«А ты садишься в трамвай, как в свой кадиллак.
А ты пьёшь самогон, как французский коньяк.
И ты жуешь сало с луком, как дорогой сервелат.
И тебе наплевать, что ты кому-то не брат.

А ты беги, беги, беги
Вдоль Лопань-реки,
Как будто набережной Темзы,
Как будто жизнь впереди.
А ты возьми, возьми сберкассу,
Как Лондонский банк.
И завали президента.
Ukrainian fuck».

Александр Чернецкий — «Лопань-река»

Глава девятая
Проснуться счастливым человеком

Утром я проснулся счастливым человеком. Я не плавал в собственном поту на промокших простынях. Меня не будило чахоточное покашливание «кондея». Мне не нужно было думать о том, что сейчас потребуется как-то умыться, в то время как краны шипят от отсутствия в них воды. Не нужно было ломать голову, где раздобыть бутылку французской минералки, и как вскипятить её для кофе. В «Мажестике» можно было с утра встать под тёплые или прохладные упругие струи воды, бьющие из душа, а спустя четверть часа подняться на последний этаж, где располагался ресторан и позавтракать омлетом и чашкой благоухающего по настоящему чарующими ароматами, густого, как гуталин, кофе. Может оттого, я самого начала не верю симпатяге Калниньшу с его «чарующими ароматами кофе „Гранд“». Говно это, а не кофе, старина Инвар! Потому и пытаются приукрасить его твоим обаянием.

Для меня этот город навсегда останется Сайгоном, овеянным ароматами книги Грэма Грина «Тихий американец» и фильмов Фрэнсиса Форда Копполы и Майкла Чимино.

После расслабляющих прохлады и уюта «Мажестика» выход в город подобен прогулкам со стариком Данте. Правда, дантов ад у меня отчего-то ассоциируется с леденящим мраком, в то время как сайгонская преисподняя — это воздух, густо пропитанный запахами бензина, который отбивает все прочие запахи гигантского азиатского города.

Первым делом приобретаем «сити мап» — карту Сайгона, который теперь именуется Хошимин-виль, или Хошимин-сити, это на каком языке объясняться с его аборигенами. Молодёжь предпочитает слэнг янки, старички, подобные моему «новому другу» Чан Ван Миню, антиквару с улицы Катина, говорят по-французски.

Вооружившись картой, отправляемся в путешествие.

Глава десятая
Сайгон глазами Гурницкого

Первый визит — в представительство «Аэрофлота». Всё по той же рю Катина (Донг Кхой) движемся в сторону «опера де Сайгон». Здание сайгонской оперы, где вместо спектаклей время от времени проходят показательные процессы по делу очередной банды контрреволюционеров, не лучшая копия «опера де Пари», но есть в нём некий шарм того «Парижа Азии», который…

«Это уже не тот Сайгон, вздыхают старожилы: как тут сейчас бедно, серо и скучно! В шестьдесят третьем… в шестьдесят пятом…

Я терпеливо слушаю эти вздохи и смотрю старожилам прямо в глаза. Разумеется, я верю, что Сайгон был тогда „Парижем Азии“, или „жемчужиной тропиков“, или „столицей света“. Любой публичный дом занятнее фабрики. Всякая хорошо сложенная стриптизёрка доставляет больше эмоций, чем склонившиеся на рисовом поле девушки в остроконечных шляпах, как бы красивы они ни были. Надо просто выбрать точку зрения.

Когда отсюда выгнали американцев, в четырехмиллионном Сайгоне было 285 тысяч проституток, 92 тысячи бездомных сирот и 350 тысяч наркоманов. На одной только улице Катина выстроились один за другим шестьдесят публичных домов, и среди них такие знаменитые, как „Орион“, где персонал состоял из двенадцатилетних мальчиков, или „Звезда“, где самой старшей из обитательниц было тринадцать лет. Президент Южного Вьетнама Тхиеу зарабатывал сто двадцать тысяч долларов в день на торговле наркотиками. В одном из кварталов возле доков жила под открытым небом целая колония детей от пяти до восьми лет, без какой-либо опеки, промышляя воровством или нищенствуя. Знаменитая мадам Ню велела соорудить для себя висячие сады, для которых еженедельно доставляли самолетом из Бразилии самые редкие сорта орхидей. Проститутка со знанием английского языка зарабатывала за ночь столько, сколько портовый рабочий за четыре месяца. Под конец шестидесятых годов здесь ежедневно умирало 25 человек в результате отравления наркотиками, 11 человек — от незалеченных венерических болезней и 38 — из-за хронического недоедания. Один китайский предприниматель из Шолона по имени Ли Чан, который контролировал третью часть публичных домов города, накопил у себя шестнадцать тонн золота в слитках, имел четыре

„кадиллака“ и четыре „мерседеса“, а персонал его домов чаще всего попадал к нему прямо из деревни, и уже в первый день каждая получала порцию героина. Все это творилось шесть-восемь лет назад, когда центр Сайгона освещали прихотливые неоновые вывески, по нынешней улице Ты Зо прогуливались девицы, прелестные, как бабочки, а в ресторанах „Мажестик“ и „Рекс“ подавались омары, приготовлявшиеся сорока двумя различными способами.

Проще говоря, существуют разные мерки для таких понятий, как свобода, радость, краски жизни, красота города. В этом нет ничего нового. Странно даже, что столь очевидные вещи приходится время от времени повторять. А надо. Некоторые открыто жалуются на монотонную серость этого города, еще немного — и спросят: стоило ли разгонять поднимавшуюся здесь когда-то милую и веселую дымку?

Сайгон был в американские времена наверняка самым страшным городом Азии, обиталищем зла в конденсированной форме, вызовом человечности. Здесь лучше, чем где-либо в другом месте, можно было бы уразуметь безграничную ненависть группы Пол Пота к большим азиатским городам».

(Веслав Гурницкий — «Песочные часы»)

Я прочитал «Песочные часы» через три года после возвращения из Пномпеня в Москву.

Гурницкий разбередил тогда старые раны памяти, а спустя четверть века побудил в известной степени к написанию этих воспоминаний. Но для поляка — поездка во Вьетнам и Кампучию была поводом написать одну из самых прекрасных публицистических книг прошлого века. Потом он писал, кажется об Эфиопии и других странах.

Я не думаю, что он заболел Индокитаем так же, как заболел им я.

Для меня Кампучия и Пномпень, Вьетнам и Ханой с Сайгоном — не просто страны и города, в которых довелось жить и работать… Это нечто большее. Это те недолгие периоды жизни, когда моя подружка Судьба была умопомрачительно очарована моей беспечностью и полнейшим равнодушием к её очаровательной улыбке. Возможно потом, она обиделась на моё пренебрежение к ней. Стала дуться и ворчать…

Но всё это будет потом. Когда я вернусь в черно-белый формат московской жизни.

Глава одиннадцатая
Два сталинских сокола

Сентябрь 1980 года. Сайгон

А сейчас мы Пашкой идём по рю Катина, бывшей улице «красных фонарей», которая сегодня усеяна антикварными лавками, витрины которых заставлены кхмерскими бронзовыми статуэтками Будды и его небесных танцовщиц-апсар.

Нигде так не ощущаешь разграбления Кампучии, как в этом городе, где можно купить всё, начиная от американской винтовки М-16 до антикварной китайской вазы эпохи Минь.

Здесь можно не спрашивать о том, где раздобыть подружку на ночь. Лавка располагается на первом этаже, а второй и третий у всякого ценителя «пикассо-вьетнамъен» — это личные апартаменты, в которых водятся такие яркие «бабочки», что…

Как писал незабвенный наш Владимир Владимирович Маяковский:

«…не девицы, а растрата!
Раз, взглянув на этих дев,
Каждый может стать кастратом,
На века охолодев!»

Но в отличие от Мишеля Уэльбека, который тогда ещё был никому неизвестным двадцатидвухлетним французом, весьма далеким от звания теоретика «секс-марксизма» нас как-то не занимала эта проблема. В данный момент.

Вообще-то она нас занимала, как молодых здоровых мужчин, которые должны регулярно жить с женщинами, но в данный момент…

В карманах у нас полно денег, достаточных для оплаты секс-услуг, но сейчас у нас другие заботы. О двух пропавших ящиках с бесценной киноплёнкой «Кодак», запасными аккумуляторами и прочей необходимой для работы дребеденью. Мы молоды, полны задора, желания снимать кино и становиться знаменитыми.

«Ну а девушки?
А девушки потом!»
Ну, чем тебе не два сталинских сокола?

«А ты живёшь, как звезда, микрорайон как Бродвей.

Твоя жена у лотка, но для тебя топ-модель.
И кто-то ищет тебя не для того чтоб любить.
За пару сотен всего готов ты просто убить.

А ты беги, беги, беги
Вдоль Лопань-реки,
Как будто набережной Темзы,
Как будто жизнь впереди.
А ты возьми, возьми сберкассу,
Как Лондонский банк.
И завали президента.
Ukrainian fuck».

Александр Чернецкий — «Лопань-река»

Глава двенадцатая
Очень вежливые земляки

Сентябрь 1980 года. Сайгон.

Представительство «Аэрофлота» располагается напротив самого знаменитого сайгонского отеля «Рекс», (тогда он назывался «Бентхань», но потом с переходом от военно-бюроктратического социализма к рыночному хозяйствованию под руководство компартии, всем отелям Сайгона, кажется, вернули прежние имена).

В 1994 году, когда Игорь Т. работал собкором «Правды» во Вьетнаме «Рекс», «Мажестик», «Каравелла», «Палас» и другие отели в центре Сайгона стали недоступны своей ценой. Новые бизнесмены из Гонконга, Сингапура, Японии, Германии, Франции вытеснили товарищей из бывшего социалистического лагеря. Хотя в Сайгоне, если очень сильно захотеть всегда можно было сыскать меблированные комнаты по сходной цене — долларов за 20 в сутки. Можно с «ночными бабочками», но в два раза дороже.

Сегодня русские нувориши могут прогулять за недельку в Куршавеле 150 тысяч евро. За такие деньги можно, пожалуй, перетрахать весь Сайгон.

«И если утром проснёшься, то я удивлюсь.
А если ночью вернёшься, то, вероятно, напьюсь.
И что тебе мне сказать, что ты это я.
Обыкновенный пацан — душа нараспашку, за душою голяк.

А ты беги, беги, беги
Вдоль Лопань-реки,
Как будто набережной Темзы,
Как будто жизнь впереди.
А ты возьми, возьми сберкассу,
Как Лондонский банк.
И завали президента.
Ukrainian fuck».

Александр Чернецкий — «Лопань-река»

В представительстве «Аэрофлота» симпатичные люди

порадовать нас ничем не могут.

— Знаем о ваших бедах, парни. Мы уже раза четыре обходили все грузовые склады в аэропорту «Таншоннят». Нет там ваших ящиков.

— А где они, по вашему разумению, могут быть?

— Где угодно. В Шереметьево. В Бомбее, Калькутте… Хотя всё это мало вероятно…

— Но они же не испарились?

— Нет, просто могли улететь в другую сторону земли.

Нас угощают сводящим зубы от холода «Боржоми» в экспортном исполнении. Бронируют нам места на субботний рейс до Пномпеня самолётом компании «Вьетнам Эйрлайнз». Очень вежливые земляки. В то время «даньти льенсо» были не столь частыми гостями города Хошимин.

В 1989 году русские «челноки» так задолбали «Аэрофлот» в городе Хошимин, что по признанию сотрудников представительства им хотелось взять винтовки в руки… И стрелять!

Глава тринадцатая
Каталог борделя для «джи ай»

Сентябрь 1980 года. Сайгон

В лабиринте проулков между проспектом Чан Хынг Дао и улицей Нгуен Конг Чу обнаруживаю «сайгонский книжный парадиз». Уже в мой следующий приезд в Сайгон летом 1983 года эти проулки стали пустынны и безымянны. А тогда каждый из них имел своё название в зависимости от того, чем там торговали — Книжный, Стеклянный, Спортивный…

Представьте себе тупичок длиной метров в триста заставленный с обеих сторон лотками букинистов… Боже мой, чего там только не было… Французские полицейские романы в формате «ливр дю пош» (покетбуки) и роскошные с «золотым» обрезом «клубные номерные» издания романов Брэма Стокера, Ван Гулика и Конан Дойля. Альбомы импрессионистов и поразивший меня фолиант «Эротик арт», в котором кроме знаменитой серии Хокусая и китайцев, несколько откровенно сексуальных рисунков Рембрандта, а дальше Ватто, Фрагонар, Густав Климт, Лотрек, Мунк…

Главная заповедь для покупающего на Востоке не выказывать своего интереса к предмету покупки. Небрежно возвращаю альбом букинисту и начинаю рыться в коробке набитой старыми номера «Плейбоя» и «Пентхауса». В «Плейбое» кроме девиц есть несколько интересных корреспонденций о войне во Вьетнаме. Но торговаться рано… Иду дальше, там где старая литература об Индокитае. Меня интересует история Камбоджи.

— Месьё, — окликает меня букинист, у которого разглядывал «Плейбои» и «Эротик арт». — Месье, у меня есть для вас кое-что.

Он вытаскивает откуда-то обычный фотоальбом и хитро лыбится. Раскрываю этот альбом. Он заполнен фотографиями голых европейских женщин, весьма далёких от стандартов Мэрилин Монро. Фотографии черно-белые, типовые, сделанные с одной точки и в одном фотоателье…

— Месьё, — продолжает лыбиться вьетнамец — это уникальная вещь. Каталог борделя для «джи ай». Только для белых. Исторический артефакт.

Ну, ты и жук, думаю я, возвращая этому средних лет сайгонскому торговцу его «артефакт». Какие слова знаешь.

— Вы профессор? — спрашиваю на мгновение смутившегося книжника. — Доктор искусствознания? Историк? А может быть вы писатель?

Он смеётся.

— Нет, месьё, я просто букинист.

Хорошо, думаю я, ты «просто букинист» в многомиллионном городе. А может быть, ты служил в полиции господина Тхиеу или в его охранке. Откуда у тебя каталог армейского борделя союзников?

А, впрочем, какое мне дело до этого парня. Я хочу купить у него альбом «Эротик арт» и несколько номеров «Плейбоя» со статьями о вьетнамской войне, но не сразу. Пока нужно прогуляться. Нужно лишить его надежды на покупку, заставить поволноваться.

Напротив торгуют энциклопедией «Британика». Три десятка томов в целлофановых упаковках. — Сколько? — спрашиваю я, — поскольку меня совсем не интересует «Британика».

— Триста долларов, месьё, — отвечает симпатичный старичок. — За тридцать томов. Это абсолютно новые книги.

Улыбаюсь ему самой обаятельной из своих улыбок.

— Только триста пиастров, месьё.

По «сайгонскому» курсу это чуть меньше десяти долларов. Мой «просто букинист» превратился в сплошные уши.

Иду дальше. За десять донгов у торговки приобретаю десяток «ливр дю пош» с романами Камю, Сартра, «Королевскую дорогу» Андре Мальро, мемуары Пьера Лоти и «Доктора Жеваго» Пастернака. Я не уверен, что смогу осилить Пастернака во французском переводе, но сама мысль о том, что я держу в руках, книжку, которую в Союзе никто не читал, но все осуждали, приводит меня в восторг.

Глава Четырнадцатая
Уроки сайгонского шоппинга

Подходит Павлик, который всё это время приценивался к «никоновским» объективам на соседней «Стеклянной». Прикладываю палец ко рту, чтобы Паша не стал говорить по-русски. Мы здесь в Сайгоне — поляки. «Балан» — самый весёлый барак в соцлагере. Поэтому в Сайгоне их любят больше других. Почти как французов.

Удаляемся с Сашкой на его «Стеклянную».

— Какие-то проблемы, Павлик?

— Сколько у нас денег, шеф?

— Здесь три тысячи донгов, — показываю я на брезентовую сумку из-под американского противогаза. — И тысяч пять в отеле.

— Шеф я хочу купить три объектива. Всего за сто баксов.

— Шурик, баксы не дам. У нас их всего сотня осталась. А послезавтра возвращаемся в Пеньково.

— Давай донги.

— Только две девятьсот, сотня нужна мне на книги.

Торговец объективами от «Никона», наверняка, краденными, сначала упирается рогом.

— Пошли, — говорю я Павлику — на плохом английском, словно случайно наступив при этом ему на ногу.

Трубин смышлёный. Он горестно вздыхает.

Разворачиваемся уходить.

— Окей, — говорит торговец, — берите за две девятьсот.

Снова ослепительно улыбаюсь.

— Мне очень жаль месьё, но у нас только две восемьсот.

А он уже упаковал объективы в коробки.

— Согласен, — говорит он с плохо скрываемой радостью.

Можно было торговаться до посинения и сбить цены до двух тысяч пиастров. Но мы ведь только учимся.

Глава пятнадцатая
Заветный Обри Бердслей

Возвращаюсь на «Книжную».

«Просто букинист» настороже, но меня приковал альбом Обри Бердслея. Он роскошный, но краденный из того британского консульства в Сайгоне, которое, впрочем, не существует в нынешнем Хошимине. Так что «краденый» — это с натяжкой.

Теряю разум и сразу же прицениваюсь. Торговец просекает мой азарт.

— Тысяча пиастров, месьё!

— Это невозможно!

— Девятьсот!

— Двести!

— Нет, месьё, это невозможно!

— А это возможно, — показываю ему на библиотечный штамп консульства.

— Это ничего не значит!

— В Сайгоне, да. В Варшаве нет.

— Хорошо. Пятьсот пиастров.

Иду дальше. Меня нагоняет «просто букинист» с альбомом «Эротик арт».

— Всего пятьсот пиастров, месье. Это лучше Бердслея. Здесь больше секса.

Оглядываюсь на владельца краденного Бердслея. Он откровенно огорчён. Золотая рыбка соскочила с крючка.

Но у меня осталось только двести донгов.

— Я возьму ваш альбом, месьё, но ещё пять «Плейбоев» к нему.

«Просто букинист» расплывается в улыбке.

— Но только за двести донгов…

Улыбка гаснет.

— Окей, месьё балан, кричит мне хозяин «Бердслея»! Двести пиастров.

У меня дома по сей день стоит на книжной полке альбом «Бердслей». Автор Брайан Рид. Издательство «Студио Виста», Великобритания. Отпечатано в Голландии. Год издания 1967. Сегодня это уже никакой не раритет. Разве что, только для меня…

Бердслея нынче в России не издал только ленивый!

КОНЕЦ

«КУРОРТНЫЙ СЕЗОН» В КАМПОНГСАОМЕ

Кампонгсаом. Кампучия.
Июль 1980 года

Ну, вот и всё, — подумал я. — В Ангаре не утонул, зато теперь уж точно отдам концы в Сиамском заливе.

Просто немного не повезло. Не сумел вовремя соскочить с приливной волны, и теперь океан тащил меня в свою пучину, вкручивая куда-то в смесь воды и песка. Но самое неприятное — это пронзившая как ударом тока боль в правом предплечье. Какого черта я вдруг попытался защитить правую щеку от соприкосновения с жестким как наждачная бумага песком?

Ну, как же! Не хотелось предстать с ободранной мордой перед Валей и Светой, с которым мы сегодня вечером договорились встретиться за товарищеским ужином.

Вот и тони теперь, красавЕц несчастный!

«Нам всем нужен кто-то, кого бы мы могли полюбить,
И, если ты хочешь, ты можешь полюбить меня.
И нам всем бывает нужно кого-то побить,
Помучить, покалечить или даже убить,
И, если хочешь, ты можешь погубить меня…»

(«Майк» Науменко)

Рот забит песком. Не отплеваться. Захлебнусь. Глаза закрыты. Где дно, где небо? Осталась боль. И страх. Дикий. Мне совсем не хочется помирать вот так в морской пучине, когда берег совсем рядом. Ну же, старина! Утонуть через три недели после начала загранкомандировки. Вот уже нелепость.

Когда дышать больше нечем, делаю последний рывок и неожиданно оказываюсь выброшенным новой приливной волной, которая и сама уже на издохе, наверх. Три или четыре метра до берега добредаю, преодолевая обморок.

Падаю на песок. Выплевываю песок изо рта. Он всюду. Во рту, в ушах, в глазах. И ещё невыносимая боль в правом предплечье. Кость торчит, зловеще натянув обожженную солнцем кожу, а рука моя болтается где-то на уровне колена.

Пашка бледнеет от такой анатомической красоты и пытается оттащить меня к ближайшей дюне. А любимый мой драйвер Муй, с которым мы знакомы без году неделю, только цокает языком.

Нам нужно на «Орлову» к судовому врачу Жене. Но добраться до машины, у меня просто не хватит сил. Да и появляться на теплоходе в столь жалком виде не хочется.

— Паша, поезжай с Муем в порт и объясни Евгению ситуацию.

— Шеф, а как же ты?

— Павлик, уже не утону…

По мокрому песку носятся морские рачки и прочая живность.

На вершине холма белеет вилла «Моник». Шестая жена Нородома Сианука наполовину то ли итальянка, то ли француженка, а наполовину вьетнамка из Сайгона, профессиональная танцовщица и красивая в молодости женщина умела жить с монархической роскошью. Правда, после государственного переворота стала позировать перед репортерами в «особых районах Камбоджи» в компании верхушки «красных кхмеров».

Красный принц и красная принцесса — та ещё парочка. Политические эквилибристы.

Стараюсь думать о чем угодно, только бы не смотреть на изувеченное предплечье и не потерять сознание от накатывающей волнами боли.

А как всё прекрасно начиналось! Какие прыжки совершали мы на гребне волны! Но за всё нужно платить.

Не стоило мне пить белого сухого вина у хлопцев на «Морском-20». Заехали мы по дороге на пляж к причалу, где пришвартовался сухогруз. «Морские» нам с Пашкой всегда были рады. Когда они швартовались в Пномпене, мы с ними почти не расставались. А тут встретили Сашу Литовченко — капитана «Морского-20» и его помполита Виктора Заслонова. У моряков есть «тропическая норма». Сухое вино в какой-то степени защищает от радиационных лучей беспощадного тропического солнца.

Хлопнули по первому стакану. Спрашиваю Витьку, что у него с левой стороной щеки. Такое впечатление, что кожу стесало наждачной бумагой…

— Неудачно поднырнул под волну, — говорит Заслонов. —

Вы там тоже в прибое поаккуратнее будьте.

Мне бы сплюнуть через плечо, а я за второй стакан.

— Да ладно тебе, Витёк, мы наловчились прыгать на волне…

Сёрфингист хренов!

Но всё равно это замечательно. Лежать, смотреть на ослепительно голубое небо, дышать воздухом и жить! Главное жить! Всё остальное — обстоятельства и ситуации. А жизнь у нас одна. Даже если и не удается сплошь и рядом, всё равно это замечательная штука.

«Но на завтра ожидается мрачный прогноз,
К тому же я остался без папирос,
И в каждой клетке нервов горит свой вопрос, но ответ не найти…
Но так ли я уверен, что мне нужно знать ответ?
Просто я часть мира, которого нет,
Мой последний шедевр — бессмысленный бред,
Мой последний куплет давно уже спет,
Так было и так будет много-много лет, и нет другого пути.

Так не пугайся, если вдруг
Ты услышишь ночью странный звук —
Всё в порядке. Просто у меня открылись старые раны…»

(«Майкл» Науменко)

Курортного городка Сиануквиля в 1980 году практически не существовало. Он был стерт с лица земли. Кампонгсаом летом 1980 года — это всего лишь порт, в котором стоит пассажирский круизный лайнер «Любовь Орлова». На «Орловой» вместо туристов живут наши докеры и стивидоры, которые обеспечивают перевалку риса и другого продовольствия с прибывающих сюда судов, зафрахтованных ЮНИСЕФ и рядом благотворительных организаций, которые спасают народ Кампучии от голода.

Потому что даже полтора года спустя после свержения полпотовского режима деревня оказалась не способна прокормить пятимиллионное население страны.

Почему так получилось?

Как случилось, что рисовая житница Индокитая стала страной, где тысячи людей умирали от голода? Если быть более

точным, то от голода в Кампучии в 1979 и начале 1980 года году умерло более миллиона человека. Кто виноват в этом геноциде?

«Во время вторжения вьетнамцев, — пишет австралийский историк Дэвид П. Чэндлер в книге „Брат номер один“, — камбоджийские коммунисты покидали свои деревни и рабочие места, чтобы присоединиться к отступавшим колоннам или найти место, где можно было начать новую жизнь. Запоздавших с отъездом нередко убивали разъярённые местные жители. Вскоре сотни тысяч освобождённых людей заполонили дороги в поисках родственников, родных деревень, домов и имущества. Тысячи из них погибли, скитаясь по стране пешком. Другие, измученные лишениями и привлеченные слухами о хорошей жизни в Таиланде, отправлялись на Запад. В наступившем хаосе большая часть урожая риса осталась на полях, и во многих районах страны начался голод».

Австралийский историк прав лишь частично. Отступая перед частями ВНА, полпотовцы жгли зимний (наиболее значимый) урожай риса, дабы не оставить ни рисинки врагу. Они взрывали ирригационные сооружения и в скором времени обширные приграничные с Вьетнамом районы страны превратились в бесплодную пустыню.

Вот что писал об этом польский писатель и публицист Веслав Гурницкий в книге «Песочные часы» — самой проникновенной и по сей день лучшей книге о первых неделях Кампучии после Пол Пота.

«Никогда прежде я не испытывал подобного климатического шока. В ста двадцати километрах на восток, в городе, откуда мы выехали пять часов назад, температура в полдень не превышает тридцати двух градусов, влажность держится в границах шестидесяти процентов. Февраль там — самое легкое для европейца время года. А здесь мы внезапно оказались среди пустыни и попали в разъяренный зной, в облака пыли, невидимые частички которой, словно миниатюрные линзы, собирали солнечные лучи и наращивали их губительную силу. Влажность, надо полагать, приближалась к нулю. На расстоянии всего лишь ста двадцати километров разница температур составила больше двадцати градусов. Это внезапное открытие отняло все силы. Во время езды движение воздуха смягчало жгучую силу зноя. А после остановки нам стало трудно дышать. Это граничило с невероятностью. Ведь в тропиках не бывает таких больших скачков температуры и влажности при столь незначительном расстоянии. Нет, мы не сделались жертвами галлюцинации. Наши

ощущения соответствовали действительности. Организм не ошибается. Причина была настолько невообразима, что переводчикам пришлось трижды повторить объяснение, которое дал нам молодой человек из ведомства культуры. В этой части Кампучии полпотовцы убили климат. Убили? Ah, oui, ont assassine. (Да, убили.)

Точнее говоря, сперва они убили землю. Два года назад специальные отряды полпотовцев взорвали гранатами дамбы на рисовых полях в трех юго-восточных провинциях страны: Свайриенг, Прейвэнг и Кампонгтям. В течение нескольких месяцев были уничтожены десятки, если не сотни тысяч каналов, шлюзов, водозадерживающих прудов, водоотводов, запасных террас и двухъярусных плотин. Ирригационная система на рисовых полях Азии — это дело рук множества поколений, итог миллионов проработанных дней, создание вековой мудрости, передаваемой от отца сыну. Циркуляция воды, приносимой муссонными дождями, налажена так, что каждая терраса получает свою порцию как раз тогда, когда соответствующая стадия вызревания риса требует изменить уровень орошения. Даже в годы засухи, или при чересчур обильном урожае, когда помещики оставляли поля незасеянными, чтобы уменьшить количество риса на рынке и поднять цены на него, система орошения действует без перерыва, поскольку используются три закона природы, действие которых приостановить нельзя: сила тяжести, регулярность муссонных периодов и закон Бернулли, предусматривающий в данном случае непроницаемость плотно утрамбованных плотин из жирной глины.

Пришелец никогда не разберётся в этой путанице каналов и террас. Но тот, кто в ней ориентируется, прекрасно знает, как вывести ее из строя. Хватило нескольких сот гранат и ящиков взрывчатки, взорванных в самых уязвимых местах системы, чтобы в трёх провинциях вода стекла с полей в дельту Меконга. Кое-где еще валяются забытые мешочки с тротилом, виднеются ручки невзорвавшихся гранат. Без орошения остались двести тысяч гектаров. Целыми километрами тянутся полосы посеревшего, несжатого риса, в котором шуршат змеи и заливаются птицы. Операция проводилась в спешке, как и всё у полпотовцев, в пору вызревания риса, без уборки урожая с уже колосившихся полей. Лишенная влаги и подвергнутая ничем не смягчаемому воздействию солнца, почва постепенно начала превращаться в пыль. Ветры разнесли ее верхний слой по зарослям, рисовые поля заполонили дикий сахарный тростник и карликовые банановые деревья. Кое-где буйные заросли кустарников поднялись до высоты человеческого роста. Из-за отсутствия влаги и

нормального кругооборота воды в атмосфере изменился и микроклимат. Влажные тропики отступили перед степью, а степь перед пустыней.

Экологическое равновесие на этом пространстве было нарушено так резко, что сухая смерть, словно чума или проказа, может распространиться на соседние районы. В провинциях Такео и Кратьэх есть уже первые признаки бедствия. Трудно сказать, как много времени потребуется, чтобы восстановить разрушенную систему. Налицо определенный географический факт. Это памятник полпотовцам, куда более долговечный, чем их лозунги и брошюрки. Залатать прорванные дамбы довольно просто: в усердных рабочих руках здесь, как и прежде, нет недостатка. Но для наполнения водохранилищ и каналов нужно по крайней мере, пять, а, может быть, и семь муссонных периодов. К тому же стекавшая вода размыла множество частей ирригационной системы: разного рода шлюзы, подземные трубы, пруды и водоотводы. Придется без конца проверять, когда наберется первый запас воды, затем искать утечку, исправлять, переделывать — и так в течение многих лет. Сколько лет? Неизвестно. Никто пока определить не может. Несколькими днями позже я увидел эту землю с воздуха. Обширная приграничная равнина выглядела как гнойная язва посреди густой, буйной зелени по берегам Меконга. Туча ядовито-желтой пыли поднималась вертикально в воздух на высоту нескольких сот метров, словно облако ядовитого газа. Одна шестая обрабатываемых земель Кампучии была разорена так, чтобы исключить возможность быстрого восстановления. Это было воистину „убийством земли“».

Так или иначе, но последствия этого варварского преступления продолжали сказываться и полтора года спустя. Голод терзал страну пострашнее тигра-людоеда. Летом 1980 года я видел умирающих от дистрофии женщин с высохшими грудями, в которые вцепились губы полумёртвого младенца. Я видел лежащих на земле в ожидании смерти стариков и старух. Казалось бы, они надеялись на вступление в нирвану, которая прекратит цепь их перерождений на этой жестокой земле.

Судовый врач должен уметь всё. Или почти всё. Женя С. — судовый врач круизного теплохода «Любовь Орлова» на синекуру не рассчитывал. Но и на выпавший на его долю форс-мажор, он тоже не рассчитывал. Женя умел лечить всякие болячки и даже вправлять выбитые конечности и накладывать шины на сломанные конечности. Мог сделать простейшую операцию в

случае крайней нужды в открытом море, но производить искусственное прерывание беременности (аборт) Женька не умел. Он терапевт. Опытный с навыками азов хирургии, но гинекология, это не его.

В Пномпене на весь город была пара гинекологов из какого-то английского города. Игорь их не очень хорошо знал. Наши врачи гинекологией и акушерством не занимались. А ситуация на «Орловой» возникала форс-мажорная.

Больше тридцати женщин в составе экипажа круизного лайнера — нормальная штатная ситуация для судна обслуживающего туристические рейсы и совсем ненормальная для пассажирского теплохода ставшего временной плавучей гостиницей для пяти десятков докеров и стивидоров.

Молодые женщины и молодые мужчины. Долгие чернильные вечера и такие же ночи.

Это вам не мироновские куплетики:

«нет ни за что на свете,
могут случиться дети!
Нет, нет! — сказала Кэт…»

В начале последней недели июля нас с Пашкой пригласил временный поверенный Юрий Казимирович Шманевский в посольство, где познакомил с симпатичным молодым человеком с внешностью Грегори Пека в молодости.

— Знакомься, сказал Казимирыч — Женя С., судовый врач с «Орловой».

— Всегда рад! — сказал я.

— А почему бы вам с Трубиным не прокатиться до Кампонгсаома? Вы же хотели снять сюжеты о нашей экспедиции.

— Ещё как, — сказал я, — но у нас нет договорённости с отделом печати МИД.

— А зачем? — удивился бывший бравый мореман Шманевский. — Переводчик, он же сопровождающий, вам не понадобится, к своим едете. А Чум Бун Ронга я лично поставлю в известность. Только вот нужно взять двух пассажиров.

— Не вопрос, сказал я, прикидывая в уме, сколько бензина нужно залить Мую в баки «Ладушки» и сколько денег надобно выдать нашему шофёру в качестве суточных.

— Консульский отдел справки нам о командировке выдаст?

— Да, без проблем, — сказал Казимирыч со свойственной ему решительностью.

Вот и ладно, — подумал я. — Всё поворачивается лучше, чем

я предполагал, просыпаясь нынешним утром. Отдохнём на «Орловой» дней пять. Пока не надоедим славным хозяевам.

— А что у вас с левой стороной челюсти? — спросил док Женя, профессионально вычислив, лёгкую припухлость на левой части моего подбородка.

— А это? — сказал я с улыбкой. — Намедни, мне выбили шестой или седьмой зуб… Нет, нет, не кулаком, а скорее чем-то вроде стамески…, — поспешил добавить я, предвосхищая вопрос, который мог поставить дока в глупое положение…

Прежде, чем рассказать историю с удалением «зуба мудрости» в последней декаде июля 1980 года в революционном госпитале «Калмет», хотел бы ещё раз процитировать книгу Веслава Гурницкого «Песочные часы». Делаю это лишь потому, что за год с лишним после посещения Кампучии польским журналистом Пномпеня, здесь мало что изменилось в системе кампучийского здравоохранения, если только то, что тогда существовало можно назвать медицинскими учреждениями.

«Последним пунктом нашей программы в Пномпене было посещение госпиталя „Прачкет Миалеа“, где тоже, как нам сказали, началась „новая жизнь“.

У входа нас встретила молодая красивая женщина в белом халате, доктор Чей Каньня, единственная уцелевшая во всей Кампучии женщина-врач. Она заместитель министра здравоохранения в новом правительстве и одновременно главный врач госпиталя. В ее смуглом нежном лице с прекрасными карими глазами было столько муки и бесконечной грусти, что я не мог не обратиться к ней с просьбой рассказать о себе.

Доктору Чей тридцать четыре года. Она происходит из состоятельной купеческой семьи. Диплом доктора медицины получила в 1970 году на медицинском факультете Пномпеньского университета. Работала в детском отделении госпиталя „Прачкет Миалеа“ ассистентом ординатора. Её муж был на четырнадцать лет старше, диплом получил в Париже, а затем учился в Москве. После возвращения в страну он получил звание профессора, преподавал в Пномпене нейрологию и одновременно занимался частной практикой. Оба были известными в столице людьми и не имели никакой возможности спрятаться или скрыть свою биографию после вступления в город полпотовцев. Муж мадам Чей был прямо-таки показательным примером сочетания в одном лице вредного влияния Запада и Советов. Его арестовали в собственной квартире двадцатого апреля, через три дня после взятия города, а несколькими днями позже повесили во дворе

одной из школ. Доктор Чей хотела похоронить тело мужа и пешком направилась к школе, где на столбе волейбольной площадки все ещё висел спутник ее жизни. По дороге её задержал полпотовский патруль. Ей приказали снять обувь, выбросить личные документы и встать в шеренгу. Она уже не вернулась домой, где под присмотром соседки остались две се дочери — в возрасте шести и семи лет. Дети исчезли навсегда в водовороте эвакуации. Нет надежды, что они когда-нибудь найдутся.

Двадцать два дня она шла пешком до уезда Бунлонг. Сперва на север дорогой номер 13, потом на восток по дороге номер 19. Из-за кровоточащих, израненных ног она не могла идти дальше; трижды вынуждена была останавливаться; конвоиры велели ей сесть на возок, который тянули две старые женщины, но не позволили задержаться хотя бы на один день. Когда раны на ступнях переставали кровоточить, все начиналось сызнова. В „коммуне“ доктор Чей получила сперва третью, а потом четвертую категорию, потому что молчала и не выступала на собраниях по перевоспитанию. Она работала на рисовых полях с пяти часов утра и до семи вечера с часовым перерывом на обед. Ее нежные ладони огрубели и покрылись язвами от беспрерывных болячек.

Спустя девятнадцать месяцев доктор Чей сговорилась бежать вместе с другой женщиной, потерявшей во время выселения мужа и сына. С сентября 1976 года они вдвоем начали копить рис и сушеные овощи. С кухни украли коробку спичек. Тайком насушили фунт маленьких рыбок. Первого октября, незадолго до полуночи, они выбрались из барака и скрылись в зарослях. Шли на восток, во Вьетнам. „Коммуна“ находилась в восьмидесяти пяти километрах от границы. Они рассчитывали, что дорога займет не больше недели. В действительности понадобилось семнадцать дней. Особенно страшными были ночи в джунглях, когда приходилось спать по очереди, чтобы поддерживать пламя небольшого костра, который отпугивал зверей. Кажется, один раз они видели тигра. На пятнадцатый день обе заболели дизентерией. Доктор Чей не может сказать, каким образом они с температурой, доходившей до 40 градусов, все-таки вышли к пограничному оврагу. Восемнадцатого октября на рассвете они увидели вьетнамского крестьянина с автоматом.

Два с половиной года доктор Чей провела во Вьетнаме, в лагере для беженцев из Кампучии. Сразу после выздоровления занялась политической работой среди беженцев, была в числе организаторов Единого фронта национального спасения Кампучии. В Пномпень возвратилась вместе с передовыми: частями освободительной армии. Теперь она одинокая женщина,

личная жизнь у нее кончена. Она не вернулась в свою бывшую квартиру в центре города и живет в маленькой комнатке на территории госпиталя. Всё свое время отдает больным и политической деятельности в новом правительстве. Она правая рука доктора Ну Бенга, который отвечает в Народно-революционном совете за здравоохранение. Пока эти два понятия звучат в Кампучии весьма странно.

Госпиталь „Прачкет Миалеа“ был построен Сиануком во второй половине пятидесятых годов. При Лон Ноле он был перестроен. Впрочем, это не так уж важно, так как от госпиталя практически остались только стены. Так же как и, в Свайриенге, здесь уничтожен весь запас медикаментов, почти все медицинские инструменты, оборудование, кухня, даже большая часть матрацев.

Больных и раненых здесь было больше, чем в Свайриенге. При нас машина привезла двух солдат с тяжелыми огнестрельными ранами. В этой части города пальба была гораздо сильнее, чем в центре. Моментами сквозь треск автоматов можно было услышать далекие пулеметные очереди и какие-то глухие взрывы. На персонал госпиталя это не производило никакого впечатления.

Снова палаты, полные безмолвно страдающих людей, которым можно дать только чашку мутной питьевой воды или хинин, единственное лекарство, которое имелось тут в изобилии. Рожающая женщина. Старик со стеклянными глазами. Истощенное тело мальчика и рыдающая над ним мать. Раненые солдаты с горячечными глазами, прикрытые окровавленными скатертями из ресторана. Путь, которым шли крестьяне, пролегал по окраине, и, вероятно, поэтому здесь было много людей. После пустоты центральных улиц госпитальные коридоры казались переполненными».

(Веслав Гурницкий «Песочные часы»)

Зуб у меня разболелся, как это всегда случается, некстати. Доктор Кайрат из группы наших врачей, работающих здесь по линии Красного Креста вместе с одним из тассовцев Васей Старшиновым проехали со мной три госпиталя. В военном вьетнамском нас просто не приняли, а в революционном госпитале «Калмет», где сохранилось подобие стоматологического кабинета, нашлась лишь бутылка с анестезирующейся жидкостью, но никаких инструментов, кроме какого-то подобия медицинского долота. Весёленькая получилась экстрадиция несчастного моего зубика. Его просто выбивали

долотом по живому.

«Пока вы здесь в ванночке с кафелем
Моетесь, нежитесь, греетесь,—
В холоде сам себе скальпелем
Он вырезает аппендикс.

Он слышит движение каждое
И видит, как прыгает сердце,—
Ой, жаль, не придется вам, граждане,
В зеркало так посмотреться!

До цели всё ближе и ближе,—
Хоть боль бы утихла для виду!..
Ой, легче отрезать по грыже
Всем, кто покорял Антарктиду!

Вы водочку здесь буздыряете
Большими-большими глотками,
А он себя шьет — понимаете? —
Большими-большими стежками.

Герой он! Теперь же смекайте-ка:
Нигде не умеют так больше,—
Чего нам Антарктика с Арктикой,
Чего нам Албания с Польшей!»

(Владимир Высоцкий)

…И чего нам Кампучия!
Вы хотели экстрим, мы дадим вам его. На сто пудов!

Я не помню, как меня довезли до моего лежбища на улице Самдех Пан. Доктор Кайрат отсыпал мне горсть болеутоляющих таблеток. Я запил их джином из горлышка и забылся сном. Кто-то без лица всю ночь отрывал мне голову.

Через три дня опухоль начала спадать, но осколки зуба продолжали понемногу выползать из разможжённого гнезда.

Вот тут и появился в Пномпене док Женя.

Как-то быстро мы с ним сошлись характерами. Поехали к нам на виллу, и пока Муй экипировал машину в командировку, стали пить коньяк, закусывая его папайей. Дивный, скажу вам, закусон!

А теперь дорогой читатель, я хотел бы рассказать немного о судовых врачах.

Поверь мне, они в массе своей очень достойные люди.

«А. О. Эксквемелин (Эксмелин) — врач, пират и писатель XVII в. В 1666 г. завербовался в качестве военного хирурга во Французскую Вест-индскую компанию. Попал в рабство, выкупился и примкнул к пиратам судовым врачом. Участвовал в походах Моргана, Олонэ, Рока Бразильца. Вернувшись в Европу, в 1678 г. в Голландии издал книгу „Пираты Америки“, в которой описал жизнь, быт и подвиги пиратов. Книга мгновенно стала бестселлером».

«Эжен Сю (настоящее имя Мари Жозеф), французский писатель. Много путешествовал, в течение шести лет работал судовым врачом. Его первые литературные опыты — очерки, памфлеты, водевили. Затем последовали морские романы „Плик и Плок“ (1831) и др., насыщенные образами демонических разбойников, похищениями и убийствами, и имевшие большой читательский успех. Еще больший успех выпал на долю социальных романов „Матильда“ (1841) и особенно „Парижские тайны“ (1842–1843). В 1850 году Сю был избран депутатом в законодательное собрание от республиканцев-социалистов. После декабрьского переворота 1851 году он эмигрировал в Савойю и отказался от амнистии, объявленной Наполеоном III».

«Артур Конан Дойль родился в столице Шотландии Эдинбурге 22 мая 1859 года. В 1881 году, окончив медицинский факультет Эдинбургского университета, Конан Дойль занялся медицинской практикой в Саутси, а затем защитил докторскую диссертацию. Там же, в Саутси, он серьезно занялся литературным творчеством. В 1888 году был написан первый роман о Шерлоке Холмсе. На протяжении долгой жизни — семьдесят один год — Дойль много путешествовал, плавал судовым врачом в Арктику на китобойном судне, в Южную и Западную Африку, служил полевым хирургом во время англо-бурской войны».

«ГУМИЛЕВ Николай Степанович [1886–1921] — поэт. Родился в Кронштадте. Отец его был МОРСКИМ ВРАЧОМ. Все

раннее детство Гумилев провел в Царском Селе. Получив среднее образование в 1906, уехал в Париж. Параллельно слушанию лекций в Сорбонне, изучает французскую литературу и искусство. Возвращается в Царское Село в 1908, сближается с И. Ф. Анненским и Вяч. Ивановым; участвует в организации журнала „Аполлон“. В 1910 женится на поэтессе А. А. Горенко (Анне Ахматовой, см.). В 1912 поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета (изучал старофранцузскую поэзию). В том же году основал литературную группу „акмеистов“»…

«Все, даже и не видевшие моря, представляют, что такое корабль.

Не всем, однако, ведомо, что такое служба на боевом корабле, И многолетняя, изо дня в день, жизнь в четко ограниченных пространствах металлических отсеков. Но призвали — служи! Целых четыре года! И, положа руку на сердце, скажу: эти четыре года были для нас превосходной школой жизни. А о корабле в стихотворении „Корабль“, которое очень нравилось Рубцову, замечательно сказал наш флотский поэт Валерий Белозеров. Приведу здесь две строфы — первую и последнюю:

„Железные палубы, трапы, надстройки,
Железные поручни, люки, обрезы…
Железные кубрики, пиллерсы, койки —
Железо, железо, сплошное железо…
Открытые лица, широкие груди,
Железные палубы, трапы, обрезы,
Железные нервы, железные люди —
Железо, железо, сплошное железо“.

Помню, когда Валерий, в то время СУДОВОЙ ВРАЧ, впервые прочитал эти стихи на занятии литобъединения, мы долго и потрясенно молчали. А затем поднялся Николай и торжественно изрек:

— Классика! Как тихоновская „Баллада о гвоздях“.

И мы согласились с ним, ибо каждый подумал, что, наверное, так же мог бы сказать о себе, о своей службе на корабле, но вот не сумел, а старший лейтенант Белозеров сумел…

Теперь, по прошествии лет, понимаю, что Колина оценка стихотворения была несколько завышенной. Но ведь теперь-то я

щеголяю в цивильном пиджаке — не в бушлате».

(Из воспоминаний о Николае Рубцове)

Несколько литературных иллюстраций

«Накануне прибытия в порт Караколи, конечный пункт их плавания, капитан устроил традиционный прощальный праздник под духовой оркестр — музыкантами были члены судовой команды, — и с капитанского мостика запускали разноцветный фейерверк. Британский министр переносил всю эту одиссею с примерным стоицизмом и охотился за животными исключительно с фотографическим аппаратом, поскольку из ружья ему стрелять не разрешили, но зато ни разу не случилось, чтобы вечером к ужину он вышел одетым не по этикету. На прощальном празднике он появился в шотландском костюме клана Мак-Тэвиш и играл на волынке на удовольствие себе и всем, кто желал его слушать, обучал шотландским танцам, и перед самым рассветом пришлось чуть ли не волоком водворять его в каюту. Флорентино Арисе нездоровилось, и он забился в дальний угол на палубе, куда не доносились отголоски праздничного гулянья, накинул на себя пальто Лотарио Тугута — озноб пробирал до костей. В эту субботу он проснулся в пять утра, как просыпаются на рассвете в день казни приговоренные к смерти, и весь день минута за минутой представлял мысленно все мгновения свадьбы Фермины Дасы. Потом, уже возвратившись домой, он понял, что ошибся в расчетах времени и что все было совсем не так, как он воображал, и у него даже хватило юмора посмеяться над своими фантазиями. Но, тем не менее, та суббота была его страстной субботой и завершилась лихорадкой с жаром, причем жар навалился на него в тот момент, когда новобрачные, как ему представлялось, потихоньку выскользнули через потайную дверь, чтобы предаться наслаждениям первой брачной ночи. Кто-то заметил, что его бьет озноб, и сообщил капитану; капитан, опасаясь чумы, ушел с праздника вместе с судовым врачом, который из предосторожности отправил Флорентино Арису в судовой изолятор, снабдив добрым запасом бромистых препаратов. Однако на следующий день, едва стало известно, что показался скалистый берег Караколи, жар Флорентино Арисы спал, а на смену пришло бодрое состояние духа, потому что в сонном помрачении от лекарств ему пришло в голову без промедления послать к чертям собачьим светлое будущее телеграфиста и на том же самом пароходе возвратиться на свою родную Оконную улицу. Оказалось нетрудным договориться, чтобы его отвезли

обратно, в память о том, как он уступил свою каюту представителю королевы Виктории. Капитан попробовал отговорить его, упирая на то, что телеграф — наука будущего и он сам подумывает установить телеграфные аппараты на пароходах. Но Флорентино Ариса не поддался на уговоры, и капитан, в конце концов, согласился отвезти его обратно — не потому, что чувствовал себя в долгу за каюту, просто он знал, какое отношение имеет Флорентино Ариса к Карибскому речному пароходству».

(Габриэль Гарсиа Маркес — «Любовь во время чумы»)

«Накануне ухода в это плавание у меня была прощальная встреча с Петром Ивановичем Ниточкиным. Разговор начался с того, что вот я ухожу в длительный рейс и в некотором роде с космическими целями, но никого не волнует вопрос о психической несовместимости членов нашего экипажа. Хватают в последнюю минуту того, кто под руку подвернулся, и пишут ему направление. А если б „Невель“ отправляли не в Индийский океан, а, допустим, на Венеру и на те же десять месяцев, то целая комиссия ученых подбирала бы нас по каким-нибудь генетическим признакам психической совместимости, чтобы все мы друг друга любили, смотрели бы друг на друга без отвращения и от дружеских чувств даже мечтали о том, чтобы рейс никогда не закончился. Вспомнили попутно об эксперименте, который широко освещался прессой. Как троих ученых посадили в камеру на год строгой изоляции. И они там сидели под глазом телевизора, а когда вылезли, то всем им дали звания кандидатов и прославили на весь мир. Здесь Ниточкин ворчливо сказал, что если взять, к примеру, моряков, то мы — академики, потому что жизнь проводим в замкнутом металлическом помещении. Годами соседствуешь с каким-нибудь обормотом, который все интересные места из Мопассана наизусть выучил. Ты с вахты придешь, спать хочешь, за бортом девять баллов, из вентилятора на тебя вода сочится, а сосед интересные места наизусть шпарит и картинки из „Плейбоя“ под нос сует. Носки его над твоей головой сушатся, и он еще ради интереса спихнет ногой таракана тебе прямо в глаз. И ты все это терпишь, но никто твой портрет в газете не печатает и в космонавты записываться не предлагает, хотя ты проявляешь гигантскую психическую выдержку. И он, Ниточкин, знает только один случай полной, стопроцентной моряцкой несовместимости… — Ссора между доктором и радистом началась с тухлой селедки, а закончилась горчичниками. Доктор ловил на поддев пишку из иллюминатора, а третий штурман тихонько вытащил леску и

посадил на крючок вонючую селедку. Доктор был заслуженный. И отомстил. Ночью вставил в иллюминатор третьему штурману пожарную пинку, открыл воду и орет: „Тонем!“ Третий в исподнем на палубу вылетел, простудился, но за помощью к доктору обращаться категорически отказался. И горчичники третьему штурману поставил начальник рации. Доктор немедленно написал докладную капитану, что люди без специального медицинского образования не имеют права ставить горчичники членам экипажа советского судна, если на судне есть судовой врач; и если серые в медицинском отношении лица будут ставить горчичники, то на флоте наступит анархия и повысится уровень смертности… Радист оскорбился, уговорил своих дружков — двух кочегаров — отерпеть, уложил их в каюте и обклеил горчичниками. И вот они лежат, обклеенные горчичниками, как забор афишами, вокруг радист ходит с банкой технического вазелина. Доктор прибежал, увидел эту ужасную картину и укусил радиста за ухо, чтобы прекратить муки кочегаров. Они, ради понта, такими голосами орали, что винт заклинивало…

Ниточкин вздохнул, вяло глотнул коньяка, вяло ткнул редиску.

— Упаси меня бог считать подобные случаи на флоте чем-то типичным, — продолжал он. — Нет. Наоборот. Как правило, доктора кусаются редко, хотя они от безделья черт знает до чего доходят. Меня лично еще ни один доктор не кусал, а плаваю я уже двадцать лет. Я хочу верить, что барьеров психической несовместимости вообще не существует. Конечно, если, например, неожиданно бросить кошку на очень даже покладистую по характеру собаку, то последняя проявит эту самую психологическую несовместимость и может вообще сожрать эту несчастную кошку. Но это не значит, что нельзя приучить собаку и кошку пить молоко из одной чашки. Неожиданность Петиных ассоциаций всегда изумляла меня».

(Виктор Конецкий — «Петр Ниточкин к вопросу о психической несовместимости»)

«Ты кем работаешь?
— Судовым врачом — ветеринаром.
— Это как???
— Да в больнице судна и утки за больными выношу».
(Из анекдотов)

К чему столь глубокие библиографические и литературные отступления, спросит иной нетерпеливый читатель?

Так ведь быстро только сказка сказывается.

Лежу на берегу Сиамского залива и жду, когда судовый врач Женя С. приведёт мое бренное тело в надлежащий вид. Ведь лежать так вот и некрасиво, и больно.

Кажется, подъезжает наша канареечная «Ладушка».

Женя смотрит на меня с укоризной смешанной со страстным желанием прыснуть смехом. Должно быть, выгляжу я куда забавнее Дон Кихота из Ла Манчи после его схватки с ветряками…

Но док в Евгении на первом месте. Он берёт меня за кисть руки и начинает её приподнимать. А я начинаю погружаться в нирвану. Женька оставляет руку в покое и слегка хлопает меня по щекам.

— Не уходи… Сейчас как-нибудь доставим тебя на «Орлову». Без анестезии не обойтись. У тебя же болевой шок, от которого…

Док не договаривает. Но я понимаю. Сам не дурак. Из моря-океана меня, наверное, ангел-хранитель вытащил. Спасибо, ангел!

Кампонгсаом. Июль 1980.

С трудом и помощью моих друзей приподнимаюсь с песка. Мои подкашивающиеся ноги кое-как вдевают в шорты из обрезанных в колене джинсов. Застегивают их на мне и влекут к «Ладушке».

Пытаюсь затянуть песню: «а молодого коногона несут с пробитой головой!»

— Ты уж лучше нам спой: «на палубу вышел, а палубы нет!», — говорит док Женя, бережно поддерживая меня за талию.

— Совсем как девушку, — говорю я.

— Ага, — говорит Женя. — Как девушку Надю!

Про Надю Женя пошутил. Девушку, которую он сопровождал в Пномпень на некорректную, с точки зрения христианской и прочих мировых религий морали, операцию, звали Н., но не Надя. Она была одной из трёх десятков девушек, ходивших по морям в составе экипажа теплохода «Любовь Орлова». Потом Евгений привозил в Пномпень ещё пару девиц, но обратно они возвращались в микроавтобусе из торгпредства. Мы с Пашкой в это время бродили по Сайгону. Но это другая история.

А в тот, первый раз, когда мы отправились из Пномпеня в Кампогсаом, Женя ехал на переднем сиденье рядом с Муем. Девушка Н. скромно забилась в уголок и всю дорогу до порта

была молчалива и грустна. Сашка пытался что-то снимать через открытое окно «Лады», а я пытался выяснить у Муя, где он сможет провести пару-тройку ночей, пока мы «будем делать кино».

Муй, как и все городские кхмеры, очень серьёзно относился к нашей работе. Ведь в Камбодже кино снимал не кто-нибудь, а сам принц (Самдех) Нородом Сианук. А потому мы в Кампучии «делали кино», не то, что какие-то там люди из «ажанс ТАСС», которые занимаются чёрт-те чем. Играют, например, с вьетнамскими солдатами в футбол. Муй это занятие категорически осуждал. Он не понимал, что ради сбора необходимой «соседям» информации можно не только в футбол играть, но даже, как говорил последний наш генсек, «танцевать польку-бабочку».

Муй успокоил меня, сказав, что устроится как-нибудь в местном народно-революционном комитете. Денег я ему дал достаточно, а ещё знал наверняка, что он продаст половину бензина, которым запасся в эту поездку. И, кроме того, в Кампонгсаоме для особо посвящённых кхмерских товарищей можно было разжиться некоторой контрабандой. А Муй был очень посвящённый товарищ. Можно сказать самамыт (товарищ) в квадрате.

Самое досадное — это встретиться сейчас с капитаном «Орловой» Георгием Фёдоровичем Семаком. Не успели приехать, не успели снять и пары кадров и нате вам! Первая жертва неосторожного обращения с океанской волной.

А показались на первый взгляд серьёзными ребятами. Гостелерадио СССР! Программа «Время»! На самом же деле типичные «хмырис вульгарис» (хмыри обыкновенные) … Замполита Анатолия Ивановича, кругленького как Колобок, я бы ещё как-то пережил со своим позором, но перед капитаном, перед этим «морским волком», чтоб мне провалиться под палубу.

До лазарета добрались, однако, без приключений. Женя уложил меня на медицинскую кушетку и пошёл искать боцмана и двух матросов, которые должны были пригвоздить меня к этому импровизированному операционному столу.

Я этих обстоятельств не знал и лежал, наслаждаясь прохладой от центрального кондиционирования, царящей во всех каютах и помещениях теплохода.

Пришли моряки, молодые крепкие ребята и распяли меня на кушетке, а док Женя, соорудив некое подобие маски из марли,

приладил её мне на лицо и стал поливать раствором хлороформа. В то время он еще не был запрещен, как средство анестезии. Последнее, что я от него услышал: «считай до ста». А дальше началось страшное. Меня заталкивали в какую-то узкую черную трубу без дна, где нечем было дышать, и я полетел в эту черную без воздуха бездну.

Неожиданно я оказался в Пномпене, в большом восьмиэтажном доме на проспекте Сан Нгок Миня (сейчас это Бульвар Нородома). Я сидел в компании каких-то московских забулдыг интеллигентного типа в огромной зале, и нас окружали со всех сторон стоящие на полу стройные ряды бутылок из-под виски «Джонни Уокер», «Грантз», «Чивас регал», «Уайт хорс» и прочих «скотчей». Мы тоже сидели на полу в залитой солнцем просторной комнате, но нам было нисколечко не жарко.

Мы пили венгерскую палинку с привкусом черешневой косточки, любимую из всех выпитых мною водок. Неожиданно раздался звонок в дверь. Не помню, как я оказался у входной двери. Не иначе воспарил.

В тот момент не было у меня мыслей о загробном мире.

Но вселенский ужас охватил меня, когда за приоткрытой дверью увидел маму.

— Мама, ты постой секундочку, я сейчас, — сказал я, (только разгоню по квартире собутыльников, подумал я)…

…И очнулся!

Я не склонен к мистике. Не очень верю в переселение душ. Но я никак не мог найти разумного объяснения несколько раз случившимся со мной «дежа вю». В Москве мне порою встречались люди, которые, я был убеждён в этом, были знакомы со мной прежде, но знать которых в реальной жизни я никак не мог.

Однако, самый потрясший меня эпизод «дежа вю» произошёл спустя почти три месяца после того трагикомического вправления предплечья в судовом лазарете теплохода «Любовь Орлова».

В середине октября я привёз в Пномпень Мышку. Чуть позже приехала жена Трубина — Алёна. Нас поселили на симпатичную гостевую виллу МИД НРК, пообещав выделить просторные квартиры, после того как на проспекте Сан Нгок Миня, отремонтируют дом, в котором до начала гражданской войны в Камбодже обитали зарубежные корреспонденты. Нам даже показали эти квартиры в когда-то роскошном, но страшно запущенном восьмиэтажном здании на центральной магистрали Пномпеня в двух кварталах ходьбы от гостиницы «Монором». Нам

с Мышкой предложили вселиться в четырёхкомнатные апартаменты, прежним обитателем которых был корреспондент телекомпании «Висньюз». Сопровождавший нас паренёк из УПДК, во главе которого стоял всемогущий месьё Висало, открыл двери этой квартиры и мы начали совершать обход нашей будущей среды обитания. В просторной, залитой солнцем, гостиной я почувствовал …

Я не могу описать того, что я почувствовал. Это была та самая комната, в которой, я уже сидел однажды в компании каких-то московских забулдыг интеллигентного типа.

Она была заставлена стройными рядами бутылок из-под виски «Джонни Уокер», «Грантз», «Чивас регал», «Уайт хорс» и прочих «скотчей».

Судя по всему, прежний хозяин квартиры круто зашибал в последние дни лонноловского режима. Но почему? Откуда мог я в хлороформовой бессознанке оказаться в этой самой комнате, о существовании, которой не ведал ни сном, ни духом. Но я был абсолютно уверен, что именно здесь мы пили венгерскую палинку с привкусом черешневой косточки, любимую из всех выпитых мною водок. Потом раздался звонок в дверь. Не помню, как я оказался у входной двери.

Но отчетливо помню тот вселенский ужас, который охватил меня, когда за приоткрытой дверью увидел маму.

— Мама, ты постой секундочку, я сейчас, — сказал я, (только разгоню по квартире собутыльников, подумал я)…

— Что с тобой? — спросила Мышка.

Я вновь очнулся в Пномпене в комнате загромождённой рядами запылённых пустых бутылок …

Смахнул наваждение.

— Я в восхищении! — показываю рукой на опустошенный арсенал творческой личности.

— Да уж, — сказала Мышка.

Потом мы ещё несколько раз приезжали посмотреть на будущее наше жилье. Но ремонт не двигался с места. «Нет насоса для подачи воды», — говорили люди их ведомства месьё Висало. Легче нам от того не становилось.

Спустя несколько лет дом этот всё-таки отремонтировали. Но сделали из него «Белый отель». Я в нём даже провёл дней пять, когда приехал в Пномпень в 1988 году от одного еженедельника, в котором тогда служил.

…Я очнулся.

Женька внимательно смотрел на моё лицо, и по лицу у него струились ручейки пота.

— Уф, — сказал он, — слава Богу, успел!

Плечо у меня ныло, но боль была угасающей.

Боцман и моряки разулыбались.

— Ну ты и выдал, Игорь!

— Матерился, что ли?

— Да не особенно. Просто когда начал считать до ста, то после тридцати сказал, а пошли все на… Всех денег всё равно не пересчитаешь!

— Каких таких денег?

— А это мы у тебя хотели спросить.

Женя накапал в склянку валидола.

— Выпей!

— А закусить?

Моряки дружно смеются.

— Игорь, а все корреспонденты такие?

— Какие?

— Ну, которые…

— Нет, только из программы «Время»!

Вечером сидим в нашей каюте вместе со стюардессами Валей и Светой и бутылкой «Советского Шампанского» из посольской лавки в Пномпене. Ещё у нас коробка шоколада и элегическое настроение у меня и паршивое у Пашки. Сломал я оператору возможный роман со Светой.

Валентина села справа от меня ближе к иллюминатору. А ведь наверняка уже слышала про мой афронт. Знает ведь, что не приобнять мне с этой стороны дальневосточную ладушку. После хлороформа подташнивает. Но продолжаю мужественно травить байки из жизни останкинских коридоров, где артистов, известных на всю страну, было пруд пруди.

Однако соловья баснями не кормят. Девушки прощаются. Паша идёт провожать их и прогуляться по пирсу.

Остаюсь один в отсутствие любви и водки …

Оставшиеся три дня нашего «курортного сезона» в Кампогсаоме мы крутились как белки в колесе. Отсняли около километра «Кодака». Истратили почти весь запас киноплёнки. Сюжеты потом получились отменные.

В судовой библиотеке встречаю девушку Н.

Она слегка краснеет.

— Вам почитать?

— Да, если есть «Милый друг» Мопассана.

— Сейчас…

Как всё же мило она краснеет. И такая хорошенькая. Словно и не случилось того, что случилось.

А плечо всё ещё ноет. Лежу на левом боку. Читаю Мопассана.

«Был один из тех летних вечеров, когда в Париже не хватает воздуха.

Город, жаркий, как парильня, казалось, задыхался и истекал потом. Гранитные пасти сточных труб распространяли зловоние; из подвальных этажей, из низких кухонных окон несся отвратительный запах помоев и прокисшего соуса.

Швейцары, сняв пиджаки, верхом на соломенных стульях покуривали у ворот; мимо них, со шляпами в руках, еле передвигая ноги, брели прохожие.

Дойдя до бульвара, Жорж Дюруа снова остановился в нерешительности.

Его тянуло на Елисейские поля, в Булонский лес — подышать среди деревьев свежим воздухом. Но он испытывал и другое желание — желание встречи с женщиной».

За иллюминатором хлещет дождь. «Орлова» поскрипывает бортом о причал.

Мы собираемся в Пномпень.

Языком я ощущаю, что-то торчащее в десне. На «Орловой» вода в каютах отфильтрованная, дезинфицированная. Пальцами вытаскиваю два последних осколка корня, после чего ополаскиваю рот остатками коньяка, который мы вчера распили с доком Женей.

Вы думаете, я его после выплюнул?

Вместо приложения (Газетный очерк)

Через пару лет в Москве я написал нечто вроде очерка для газеты «Социалистическая индустрия» об интернациональной миссии в Кампучии советских стивидоров, докеров, работников порта и моряков теплохода «Любовь Орлова». Вот этот текст:

Осенью 1979 года в кампучийскую столицу только начинала возвращаться жизнь. Те, кто выжил в полпотовских деревнях-

коммунах, приходили в свой родной город в надежде встретить родных и близких или хотя бы соседей по дому, потому что так, казалось им, легче будет пересилить боль утрат. Кто-то находил своих и рыдал от счастья, но чаще были другие слезы, безутешные…

В народно-революционном комитете Пномпеня, который расположился на просторном проспекте Советского Союза, работникам с красными от недосыпания глазами в те дни не хватало суток, чтобы решить навалившиеся на их плечи десятки, а может быть, и сотни проблем. А от их решения зависела жизнь миллионов людей. И не только в Пномпене, но и в провинциях.

Над измученной, разоренной дотла страной висела угроза голода.

Уездный центр Пимро в провинции Прэйвенг. Впрочем, его трудно назвать населенным пунктом, потому что здесь всего два полуразрушенных строения. Между ними подобие городской площади, заполненной изможденными от голода людьми. Товарищи из Пномпеня привезли в Пимро группу журналистов: пусть посмотрят, среди кого распределяется неотложная продовольственная помощь.

…Японец, лихорадочно меняя аппараты и объективы, падая на землю или опускаясь на колени, или взобравшись на крышу единственного, уцелевшего здесь здания, все щелкал и щелкал затворами «Никонов».

Американцы и француз снимали поспокойнее. Хватали в основном крупный план. Голод крупным планом — это так эмоционально.

Кое-кому хотелось бы вообще прекратить доставку продовольствия в НРК, направить всю помощь в район таиландо-кампучийской границы в т. н. лагеря беженцев, где всё продовольствие попадало под контроль вооруженных полпотовских банд. При этом враги кампучийского народа ссылались на то, что порт Кампонгсаом неспособен принимать суда с продовольствием.

Осенью 1979 года в дальневосточных портах Советского Союза приглашали в дирекцию стивидоров, докеров, такелажников, самых передовых, самых лучших. Говорили о командировке в тропики, о необычности условий работы: отсутствии необходимой портовой техники, неподготовленности складских помещений, тропических ливнях и сорокаградусной жаре. «Будет очень трудно, — говорили вызванным, — так что прежде, чем согласиться, подумайте, как следует». Думали. И

соглашались.

Из воспоминаний заместителя секретаря парткома Минморфлота, участника первой экспедиции докеров-дальневосточников Владимира Федоровича Сапронова:

«Экспедиция готовилась в экстренных условиях. Я работал тогда в Управлении по работе среди моряков загранплавания. Накануне ноябрьских праздников получил задание: срочно вылететь в Кампучию для участия в работе экспедиции советских докеров в порту Кампонгсаом. О положении в Кампучии знал из газет и передач телевидения.

Уже по дороге из аэропорта в город потрясли руины Пномпеня. Разрушения были повсюду, как после бомбежки. Но самая большая боль ждала меня впереди. На следующий день мы поехали на машине в Кампонгсаом. Возле одной из деревень попали в затор. На обочине стояла девчушка. Маленькая, не знаю, сколько лет ей тогда было. На почти прозрачном от худобы личике только глаза — огромные, молящие о помощи. Она прижимала к себе куклу. Так мне сначала показалось. А потом сердце обожгло. Кукла-то ведь живая. Малыш умирал от дистрофии».

В конце октября 1979 года к одному из причалов кампонгсаомского порта пришвартовался туристский лайнер «Любовь Орлова», прибывший из Владивостока. В отличие от предыдущих своих рейсов белоснежный морской лайнер швартовался в Кампонгсаоме надолго, ведь на сей раз выпала ему на долю миссия стать плавучим домом для 92 докеров, входивших в состав экспедиции.

Что представлял собой Кампонгсаом в то время?

Этот единственный глубоководный морской порт Кампучии разделил участь других городов страны. Уничтожали его методично, разрушив сначала кемпинги, кинотеатры, бензоколонки, госпиталь, потом взорвали две фабрики, электростанцию. В порту полпотовцы вывели из строя систему водоснабжения, демонтировали подъездные железнодорожные пути, но взорвать складские помещения и причальные сооружения не успели…

— Когда первые части патриотических сил ворвались на территорию порта, — рассказал мне работник народно-революционного комитета Кампонгсаома товарищ Кым Сан Кум, — они сразу же бросились к складам, надеясь спасти запасы продовольствия. Но там не было даже зернышка риса, только оружие, а кому оно нужно?

Специфика кампонгсаомского порта — открытые причалы, отсутствие портальных кранов и сплошной сезон дождей.

Георгий Федорович Семак, капитан теплохода «Любовь Орлова», тосковал. Трудно капитану подолгу оставаться в порту. Судно твое обрастает ракушками, вахта начинает притупляться от долгого стояния на одном месте, нет привычного простора, нет движения… Только дождь и звуки «Славянки», которой на «Орловой» провожают уходящие в море суда, да причал, где по вечерам капитан ловил рыбу на блесну. Здесь, в Кампонгсаоме, Георгий Федорович вроде советского посла, к нему приезжают представители международных организаций из Пномпеня, приходят кампучийские товарищи из портовой администрации, капитаны заходящих в Кампонгсаом судов, вьетнамские специалисты и моряки. Переговоры, споры, а то и просто задушевная беседа, сколько их прошло в салоне капитана!

Из отчета партийного бюро экспедиции о проделанной интернациональной работе:

«Большим вкладом в укрепление дружбы между участниками экспедиции и местными жителями было оборудование детского дома силами докеров и экипажа. Члены экспедиции оборудовали жилые помещения, учебные классы, пищеблок, жилье для персонала и другие подсобные помещения. В оборудовании детского дома принимали участие и болгарские моряки с судна „Захари Стоянов“. Они привезли с судна краску и полностью окрасили ряд помещений. Оборудовали детский дом только во время субботников. По нашему примеру провели субботник на оборудовании детского дома и жители города, посвятив этот субботник знаменательной дате — первой годовщине НРК. Это было 7 января, а официальное открытие детского дома состоялось в канун нашего отъезда, 14 января 1980 года. Члены экспедиции оставили детям часть посуды, белье, тетради, игрушки. Кроме этого, члены экспедиции провели 14–15 января субботник на выгрузке т/х „Реуньон“, который пришел с продовольствием для кампучийского народа по линии Детского фонда ООН. На рабочем месте был написан лозунг на кхмерском языке, что члены экспедиции работают на субботнике, посвященном детскому дому, и рис, заработанный во время разгрузки (кхмерским докерам оплата работы в то время велась рисом — В. П.), будет передан детям. Заработали 628 килограммов риса, которые торжественно передали работникам детского дома во время митинга, посвященного нашему отходу. Постройка детского дома в Кампонгсаоме характерна еще и тем, что это

только второй дом для беспризорных-детей. Первый открыт в Пномпене».

Слова этого отчета скупы, стиль не блестит литературными «изысками». Но сколько за этими строчками человеческого тепла и доброты!

Первый детский дом Кампонгсаома, во дворе которого стоит сваренный из труб силуэт теплохода с надписью «Орлова», навечно останется символом интернационализма — советских людей в Кампучии, памятником той высокой миссии, с которой они в первую экспедицию справились с честью…

Встречи, улыбки, слезы радости. Кхмеры сентиментальны, но и советские люди при виде своих маленьких друзей, так трогательно и доверчиво тянущих к ним тонкие ручонки, не могут скрыть волнения.

Начальник второй экспедиции докеров-дальневосточников Колобков составляет график, намечает фронт работ.

Опытный портовый руководитель, Сергеи Федорович понимает, что такое простой в порту, пусть даже в течение одного дня. Сегодня, конечно, праздник, людям надо дать возможность пообвыкнуть, оглядеться, но стоящие на рейде суда ожидают разгрузки, и потому уже завтра, в семь ноль-ноль, первая смена докеров должна приступить к работе. Многие ребята уже работали в Кампонгсаоме, есть, правда, и новички, но бригадиром здесь опытный стивидор Валерий Вергилис.

— У Валеры все парни на подбор, так что начнем по-ударному, — улыбается Колобков.

В порт прибыли два шведа — наблюдатели от «Всемирной Продовольственной Программы». Очень хотят попасть ночевать на теплоход «Любовь Орлова». В единственной местной гостинице, являвшейся когда-то виллой Моники Сианук, нет кондиционеров, и шведы очень от этого страдают.

Устроившись на судне, наблюдатели ходили от причала к причалу, помечали что-то в своих блокнотах, беседовали с капитанами стоящих под разгрузкой судов, записывали количество груженых машин.

Прощаясь, они долго, восхищенно говорили о наших докерах и моряках, хвалили их самоотверженность, благодарили за гостеприимство. А вернувшись к себе, написали отчет.

— Хороши гости, — сказал потом, хмуря брови, Семак, — отблагодарили за хлеб-соль…

Оказывается, наблюдатели, признавая, что в целом график

разгрузки судов соответствует мировым стандартам, в отчете старались бросить тень на работу экспедиции. Так сказать, внесли свою маленькую ложку дегтя. Правда, каши ею они испортить не сумели. Манипулировать неспособностью порта обеспечить разгрузку судов с продовольствием враги НРК уже не могли, хотя США и пытались по всем направлениям сорвать поставки международной помощи Народной Кампучии. Кампонгсаом работал всё четче, с каждым новым днем преодолевая аритмию. Суда приходили и уходили, простаивая куда меньше, чем в иных куда более обустроенных портах. И это притом, что был сезон дождей, отнимавший у докеров едва ли не половину светлого времени. И это притом, что третья смена работала при свете судовых прожекторов, что жара днем переваливала за сорок пять, что кампучийские докеры были все еще слабы и неопытны, и что одновременно с работой в порту Колобков еще ухитрялся строить дом для будущей (третьей) экспедиции… Но всего этого в отчете шведов не было.

— Ну, что вам рассказать об интернациональных бригадах. Многие докеры уже знают по сто, а то и больше кхмерских слов, кхмеры тоже кое-каким русским словам научились, а «вира» и «майна» из международного языка стивидоров, так что языковых проблем у нас, — говорил двухметровый — гигант Виктор Шахов, один из лучших дальневосточных докеров.

— Поначалу, когда бригады соревновались между собой, учитывался только труд советских докеров, но буквально через несколько дней мы поняли, что совершаем огромную ошибку. Ведь цель экспедиции восстановить работу в порту, а работа начинается с людей, как они могут работать, с каким настроением. Кхмеры, чувствуя, что мы их чрезмерно опекаем, или, наоборот, не замечаем в пылу разгрузки, заметно приуныли, но они ведь никогда этого не покажут, это нужно почувствовать. И вот вдруг мы поняли, что совершаем огромную ошибку, что суть нашей работы и не в тоннах даже, хотя за тонны ответ держать дежурному стивидору, а в том, как мы сработаемся с кхмерами. И тогда решили: соревноваться будут интербригады. Это было удивительно, но кампучийские докеры поняли без слов, какая на них ответственность навалилась, даже подобрались все как-то, откуда сила взялась. Вообще золотые ребята. Цены им нет, вот только бы техники побольше…

…Володя Федоров в одном из портовых складов-ангаров, приспособленных под ремонтные мастерские, чинил двигатель. Помогали ему пятеро кампучийцев, восхищенно наблюдая за работой Володи. У Федорова редкая и замечательная черта — моментально сходится с людьми. С кхмерами он сразу же «на ты»,

хотя язык «страны чужой» ему не очень дается, но нужен ли язык, чтобы вместе чинить мотор. Федоров улыбается, молодые кхмерские ребята смеются, шутливо укоряют друг друга, но науку на ус мотают. В другой раз, глядишь, и соберут мотор самостоятельно.

Колобков ценит время. Понять его можно. С одной стороны, докеры необходимы на разгрузке, которая в наиболее дождливые периоды приобретает авральный характер, с другой — нужно форсировать строительство дома для советских специалистов, которые приедут на длительное время помогать кампонгсаомским портовикам.

Колобков считает необходимым показать каждому журналисту свое детище — дом для советских специалистов, единственное восстановленное на весь портовый город четырёхэтажное здание. Для того чтобы понять, сколько трудов пришлось вложить, чтобы дом этот ожил, достаточно преодолеть дыру в заборе перепрыгнуть через неглубокий ров и пройти в такое же строение, служившее раньше общежитием для французских специалистов, обслуживавших порт.

От здания осталась лишь коробка, разделённая на отсеки. Военный матрос из Вьетнама и кампучийский солдат охраняют этот, на первый взгляд, беспризорный дом. Почему и от кого? Пройдя мимо лестничного пролета, заглядываю в один из отсеков и присвистываю… От пола до потолка он начинен чушками крупнокалиберных гаубичных снарядов. Такое же положение было и в колобковском доме-близнеце. Снаряды вывозили на грузовике по размокшему и раскисшему от дождей глинозему. После каждой поездки самые опытные водители экспедиции долго сидели на подножке грузовика и никак не могли накуриться…

На втором этаже я нашел несколько комнат. Об их назначении рассказывали разбросанные по полу кандалы, наручники, проволочные жгуты, окровавленное полуистлевшее тряпье и засохший с зазубринами лист сахарной пальмы. Он напоминал узкую пилу. Вьетнамский матрос положил руку мне на плечо. Другой провел себя по горлу. Когда я показал пальцем на засохший лист, стоявший рядом с нами кампучийский боец грустно закивал головой. Я не раз слышал в Пномпене о подобных изуверствах полпотовцев, теперь довелось увидеть страшное орудие пытки собственными глазами.

В день моего возвращения в Пномпень снова полил дождь. Бригада Вергилиса курила под брезентовым навесом,

сооруженном на причале. Среди широкоплечих наших ребят-дальневосточников кхмерские докеры казались миниатюрными и хрупкими, но мешки они таскали на спине такие же, как и ребята из Владивостока, Находки, Корсакова… Интербригада курила, пережидая дождь.

При въезде в Пномпень нас стали нагонять мощные груженные рисом грузовики. Значит, в Кампонгсаоме выглянуло солнце.

ПОЛЯ СМЕРТИ. КАМПУЧИЯ ИЮЛЬ 1980

После того как шеф отдела печати МИД НРК дал добро на нашу деятельность в Пномпене, фортуна повернулась к нам лицом.

Мы начали снимать телерепортажи. Делать это было с одной стороны просто, но с другой — всякий раз приходилось открывать Америку.

В нас было много честолюбивых помыслов, но никакого жизненного опыта. Пашка работал ассистентом оператора, пусть даже у такого «профи» как Веня Черников, но он мог только отслеживать почерк мэтра. Здесь же ему предстояло обрести собственный почерк. А мне — свой.

Мы обретали его по ходу жизни. Мы были талантливыми парнями.

Каждый по-своему.

Паша снимал «гениальную картинку», которую я не видел. Я сочинял, а потом озвучивал неестественно гнусным голосом, в отличие от естественно «мачоподобного» голоса Сергея Чонишвили свой «гениальный текст». Но я же не артист.

Что же до нашей гениальности, то в ней у нас сомнений не было. Возможно, у телезрителей и нашего руководства на это счёт имелось иное мнение, но до Москвы было далеко, а до Бога высоко! Люди, наезжавшие в Пномпень, говорили, что наши репортажи показывают в Москве регулярно. Для нас этот факт был важнее звания Героя Советского Союза. Нас показывают в программе «Время» и в выпусках «Международной панорамы», куда для многих зарубежных корреспондентов доступ был резко ограничен. А тут практически стажёры, десантированные в страну черепов и тотального злодейства взялись за работу с такой прытью, которой от нас никто не ожидал.

Мы попали в эпицентр человеческой боли и при всём нашем «наивно супер» прекрасно осознавали, что живём в необычной стране, где на каждом шагу разверстые могилы и пирамиды из черепов.

Мы снимали сиротские дома, где сердце обливалось болью за этих безмолвных и так рано повзрослевших подранков! Сиротские дома в сердце буддийской Азии, где культ детства, едва ли не превосходит культ Будды…

В этой стране и в этом городе всё воспринималось, как раскрытая кровоточащая и пугающая рана.

Возможно, это прозвучит кощунственно, но нам необыкновенно повезло. Каждый сюжет, как откровение. Мы открывали для себя и для мира Кампучию-Камбоджу, страну, пережившую три нулевых года.

Мы перестали обращать внимание на трудности быта.

Привыкли к тому, что пот струился по нашим телам 16 часов в сутки. И только скупые семь — шесть часов сна в комнате с дышащим на ладан кондиционером были временем релаксации.

Мы были молоды, амбициозны.

Мы были готовы работать от рассвета до заката.

Но где сегодня отснятые Пашкой километры киноплёнки?

Где все эти сюжеты, которые сделали нас тогда известными? Героями на час!

Говорят, газета живёт один день. А сколько живёт сюжет в программе «Время»? Те полторы-две минуты пока он идёт в эфире? Пять минут в «Международной панораме»?

Весь мой архив однажды пропал. Пропали эфирные тексты, газетные и журнальные публикации посткампучийского периода.

Но если печатное слово можно раскопать в библиотеках, то закадровые тексты к телерепортажам из Кампучии оказались безвозвратно утеряны.

Как мне восстановить тот период кампучийской жизни?

Сегодня я пытаюсь делать это по памяти, но ведь прошло почти тридцать лет.

В 1981 году многое из того времени ещё жило в памяти, мне удалось отразить в паре-тройке очерков в журнале «Вокруг света».

Сегодня я вижу в них неизбежную дань идеологии, которая пронизывала даже такие издания, как журнал путешествий. Но в те времена мне казалось, что я совершаю нечто важное. Потому что одно дело писать закадровый комментарий к телевизионным сюжетам, в котором главное всё же картинка, и совсем иное, — описать то же самое, опираясь лишь на запечатлённое памятью.

Приведу небольшой отрывок из зарисовки, опубликованной в начале 80-х в одной из московских газет.

«Никогда я не видел столько неразорвавшихся мин и снарядов. Первая мина, найденная в рисовом поле месяца через три после приезда в Кампучию, бросила в дрожь, но мне объяснили, что такие мины обычно уже обезврежены. Разве что когда крестьяне выжигают стерню прошлого урожая, разнесется в знойном воздухе страшное эхо войны. Эта смертоносная железка тоже была без взрывателя.

Как-то ночью, сразу же по приезде в Пномпень, мне приснилась дорога с мертвыми деревьями по обочинам. Дорога

казалась бесконечной. А утром мы поехали в Прейвэнг, и деревья вдоль дороги были действительно мертвы. Их подпилили у основания.

— Они убили деревья, потому что боялись, — сказал тогда наш кхмерский куратор, переводчик и гид Сомарин.

Содеянное полпотовцами казалось нелепостью, но они действительно боялись. В тот последний год они боялись всего. Народа, который предали; тишины, готовой в любой момент взорваться выстрелами патриотов; деревьев, которые могли укрыть повстанцев… Даже в Пномпене, из которого выселили всех жителей, главари режима не чувствовали себя в безопасности. Они почти никогда не жили в правительственной резиденции Чанкормон, а Пол Пот и вовсе не показывался на людях. Никто не знал, где живет этот верховный палач, искавший истину в неуемном садизме. И сегодня неизвестно, где скрывается этот убийца, приговоренный за свои преступления народно-революционным трибуналом НРК к смертной казни. У въезда в бывший город Кампонгспы, когда-то единственный крупный населенный пункт по дороге в морской порт Кампонгсаом, тишина была такой же тяжелой, как и по пути в Прейвэнг. По разбитому мосту через речку Тноут мы проехать не могли и, оставив машину, пошли по дороге, некогда оживленной, но сейчас абсолютно безжизненной.

Мы стояли посреди главной улицы. Она была самая длинная и самая широкая в этом бывшем городе. И главное — еще не успела зарасти травами. Все другие улицы города быть улицами уже перестали.

— Почему люди не вернулись в Кампонгспы? — спросил я Сомарина.

— Думаю, некому сюда было возвращаться, — сказал он, — да и некуда…

Наполовину развороченный трехэтажный дом стоял, словно разрезанная тупым ножом коврига. Он уже пророс деревцами, которые торчали отовсюду. Другой дом зиял пустыми глазницами окон, у третьего провалилась крыша. Во дворах — изъеденные ржавчиной остовы автомобилей, водопроводные краны, из которых уже никогда не потечет вода, высохшие колодцы, засыпанные палой листвой…».

Сегодня я вижу массу несуразностей в этом тексте. Во-первых, зачем «красным кхмерам» было пилить деревья вдоль дороги? Скорее это могли сделать бойцы ВНА, чтобы колонны бронетехники не нарвались на засаду. Во-вторых, мне до сих пор не ясна трагедия провинциального центра Кампонгспы. Армия

Пол Пота не жила в городах. По своей сути это была крестьянская армия, для которой всё городское было чуждо.

Я уже не могу с уверенностью утверждать, что именно «красные кхмеры» умышленно разрушили Кампонгспы. Если они бежали из Пномпеня, оставив повстанцам и регулярным бронетанковым подразделениям ВНА столицу «на блюдечке с голубой каёмочкой», то какой смысл был удерживать провинциальный центр, который к тому же находился чуть в стороне от дороги № 4, связывающей Пномпень с портом Кампонгсаом.

Ведь знал же я в 1982 году, когда этот текст был опубликован, что уничтожение Кампонгспы полпотовцами — факт более чем сомнительный.

Скажем, в первые два месяца нашего пребывания в Пномпене я не задавался такими вопросами. Всё, что преподносили кхмерские товарищи, воспринималось нами как данность. Но потом я начал во многом сомневаться. Я начинал догадываться, что страшные разрушения, которым подверглись провинциальные центры Прейвэнг, Свайриенг и Кампонгспы — результат карательных рейдов правительственных войск генерала Лон Нола против «красных кхмеров», итоги печально знаменитой операции «Ченла — II», после которой Лон Нол понял, что его «Республика Кхмер» не проживёт и нескольких месяцев. А ужасные разрушения в пограничных с Вьетнамом провинциях в так называемом «Клюве попугая», практические снесенные города Прейвэнг и Свайриенг — дело американской авиации, совершавшей «ковровые бомбардировки» Камбоджи.

«Во многая знания — многая печали». Поначалу печали у нас не было, равно как и знаний. Был один кураж дорвавшихся до творчества дилетантов. Мы всё списывали на злодеяния «красных кхмеров». Так было проще жить! Так нам объясняли ситуацию Сомарин и другие товарищи из местных народно-революционных комитетов. И эти объяснения нас вполне устраивали. А потом мы тиражировали «ложь во спасение».

Мы делали это не со злого умысла, и даже не по неведению. Мы были «героями своего времени» и жили по матрицам того времени. А матрица для нашей журналистской работы была проста: «все злодеяния в Кампучии — дело рук Пол Пота и его преступной клики».

Из песни слов не выкинешь. Написанные уже в Москве кампучийские очерки и зарисовки — мои! Я не отрекаюсь от них. И не стану говорить о том, что всё это плоды тогдашних заблуждений. Как раз заблуждений у меня на этот счёт через пару месяцев работы не было.

В памяти сохранились разные воспоминания из моей камбоджийской одиссеи. Например, первая встреча с массовыми захоронениями.

Случилось это в августе 1980 года. Жара стояла такая, что мозги плавились. Ук Сомарин, молодой чиновник отдела печати МИД НРК, курировавший нашу с Трубиным работу, привёз очередное приглашение. Вместе с группой западных журналистов для полноты политической палитры нас приглашали посетить место массовых захоронений в соседней с Пномпенем провинции Кампонгспы.

От приглашений из отдела печати МИД, облагодетельствовавшего нас недавно жильём и транспортом мы никогда не отказывались. А тут увидеть воочию свидетельства геноцида…

Разумеется, мы согласились. Разумеется, восторг обуял нас, потому что мы первыми должны были увидеть то, о чём только слышали.

Фильм «Поля смерти» вышел позднее и для показа в СССР был запрещён. Почему? — спросите вы.

Главный герой сказал, что вьетнамцы, загнавшие полпотовцев в джунгли, принесли в страну не свободу, а фашизм.

Обвинение — тяжкое!

Но в те годы и мы, и вьетнамцы именовались западной прессой «оккупантами».

Мы начали вязнуть в Афгане, вьетнамцы — в Кампучии.

Правда, в отличие от наших идеологов ханойские пропагандисты действовали тоньше. Не знаю, может быть, кто-то из них был очарован знаменитым полотном Верещагина «Апофеоз войны», но пирамиды из человеческих черепов среди тропических зарослей возводить они умели с необыкновенной художественной фантазией.

Мы приехали в местечко Пимро, где когда-то располагался агрономический колледж. Тишина вокруг была такая, что стрекот цикад резал уши. Несколько кхмерских товарищей из отдела печати. Несколько неизвестных товарищей из спецслужб Народной Кампучии. Наверняка, были и одетые в гражданское платье ханойские товарищи. Англичанка, два австралийца, три француза, немец, три канадских журналиста и мы с Павлом. Бредем, обливаясь потом, по заросшему высокой травой бывшему школьному двору. Мрачная коробка, когда-то жизнерадостного учебного заведения. Пол, покрытый пятнами коричневого цвета, над которым на пятнадцатисантиметровой высоте идут вмонтированные в стены металлические брусья. На некоторых остались ножные кандалы, на них всё та же ржа запёкшейся

крови. Коллеги щёлкают затворами фотокамер. Павлик примеряется к бьющим в проемы окон лучам солнца. Эта огромная комната, ставшая массовой камерой смертников, хранит полумрак и ауру злодейства. Мы выходим во двор и дальше по тропинке направляемся к месту «недавно обнаруженного массового захоронения», как объясняют наши гиды на французском и английском языках. Первые человеческие черепа, сложены в аккуратные кучки по пять штук в каждой. Рядом живописно разложенные берцовые кости. На красноватом латерите, из которого состоит местная почва, белые, иссушенные солнцем и омытые тропическими ливнями человеческие кости — зрелище, бьющее по нервам своей беспощадностью. В разлитой тишине звон цикад превращается в скрипучую симфонию смерти, словно кто-то беспрестанно повторяет как заклинание — «Мементо мори»! Идём дальше под стремительно темнеющим небом. Наши гиды поторапливают, тревожно вглядываясь в надвигающий тропический ливень. До главного зрелища метров сто. Но вокруг только огромное поле смерти с развёрстыми могилами. Их много — десятки, а может сотни.

Перед нами вырастает вот зелёная стена из увитого лианами бамбука, за которым выложена самая изощренная пирамида из черепов. По сравнению с ней зловещий холм, составленный тамерлановым воинством, и почти фотографически прописанный на верещагинском полотне, кажется маленьким бугорком. Прямо перед этой страшной рукотворной горой, огромная яма с булькающей гнилой водой зеленоватого оттенка. Смрад ужасный. Кого-то из группы выташнивает. Павлик близок к обморочному состоянию. Я чувствую, что начинаю сходить с ума.

— Пашка, — кричу я оператору, что неуместно в этой обстановке, — снимай геноцид! Вот он! Вот!

Показываю ему на не весть, кем брошенную на эту пирамиду смерти детскую соску и мужскую расчёску.

Право, не знаю, кто это сделал. Но такой наглядной пропаганды я больше не встречал нигде и никогда. Снимает Павел, снимают все остальные. И в этот момент с небес на нас обрушиваются потоки дождя. Трубин закрывает своим могучим торсом кинокамеру.

— Шеф, срочно беги к машине за плёнкой, иначе останемся без камеры.

Делать нечего. Я бреду под окружающей меня со всех сторон водой наискосок через поле, к стоящей на дороге у въезда в бывший колледж нашей канареечной «Ладе». Неожиданно проваливаюсь под землю. Понимаю, что свалился в могилу. Пытаюсь выбраться из нее. Рука упирается во что-то сколькое и

округлое. Боже мой! В руке у меня череп. Крик застывает в глотке.

Я не знаю, как выбрался из этой ямы. Как заставил себя дойти до машины и взять в багажнике рулон полиэтиленовой плёнки. Не знаю, как шёл обратно к зелёным зарослям, за которыми скрывалась пирамида смерти.

Когда я пришёл с плёнкой к сбившейся кучке журналистов и наших гидов, ливень прекратился также внезапно, как начался. От моих джинсов и рубашки повалил пар. Я отдал плёнку Павлику и молча побрёл по начинающей тут же просыхать тропинке в обратный путь.

Я был сыт по горло зрелищем, выставленной напоказ смерти. Этому, умело срежиссированному и смонтированному гениальными декораторами, перформансу. Его еще долгое время будут показывать доверчивым или циничным журналистам, для которых это всего лишь удачный объект съемки, за которую им отвалят кучу денег. Этот рукотворный апофеоз человеческой жестокости. Такой вот геноцид, твою мать!

Мы вернулись в Пномпень ближе к вечеру, и всю дорогу я молчал. В городе кто-то из посольских сказал, что в Москве умер Владимир Высоцкий. В магазине для дипломатов я купил три бутылки джина. Напиток был тот ещё. С мутным осадком на дне. Видать остался со времен падения лонноловского режима. Мне впрочем, было всё равно. Пашка поставил кассету с «банькой по черному» и мы пили этот сомнительный джин прямо из горлышка. Не умерли, однако. Джин был хоть и просроченный, но не суррогатный.

Вот так мы тогда работали.

«ВОСЬМАЯ ЖЕНА» ДЛЯ «ЧЁРНОГО ПОНЕДЕЛЬНИКА»

Август 1980

— Скажите, пожалуйста, месье Виктор, — сколько жён у русских казаков?

— Восемь, — отвечаю я, не задумываясь.

Мари-Франс, щуплый воробышек из Швейцарии, представительница «Свисс круа руж», официальный статус — медсестра, неофициальный — не знаю. На Мату Хари она не тянет. Хотя глаза у неё божественные. Но сама маленькая и тощая. Не вписывается в образ моей женщины.

Попугай на её плече орёт «Пол Пот, Иенг Сари, Пол Пот, Иенг Сари, Пол Пот, Иенг Сари…» почти до одурения. Её подруги Женевьев и Франсуаз смотрят на нас с недоумением.

Разговор глупый. О том, что русские — многожёнцы. Неужели в июле 1980 года можно быть настолько отсталыми, чтобы видеть в нас диких гуннов с мусульманским вероисповеданием. Нет, конечно! Мари-Франс хочется постебаться.

— Я не понимаю…

— Что?

— Зачем восьмая, если семь дней в неделю. Ну, пусть у вас на каждый день своя жена, но зачем восьмая?

— Это сложно объяснить, Мари-Франс. В жизни каждого мужчины иногда возникает чёрный понедельник. Это такой, знаешь, день, когда вдруг всё тебе надоело. Кажется, жизнь прошла впустую. Ты остаёшься совсем один, как Иисус в пустыне. Ничего не понимаешь. Вчера всё было отлично, а сегодня лучше бы не родиться. И вот тогда приходит она. Восьмая. Для чёрного понедельника. Она приходит и укладывает тебя в постель. И ложится рядом. Она бесконечно ласкова. Как море на рассвете в полный штиль. Ты обгорел. Но эта солёная влага ласкает твою обожжённую кожу. Предрассветный воздух холодит. У твоей восьмой жены прохладная кожа, её пальцы как музыка, её лоно — райские кущи. Нет, она не гурия для гашишинов, она просто восьмая жена для чёрного понедельника.

Васильковые глаза Мари-Франс начинают синеть. Кажется, я достал эту девушку.

Пномпень. Начало сентября 1980 года

Аэропорт Почентонг. Мы стоим с Мари-Франс в нескольких шагах от взлётной полосы, на которую выруливает двухмоторный

«дуг» с бортовой надписью «Уганда эйр карго». Французы из экипажа что-то кричат Мари-Франс. Она смотрит на меня. В её глазах слёзы. Через несколько минут самолет оторвётся от взлётной полосы и возьмёт курс на Бангкок. Через полчаса он будет на месте.

— Я люблю тебя, Виктор, — говорит щуплая, как Эдит Пиаф, швейцарская медсестричка. — Я знаю, что ты другой, но это твой шанс. У меня есть сбережения, а ты просто станешь моим мужем. Нужно только сесть в самолёт.

Хорошая сцена для Клода Лелуша, думаю я, глядя в её прекрасные глаза и стараясь не замечать её прочей неказистости.

— Спасибо тебе, Мари-Франс. Я буду помнить о тебе, но у меня есть дочь и жена.

— Мы поможем им, — говорит эта девчонка. — Виктор, русский казак, я буду твоей лучшей женой для чёрного понедельника.

Моя маленькая забавная девочка из «Красного Креста». Ты не можешь понять, что я не люблю тебя. Просто случился у нас с тобой однажды придуманный мною «чёрный понедельник», и ничего более.

— Адьё, ма фий!

Долгий поцелуй с привкусом канабиса.

Мари-Франс улетает на неделю в Бангкок, отдохнуть от миссии в Пномпене. Швейцарцы, равно как и все остальные европейцы были гуманистами. После месяца работы в Пноме, их сотрудникам полагался недельный отпуск для релаксации на одном из тайских курортов.

Через пять дней я срочно отправился в Москву и больше мы с ней никогда не виделись. Мне говорили, что она горько плакала, узнав, что я улетел в Москву.

«если нет любви в твоих проводах
если холоден голос в твоём телефоне
я могу понять и могу простить
я звоню в никуда я забыл даже номер
вчерашний день не сегодняшний день
на мягких подушках не въедешь в вечность
ты повесишь на стол позабытую тень
моих присутствий и влажных приветствий
Казанова, Казанова — зови меня так
мне нравится слово
в этом городе женщин
ищущих старость

мне нужна его кровь
нужна его шалость
Казанова, Казанова — зачем делать сложным
то что проще простого
ты — моя женщина
я — твой мужчина
если нужно причину
то это причина
Казанова, Казанова»

Пномпень. Июль 1980 года.

После того, как шеф отдела печати МИД НРК Чум Бун Ронг дал нам добро на работу, жизнь наша понеслась со скоростью курьерского локомотива. Но самые первые сюжеты были тесно связаны с медициной.

Тема «„Красный крест“ в моей жизни» достойна отдельного рассказа. Но у нас-то роман.

Советские врачи, работавшие в те дни в Пномпене по линии Международного Красного креста, были нашими соседями по гостинице «Монором», где мы с Сашей проходили «курс молодого бойца на выживание в Кампучии». Их было семь человек. Четверо мужчин и три женщины. Кайрат и Сергей — терапевты, Фёдор — фельдшер, Андрей — водитель их медицинской «таблетки» марки «УАЗ», Татьяна — педиатр и старшая группы, а Светлана и Люба — медсёстры.

Светлана — красавица. Я на неё глаз сразу же положил. Но она меня быстро отбрила. Сказала: в Москве, может быть, посмотрим, а здесь — забудь! Братья Гиббы голосят «Трагедию» на самых высоких нотах. Мы вторую неделю без женщин. «Би Джиз» вдохновляет, а ещё больше Род Стюарт с его дисковой «Day a think I,m sexy?».

Тут как говорил поэт Маяковский, — «очень хочется звон свой спрятать во что-то мягкое, женское!».

Пномпень. Начало августа 1980 года.

В провинции Кампонгспы в четырёх десятках километров от Пномпеня в одном из дистриктов (уездов или районов) открыли фельдшерский пункт. Для народа истерзанного болезнями и голодом — событие вселенского масштаба. Для нас с Сашкой повод снять сюжет о «новой жизни в Кампучии». С нашими медиками работает медсестра Женевьева из Женевы.

Каламбурчик получается. На самом деле Женевьев очень

серьёзная девушка и даже по своему тре жоли (почти красотка-претти вуман). Только очень высокая. Они с Шуриком хорошо смотрятся. И оператор мой залопотал по аглицки (что-то в том роде, что счастлив безмерно женевьевиным знакомством, ну и будь себе счастлив на здоровье!). А мне вот Светланка не даёт, хоть плачь!

Всякое начало в Кампучии завершалось развесёлой концовкой. Накрывали столы и угощали гостей нехитрой крестьянской снедью. Руководящие товарищи из пномпеньских министерств и ведомств берегли наши европейские желудки и щедро потчевали каким-то сомнительным алкогольным напитком под названием «Виски Байон». Нас с самого первого дня предупредили в советском посольстве — «Не пейте „виски Байон“ — козлёночками станете, а если и пронесёт, то белочка вам гарантирована». При этом приводили пример с неострожным строителем, который очень «байончиком» увлекался, а в итоге залез на сахарную пальму и орал не своим голосом: «Даньтишки, братаны, не стреляйте! Свой я, советский, лиенсо!». Его, конечно, первым же рейсом до Ханоя, — и, здравствуй, Родина!

Но ничего другого кроме сока из кокосовых орехов, которых здесь «жуй не хочу» и славного «байончика» хозяева не выставили. Рисовый самогон предложить постеснялись, а зря, очень душевный напиток!

Короче, вздрогнули мы разок под «байон», потом ещё разочек под эту «разбитую морду» (русское народное название виски «Байон», на этикетке которого изображен знаменитый лик Будды, сложенный из гигантских камней. Оттого монумент кажется покрытым глубокими трещинами. Отсюда, — «разбитая морда»). Временами таковой она фигурально становилась у тех, кто увлекался этим, на первый взгляд, не крепким напитком. На самом деле, виски «Байон», — потом я был на заводике, который производит этот напиток, — нечто среднее между ромом из пальмового сахара и самогоном из чёрного риса.

Вздрогнули в третий раз, и завязалась тёплая дружеская беседа.

— Я не понимаю, как это вы умудрились такое зверство учинить. Такие весёлые и жизнерадостные люди, а почти полнарода угробили. Почему?

Они задумываются всего лишь на минутку.

— Понимаете, месье Виктор, это как солнечный удар. Когда очнулись, всюду чёрные пижамы. Злым мальчикам дали автоматы и разрешили убивать сколько хочешь. Это страшно, очень страшно. Но теперь всё, по другому!

Они быстро вернулись к своему историческому оптимизму. Глядя на них, я верил, что всё теперь будет по другому. Стрекотали цикады, вечер был напоён приторным ароматом тропических цветов, гирлянды которых украшали пункт первой медицинской помощи.

Москва. Июнь 1982 года

В провинциальной гостинице городка Щёкино, вблизи Ясной поляны я забираюсь в кровать Мэри. Она не сопротивляется. Мэри — неженка. Любить её нужно осторожно, как розу. Мэри — сплошной шёлк. Входить в неё сладостно, выходить — изгнание из рая. За окном шумит дождь. Скоро вся редакция будет знать, что я сплю с Мэри. Ну и чёрт с ними. Глория Гейнор поёт свою «коронку» — «I will survive». Мэри скромница. В двадцать семь она стыдится своей наготы, но ночью все кошки серы!

«если голос твой слышен ещё ты не спишь
ты светишься бронзой раздетое лето
ты манишь на свет всех крылатых в ночи
но не хочешь согреть никого этим светом
подражая примеру соседских глазков
ты шпионишь постыдно за собственным телом
но не видишь на бёдрах свинцовых оков
хотя можешь увидеть даже чёрное в белом
Казанова, Казанова — зови меня так
мне нравится слово
в этом городе женщин
ищущих старость
мне нужна его кровь
нужна его шалость
Казанова, Казанова — зачем делать сложным
то что проще простого
ты — моя женщина
я — твой мужчина
если нужно причину
то это причина
Казанова, Казанова…»

Пномпень. Начало августа 1980 года.

Мы подвозим Женевьев к гостинице «Самаки», бывшему отелю «Руайяль», тому самому, где в декабре 1988 года был убит шотландский радикал-профессор из Лондонского университета Малькольм Калдвелл (Колдуэлл).

Калдвелл был активным сторонником Демократической Кампучии с момента её основания. Американские журналисты Элизабет Беккер и Ричард Дадмен, которых Кадлвелл привёз с собой взять эксклюзивное интервью у Пол Пота, рассказали, что после встречи с Пол Потом их привезли обратно в гостиницу, а Малькольм Калдвелл остался продолжить беседу с Пол Потом он вернулся в гостиницу «очарованный искренностью и дружелюбными манерами революционера. Журналисты и Калдвелл разошлись около одиннадцати вечера, чтобы подготовится к отъезду, намеченному на следующий день.

Два часа спустя произошло совершено непонятное: группа вооруженных кхмеров ворвалась в гостиницу, в последовавшей за этим шумной ссоре Калдвелл и, по крайней мере, один из незванных гостей были застрелены. На допросах в S-21 два не очень высокопоставленных члена партии, в конце концов, признались, что знали об этом преступлении, и косвенно указали на причастность к нему Сон Сена. Однако факты этого происшествия продолжают оставаться неясными. Одно маловероятное объяснение предполагает, что Пол Пот приказал убить Калдвелла, чтобы шотландские радикалы не смогли осудить камбоджийскую революцию. Однако беседа Калдвелла и Пол Пота была дружеской, и за считанные часы до гибели Калдвелл вернулся к себе в гостиницу, убеждённый в справедливости дела Камбоджи. Более вероятно, как предположил Стивен Гедер, профессор был убит противниками Пол Пота с тем, чтобы привести правящий режим в замешательство. Третью версию, согласно которой Калдвелл стал жертвой какой-то личной вражды между нижестоящими партийцами, тоже не следует сбрасывать со счетов.

24 декабря Беккер и Дамден выехали из Пномпеня в Пекин, как и предполагалось. Вместе с ними был отправлен и гроб с телом Калдвелла. На следующий день вьетнамцы начали наступление на Камбоджу. В нём было задействовано четырнадцать дивизий — около 100 000 солдат»

(из книги Дэвида П. Чэндлера «Брат номер один»)

Шутники говорят, что призрак троцкиста Калдвелла по ночам бродит по деревянным полам отеля «Самаки» и мешает спать его постояльцам из Международного Красного Креста, ЮНИСЕФ и многочисленным благотворительным организациям, чьи эмиссары наводнили Пномпень. «Самаки» — дорогой отель для Пномпеня 1980 года. До ста долларов за номер. Моей зарплаты хватит здесь на пять дней, Сашкиной на четверо суток и два часа.

Женевьев предлагает нам подняться к ней в номер и чего-нибудь выпить. Просто вежливая форма прощания, но Александр закусил удила.

— Шеф…, — говорит он с мольбой в голосе.

— Только на пять минут, — говорю я Женевьев.

— Муй, подожди нас немного, — говорю я нашему конфиденциальному драйверу, вкладывая ему в карман купюру в 20 риелей. Чтобы не скучал.

— Са ва, месье Виктор, — отвечает мой персональный соглядатай. Завтра он доложит кому надо, что мы имели контакт с персоналом из международного Красного Креста.

Ноблесс оближ!

Пьём виски «красный Джонни-пешеход» и уже собираемся откланяться, как в номере Женевьев, он двухкомнатный люкс, если это только можно так назвать, появляются Мари-Франс и Франсуаз.

Франсуаз — пышечка безликого протестантского типа. Мари-Франс — маленькая хиппи, словно только что явившаяся из Вудстока. На её плече попугай орущий как оглашенный «Пол Пот, Иенг Сари, Пол Пот, Иенг Сари, Пол Пот, Иенг Сари…».

Пьём виски «красный Джонни-пешеход»…

— Скажите, пожалуйста, месье Виктор, — сколько жён у русских казаков?

— Восемь, — отвечаю я, не задумываясь.

Пьём виски «красный Джонни-пешеход»…

— И часто к вам приходит чёрный понедельник, месье Виктор?

А ты шалунья моя девочка.

— Как раз через неделю, ма шер ами. Мы можем встретить его вместе.

— Но я не ваша восьмая жена, мон шер Виктор.

Рвешь подмётки на ходу, Мари-Франс. Но русские казаки куража не теряют.

В посольской лавке покупаем на одну из немногих сотенных купюр оставшейся у нас американской валюты коробку «Советского Шампанского». Слава Богу, здесь нет ни «Мюэтт», ни «Дон Периньон». Как старый конспиратор из большевиков-искровцев, прошу выписать мне товарный чек и накладную «для

отчета». Шампанское мы купили якобы для банкета по случаю предстоящего торжественного открытия корпункта Гостелерадио. Потому что «наши люди шампанское в Кампучии коробками не пьют». 100 долларов — это же бешеные деньги.

Через неделю приезжаем с коробкой шампанского в гости к швейцарским барышням. Сначала всё развивается благонамеренно. Потом появляется «красный Джонни». Потом Дитер, Гюнтер и Каспар. Немцы из Красного креста.

— «Дойчен зольдатен нихт цап-царап махен унзере медхен!»

Забываем о времени. Забываем о Муе. Забываем обо всём. Сашка уходит куда-то с Женевьев. Я рассказываю о жизни в Москве. Делюсь впечатлениями от «Мастера и Маргариты» на Таганке. Меня понимают. Меня даже любят.

Появляется бутылка грушевой настойки «Сан-Вельямин». Истинно швейцарский напиток. Берегли его мамзели, как раз к чёрному казацкому понедельнику.

— Вотр санте, ма шери. Эскё ву вуле куше авек муа? Нон? Вуле ву, вуле ву, вуле ву дансе!

Танцуем рамвонг. Немцы лапают швейцарских барышень. Я тоже. Не рыжий!

— «За нашим бокалом сидят комиссары и девочек наших ведут в кабинет».

…….

……

Рассвет в четыре с полтиной. Голова моя или не моя? Где я? Осторожно скашиваю глаза направо и налево. Я один в незнакомом номере на широченной кровати, под москитной сеткой. Натягиваю джинсы. С трудом попадаю в рукава рубашки. Во рту справили нужду сто кошек. Пошатываясь, выхожу из номера. В нём, кажется, замочили троцкиста Малькольма. Профессор, троцкист, призрак! — отзовись! Во дворе ни Муя, ни машины… И Пашки нет! Чёрный понедельник удался на славу.

«каждый день тебе даст десять новых забот
и каждая ночь принесёт по морщине
где ты была когда строился плот
для тебя и для тех кто дрейфует на льдине?»

(Илья Кормильцев — «Казанова»)

И протопал я пешочком под рассветным солнцем по пномпеньским тротуарам, не обращая внимания на визжащих под ногами крыс, до нашей гостевой виллы на славной улице Самдех

Пан. Добрался до заначенной возле кондиционера бутылочки «33» и вылакал её с наслаждением гашишина, попавшего к гуриям в райский сад. И пошёл я жаждой палимый к ближайшему перекрёстку, где толстая торговка продала мне за десятку американских долларов пять бутылок «33».

И встал я под тёплый душ из холодной воды, которой не бывает в городе Пномпене. Здесь всё очень тёплое. Водка, пиво, женщины! Вода под душем!

Часов в восемь утра, сидя на веранде, я увидел Муя на велосипеде. Конфиденциальный драйвер, он же мой персональный соглядатай доложил жалостливым голосом, что ночью его остановил вьетнамский патруль, ибо был комендантский час. Муя арестовали, машину тоже. «Совсем нас ГАИ не уважает!».

Потом Муя отпустили. Машину увезли. Куда? Как?

— Очень плохо, месьё Виктор! Очень, очень плохо!

Даю Мую сто риелей за моральный ущерб. Спрашиваю, что будем делать дальше?

— Дальше? Приедет Сомарин и доложит месьё Висало. Кто такой месьё Висало? О, месьё Висало — шеф кампучийского УПДК, ба-альшой человек! Любой вопрос решит.

В девять утра появляется на горизонте Александр. Бледнее бледной тени. Пьёт пиво с жадностью распятого на кресте раба. Потом приезжает Сомарин. Долго цокает языком. Уверен, он всё уже знает. Смеётся.

— Нет проблем, месьё Виктор. Они сладкие?

— Кто?

— Швейцарские мадемуазели…

— Как шоколад!

Саша смотрит на меня с нескрываемым ужасом.

Месьё Висало после подношения даров похлопотал, и машину нам вернули. А может быть её и не арестовывали. Муй ведь великий хитрован. Мы его в тот вечер забыли. Он нам и устроил кузькину мать, чтоб чёрный понедельник действительно стал чёрным.

… Моя маленькая забавная девочка из «Красного Креста». Ты не смогла понять, что я не любил тебя. Просто случился у нас с тобой чёрный понедельник, и ничего более.

— Адьё, ма фий!

ПНОМПЕНЬ. ГОД ЗЕРО. КАК ЭТО БЫЛО

На дворе июнь 1980-го. Странная заминка с выдачей виз. Странная заминка с приобретением билетов. Лететь мы должны были самолётом «Аэрофлота» до Ханоя. Потом из Ханоя самолётом «Вьетнамских авиалиний» до Пномпеня. Кроме вьетнамцев в аэропорту Почентонг могли садиться только «чартеры» гуманитарных миссий из Бангкока. В Кампучии продолжалась партизанская война.

Я не понимал в чём дело. Почему нас держат?
Объяснилось всё на месте в Пномпене, месяц спустя.

Нам было негде жить!

Когда мы с Пашкой, наконец, попали в Пномпень, встречавший нас «коллега», завбюро ТАСС Михаил Собашников (из «ближних»), отвёз нас в одну из двух существующих в городе гостиниц, когда-то респектабельный отель «Монором», сплошь забитый ныне сотрудниками Красного Креста, ЮНИСЕФ и других ООНовских и международных благотворительных организаций, среди которых процентов 70 были профессиональными шпионами.

Таким образом нам, с трудом, как сказал Миша, достался провонявший застарелыми фекальными запахами из находившейся под нами во дворе-колодце служебной уборной, крошечный номер с широкой двуспальной кроватью под москитной сеткой и лениво месившим сорокаградусную жару потолочным вентилятором.

— Хорошенькие апартаменты, шеф, — сказал Пашка, бросая свое двухметровое тело на тревожно заскрипевшую под ним кампучийскую кровать. Он был здоровенный молодой детина, полный сил, энергии и желания спать в любое время дня и в любом месте. Ночью он засыпал поздно, как всякие совы и профессиональные фотографы.

Жить в этом номере было одно и тоже, что жить в сортире. В то время это словечко, брошенное нашим любимым президентом, и нынешним национальным лидером, ещё не было в ходу среди людей, считавших себя интеллигентной публикой.

На встрече с «временным поверенным» Юрием Казимировичем Шманевским («Чрезвычайный и Полномочный» Моторин находился в Союзе в заслуженном отпуске), к которому нас отвёз на своём роскошном, как нам тогда казалось, «Мицубиси» корреспондент ТАСС из «дальних» Василий Старшинов, я со свойственной мне большевистской прямотой сказал исполняющему обязанности главы советской миссии в Пномпене, что может, пару дней мы ещё и проживём в общественной уборной, однако, чуть позже, скорее всего, загнёмся. В это время у Пашки случился приступ острой диареи, и суровому Юрию Казимировичу пришлось срочно затребовать дежурного коменданта Володю Витуса, дабы проводить оператора корпункта Гостелерадио СССР в НРК в посольский туалет.

Посольство СССР в НРК летом 80-го года временно размещалось в резиденции советского посла, симпатичной вилле в псевдовикторианском стиле, которая в свое время служила резиденцией австралийскому послу. Вселяться в помещения бывшего посольства СССР в Пномпене наши дипломаты не стали. Очевидно из суеверия.

Юрий Казимирович до начала своей дипломатической карьеры был моряком, ходил, как утверждала молва, на торговых судах по морям-океанам. Мужчина он был крупный и решительный.

— Мы предупреждали ваше руководство, что в Пномпене нет никакого жилья, но вас, парни, десантировали, а десант или выживает, одерживая победу, или гибнет. И рад бы вам помочь, но у нас персонал посольства не укомплектован по той же причине.

Юрий Казимирович откровенно лукавил. Посольские отхватили себе неплохое четырехэтажное здание напротив резиденции посла. Жили в квартирах с кондиционерами и прочими благами бытовой устроенности — холодильниками, электроплитами и т. д.

Когда мы с Пашей Трубиным прибыли в Пномпень, город был ещё красив, но грязен как шлюха из деревенского борделя. Средь бела дня по задворкам между многоэтажками носились крысы, а ночью они и вовсе оккупировали просторные тротуары и широкие мостовые города.

И всё равно, даже изнасилованный мародёрами — хлынувшими сюда вьетнамцами из Сайгона и всякими «хуацяо» — город оставался удивительно красив. Проспекты были прямы и

стремительны как стрелы Аполлона, а гостиница «Самаки» («Солидарность») бывшая «Руаяль», хранила очарование прозы Киплинга и Андре Мальро.

В остальном жизнь казалась нам кошмарной. Угнетала рутина пномненьской повседневности, с её изнуряющей жарой, отключениями электричества, писком разжиревших крыс на проезжей части роскошных когда-то и убогих ныне бульваров, вечной нехваткой денег. Установленный провьетнамским режимом курс обмена вновь обретенной валюты — риеля к доллару был катастрофически завышен в сотни раз, по сравнению с обесценившимися риелями лонноловского режима. Но разве объяснишь разницу забитым и запуганным крестьянам, которые просили по нынешнему курсу десять риелей или два с половиной доллара за несколько бананов. Перед приходом полпотовцев в Пномпень и упразднением денег эти самые десять риелей были просто фантиком, клочком бумаги… «Но это же ничто, месье. Вы понимаете это совсем ничто…» Седой, коротко стриженный интеллигент с хорошим французским. Учился в Сорбонне, как и некоторые люди из окружения Салот Сара, более известного под партийным псевдонимом Пол Пот. Теперь вот продаёт на одном из пномпеньских рынков — «ле марше маодзедун» — бананы. Протягиваю ему доллар. «Нет, месье, нет… вы же знаете за валюту расстрел… мои дети, месье».

Первые дни пребывания на сцене этого театра абсурда показались вечностью дантового ада.

Спасение могло быть только в работе от рассвета до заката. Но для этого мы должны были вручить аккредитационные письма шефу отдела печати МИД НРК.

Я прошу «временного поверенного» Шманевского лишь об одном — представить нас через любого советского дипломата шефу отдела печати МИД НРК. Во-первых, нужно вручить акредитационные письма, ну а во-вторых…

…А во-вторых, десант должен выжить и победить. И вовсе не потому, что я не привык проигрывать. Просто мы приехали за три-девять земель в страну, о которой в Союзе ходят легенды и расхожая поговорка: «Затрахаю, замучаю как Пол Пот Кампучию». Мы приехали искать себе славы и возвратиться домой со щитом.

И здесь я хотел бы процитировать человека, писавшего свою книгу по горячим следам через несколько недель после изгнания Пол Пота из Пномпеня. Это лучшая из книг о постполпотовской Кампучии.

«Мы двинулись через город, который с первых же минут привел нас в изумление. Чем ближе к центру, тем он становился красивее. Широкие аллеи и бульвары, где растут редкие породы деревьев и высятся статуи. На каждом повороте открывается новая панорама. Роскошные виллы с белыми стенами и просторными террасами, до самой крыши оплетенные яркими пурпурными цветами. Маленькие дворцы, которые многократно реставрировались со вкусом и старанием. Великолепные здания Высшего технического института, чистые, разумно спланированные, покоряющие простотой линий и благородством материала. Я еще не встречал в Азии города, столь гармонично застроенного, с таким количеством красивых зданий. Не видно лачуг, мусорных свалок, я не заметил и безвкусных сооружений. В какой-то момент подумалось, что, вероятно, лишь южная Калифорния могла бы соперничать своим очарованием и архитектурными достоинствами с этим городом. Из-за каждого поворота появлялись новые и все более удивительные виды, с башнями пагод или пятнами цветущего кустарника, похожего на мимозу.

Но город был пуст. Совершенно, абсолютно пуст. Лишь на перекрестках, в наспех сооруженных будках, выпрямившись, стояли часовые. Только у самого аэродрома нам попалась группа крестьян, волочивших на повозке свой скарб. А потом уже никого не было. Это похоже на дурной сон или галлюцинацию. Мостовые — пусты. На тротуарах толстый слой засохших пальмовых листьев. Ветер разносит мотки перекрученных магнитофонных лент и кинопленки. У заборов груды утвари и бумаг. Перед домами стулья, диваны, швейные машины.

И ничего больше. Ни одного прохожего. Ни одной собаки. Никаких средств передвижения. Как после взрыва нейтронной бомбы. Как после эпидемии, истребившей всех обитателей города.

Опять ряды белых домов, тонущих в буйной зелени и пестрых цветах. Картина в духе сюрреализма: стулья посреди улицы, перевернутые мотороллеры, заросшие сады, мотки пленки, статуэтки Будды, валяющиеся животами кверху.

И ни одного живого человека.

Такое было недоступно нашему воображению. Операторы опустили камеры, мы перестали разговаривать между собой, напрягали зрение, стремясь удостовериться, не привиделся ли нам этот залитый солнцем пейзаж.

17 апреля 1975 года, в момент вступления в город „красных кхмеров“, столица Кампучии насчитывала два миллиона двести

тысяч человек. В шестидесятые годы город был перестроен французскими архитекторами, перестроен заботливо, с редким вкусом, украшен огромным количеством тщательно оберегаемых зеленых насаждений. Он развивался быстро, но относительно гармонично. Ныне на протяжении пяти километров, отделяющих аэропорт Почентонг от центра города, мы не встретили ни одной живой души, если не считать группы крестьян, украдкой пробиравшихся по окраине.

Нас привезли на какую-то улицу в центре города. Я хотел узнать ее название, но на углах не было табличек. Полпотовцы сорвали с домов все таблички, уничтожили указатели, разбили вывески, соскребли надписи на стенах. Лишь теперь я осознал, что призрачность этого города основана не только на полном отсутствии жителей. Может быть, еще поразительнее царящая в нем тишина и отсутствие того, что следовало бы назвать пиктосферой.

Город — это не только улицы и дома. Это также буквы, стрелки, реклама, дорожные знаки, объявления, вывески, витрины. Достаточно это уничтожить, и самый прекрасный город превратится в каменную пустыню вроде тех, которые изображал Кирико, в обитель страха и одиночества. Это все равно, что у человека стереть лицо.

Нелегко уничтожить лицо двухмиллионного города. Надо было выполнить, вероятно, больше десяти миллионов операций и израсходовать баснословное количество энергии. И все-таки полпотовцы видели смысл в такой работе. Пномпень сохранил в неприкосновенности свои стены и великолепные бульвары, но потерял жизнь. Этого они и добивались.

… Улица, куда нас привезли, была, по-видимому, местным торговым центром для наиболее состоятельных жителей целого квартала особняков. Я вылез из машины и понял, что стою перед шеренгой магазинов, до краев набитых товарами. Это не метафорическое выражение: лавки и впрямь были во всю длину и ширину завалены разными предметами, и содержимое их длинными языками вываливалось на тротуар.

Я встал у распахнутого настежь входа и навел объектив фотоаппарата, но минуту спустя передумал. Никакой снимок не передаст этой сюрреалистической картины. Тюбики крема для бритья марки „Colgate“ лежали на роскошной бумаге с монограммами на европейских и кхмерском языках. Еще не распечатанная игра „Монополу“ — среди флаконов с духами Ланвена, Коти, Арпенжа и Елены Рубинштейн. Тушь для печатей и оправленные перламутром кисти для бритья, растоптанные

скрепки и мыло „Palmolive“, блокноты в позолоченной оправе и гигиенические пакеты. Сверху валялось несколько сверкающих, только что использованных гильз 7,62 калибра, окровавленная тряпка и заплесневевший подсумок.

Нас звали на пресс-конференцию, но я пошел вдоль улицы, чтобы осмотреть продолжение выставки. Рядом с магазином писчебумажных и аптекарских товаров был магазин радиоаппаратуры. Я заглянул внутрь. Полки были пусты, но на полу лежала груда разбитых магнитофонов фирмы „Нэшнл панасоник“, разбитые транзисторные радиоприемники, пластинки, батареи, кассеты. Тут же рядом, в антикварной лавке, стоял ящичек с палочками старой китайской туши. Я не мог совладать с любопытством и сунулся туда, не обращая внимания на крики охраны и переводчиков.

С прилавка свисал, словно негодная тряпка, шелковый свиток, на котором неизвестный мандарин выписывал столетия назад какие-то мысли или изречения. Сверху, меж золотых и пурпурных кистей, виднелась этикетка с ценой: 3500 американских долларов. Это была не подделка. Почти никто не владеет ныне таким искусством каллиграфии, нет такой туши и кистей.

Нижняя часть полотнища лежала на каменном полу лавки. На ней человеческие испражнения. Правый угол почти совершенно истлел, и легко было понять почему. На шелковом свитке почти тысячелетней давности лежал перевернутый автомобильный аккумулятор с открученными пробками. Серная кислота вытекла и разъела шелк и золотое шитье.

В глубине лавки, среди разбитых полок с выбитыми стеклами, виднелась груда старательно разбитых фарфоровых статуэток улыбающегося Будды, какие-то раздавленные миски и облитые мочой манускрипты».

Я процитировал фрагмент из лучшей книги о Кампучии. Её написал польский писатель и публицист Веслав Гурницкий. Его «Песочные часы» — самая проникновенная и по сей день лучшая книга о первых неделях Кампучии после Пол Пота. Гурницкий для меня недосягаемый образец для подражания.

Завбюро ТАСС Михаил Собашников прибыл в Кампучию едва ли не на плечах второго эшелона Вьетнамской Народной Армии. Ему досталась роскошная вилла сгинувшего в полпотовской мясорубке кхмерского профессора, обладавшего, судя по интерьеру комнат безупречным вкусом и любовью к ангкорской культуре; черный мерседес из полпотовского гаража, и прочие

трофеи. Собашников разжился роскошными альбомами импрессионистов и мастеров Возрождения от издательства «Ашетт», которые он успел набрать в книжном магазине в центре пустого в то время Пномпеня. «Когда я приехал во второй раз, всё уже растащили „новосёлы“». «Новосёлами» он называл первых поселенцев, точнее мародёров, которые осмелились войти в контролируемый частями ВНА и кампучийскими милиционерами мёртвый город и от души его разворовать.

Мы сидим в просторной комнате для приёмов и переговоров в МИД НРК. С Меконга доносится едва заметный ветерок. Кирилл Ющенков, молодой и симпатичный третий секретарь посольства, в отглаженной белой рубашке с коротким рукавом, тщательно отутюженных синих брюках и начищенных до блеска черных ботинках выглядит принцем среди двух босяков. Хотя рубашка на Паше меньше измята, чем моя хлопчатобумажная джинса индийского пошива. Опять же Паша сидит в брюках, а шеф бюро Гостелерадио СССР в НРК с удивлением разглядывает странное пятно на почти новеньких джинсах «Ли» с таким трудом раздобытых в московской «Берёзке» накануне отъезда в кампучийскую землю.

Надевать шерстяной костюм в пятидесятиградусную жару даже для аудиенции в отделе печати МИДа НРК показалось мне такой же странностью, как если бы я явился в отдел печати МИДа СССР обнажено-татуированным полинезийцем в набедренной повязке.

Кирилл старается сохранять невозмутимость, хотя внутри его коробит от нашего расхристанного вида. Впрочем, он выполняет поручение временного поверенного Шманевского представить двух новых журналистов шефу камбоджийского отдела печати МИД Чум Бун Ронгу, о котором среди наших коллег холит множество легенд. Кто-то из тассовцев, то ли «ближний», то ли «дальний» во время вчерашней вечеринки по случаю «нашей прописки» обмолвился, что Чум — бывший офицер разведки в армии Лон Нола. Кто-то другой сказал, что это бред, потому что полпотовцы расстреляли всех офицеров армии Лон Нола в первую очередь, а потом уже принялись за всех остальных. Мне легенда о принадлежности Чум Бун Ронга к лонноловской разведке показалась симпатичной. И я в нее поверил.

Аудиенция и вручение аккредитационных писем месье Чум Бун Ронгу состоялись. Он вошёл в комнату для протокольных приёмов стремительно и бесшумно. Тонкий, с очень правильными и слишком изящными для кхмеров чертами лица, большими

глазами, излучавшими одновременно доброжелательность и подозрительность. И по-французски и по-английски он говорил бегло и без всяких переводчиков.

После нескольких подобающих протокольных фраз, переходим к делу.

— Месье Чум Бун Рон, мы понимаем трудности, которые переживает ваша страна. Сегодня её народ умирает от голода, города разрушены, и до нового урожая выживет не каждый. Мы не имеем права ничего просить, кроме возможности позволить нам работать. Мы должны делать информационные телесюжеты, но у нас нет транспорта и нам негде жить. Для нашего руководства в Москве это не является оправданием, потому что они выбрали нас, как парней, которые не пропадут. Уже неделю мы живём чуть лучше, чем американские пилоты в «Хилтон-Ханой», но не сняли ещё ни одного метра плёнки.

Кирилл срочно фиксирует в своём блокноте мой пафосный монолог, выражая красноречивыми вздохами своё неодобрение. Но это его дело. Вечером он напишет отчёт об этой встрече, где даст явно нелестную характеристику новому завбюро Гостелерадио СССР. «Нагловат, самоуверен и пытается играть в независимость». Впрочем, мне всё равно. Мы идём ва-банк. Эта встреча — наш шанс, как-то развернуть ситуацию в сторону фортуны. И она поворачивается к нам лицом в лице месьё Чум Бун Ронга. Он говорит что-то по кхмерски пришедшему с ним юному секретарю, хотя сам кажется мне очень молодым человеком. Если он и служил в разведке Лон Нола, то, как раз в то время, когда я завершал учёбу на журфаке МГУ.

— Хорошо, — неожиданно говорит он по-французски. — Вы ведь говорите по-французски?

Кирилл покрывается пятнами.

— Да, месьё Чум Бун Ронг, я немного говорю по-французски.

— Отлично. Я найду вам переводчика с французским языком. С русским у нас почти никого нет. Две балерины, но у них другая работа. С жильём и транспортом труднее. Вы можете подождать два-три дня. Я буду решать эту проблему.

А дальше всё было как в волшебной сказке. Через два дня в нашу конуру в отеле «Монором» пришли молчаливые парни с улыбками на лице. Они собрали наши вещи, погрузили их в «Ладу» канареечного цвета и повезли нас на Самдех-пан, улицу Принцев, где нам предстояло пережить свой триумф и падение.

И ещё один фрагмент из наших первых дней в Пномпене.

О нашем переводчике и кураторе из отдела печати МИД НРК

Ук Сомарине я уже рассказал в журнальной версии. Теперь пришла пора представить ещё одного члена нашей команды. Моего незабвенного шофёра по имени Кхуй Муй.

Попал он к нам довольно странно. Вначале предоставленной нам отделом печати МИД НРК канареечной «Ладой» рулил молодой человек по имени Кхонг. Был он молчаливым, с трудом говорил на английском и почти ничего не понимал по-французски. Словом, не Ален Делон. Одеколон он тоже не пил, равно как и тройной бурбон. Только пиво пил.

Несколько дней он буквально не отходил от нас ни на шаг. Мы ещё спали с Пашкой, когда он появлялся в нашей комнате на предоставленной нам гостевой вилле, садился на стул и наблюдал, как мы натягиваем джинсы и футболки, умываемся, чистим зубы. Потом завтракал с нами, чем Бог послал, а посылал он нам какие-то консервы из посольской продуктовой лавки, кофе со сгущенкой, кусок местной булки за доллар. Булки эти были замечательны тем, что тесто, из которого их пекли, было густо усеяно местными же летающими кровососами. Такой, знаете ли, сэндвич с гнусом.

После завтрака мы садились в «Ладушку» и отправлялись в совпосольство узнать, нет ли для нас каких новостей из родного Гостелерадио. Новостей не было. Начальство нас забыло всерьёз и надолго. Телесюжеты, точнее отснятый материал, текст, записанный на магнитофон и отпечатанный в бумажном варианте на взятой взаймы у Барсова машинке, мы отправляли исправно, о чем я рассказывал в одной из глав этой книги. А коль так, чего там думать о славных парнях, десантированных в Кампучию. Не маленькие. Плохо всё кончилось. Но это уже другая история.

Итак, шофёр Кхонг, который, как я понимаю, никаким водителем не был, а являлся сотрудником службы безопасности нового пномпеньского режима, «пас» нас с Шуриком от рассвета до заката дней пять или шесть. И я к нему очень привязался. Милый такой молодой человек, который стал моей тенью. Носил покупки с рынка, пил с нами пиво, молчал, смотрел…

А потом вдруг говорит, что у него живот болит. Да, да. Я не каламбурю. Так и сказал по-французски: «я имею боль в животе».

— А как же мы?

— Придёт другой шофёр.

И он ушёл.

А потом он пришёл. Наш новый шофёр. Человек, ближе которого не было у меня в этой стране никого за весь этот неполный кампучийский год. И звали его Кхуй Муй.

Вы должны понять всю глубину моей обескураженности в тот момент, когда он протянул свои бумаги. Во-первых, я не знал, что у кхмеров, как и вьетнамцев и прочих лаотян и тайцев, а так же у потомков свирепых гуннов — мадьяр сначала идёт фамилия, а потом имя. Во-вторых, я уже научился считать до десяти по-кхмерски, а иначе как жить, когда ты не умеешь считать до десяти и не знаешь, как на местном наречии звучит «сколько стоит?», и потому знал, что «муй» это «один». А теперь поймите моё состояние, когда моего нового водителя будут звать один Кхуй. Вам весело? Сейчас мне тоже очень весело. А тогда было не очень.

— Отлично, месье Кхуй, — сказал я. — Мы можем сейчас поехать в советское посольство.

— Да, да, месьё Ига, — сказал один Кхуй.

Пашка с трудом сдерживал смех.

— Павлик, а ху-ху не хо-хо, — осадил я его веселье.

В посольстве у Пашки работал приятель Боря Корчагин. Боря был переводчиком у военного атташе. Он моментально развеял все мои горести. Корчагин объяснил, что Кхуй — это такая кхмерская фамилия, а Муй — это имя. От нечаянной радости очень захотелось выпить какого-нибудь крепкого напитка.

А поскольку Муй замечательно говорил кроме родного кхмерского, на вьетнамском, тайском, английском и французском, порою мне казалось, что он понимает и по-русски тоже, я решил сразу же впасть в амикошонство и спросил нашего шофёра со всей возможной фамильярностью, не знает ли он, где нам можно купить алкоголь.

И тут Муй проявил себя истинным философом.

— Вы пили местную водку? — ответил он вопросом на мой вопрос.

— Она хорошая? — парировал я новым вопросом.

— Крепкая, — сказал Муй.

— Мы не ослепнем?

— Я полагаю, что нет, — сказал Муй.

Его любимыми словечками в начале каждой фразы были «я полагаю, что…»

Но это я выяснил позже. А в тот день мы от всей души выпили «на брудершафт». Всё же, знаете, какая это радость, когда вашего водителя зовут один Муй, а не один Кхуй!

ПНОМПЕНЬ. ГОД «ЗЕРО». ЖУРНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

В середине апреля 1982 года вышел номер журнала «Вокруг света» с первым моим очерком, точнее зарисовками о Пномпене. Назывался он почему-то «Цвет надежды». Почему не знаю. Так захотелось редактору Виталию Бабенко.

Этот рассказ о Пномпене — приглаженная и идеологически выдержанная журнальная версия.

Архитектор Ти Яо

Даже сейчас, в начале сухого сезона, Пномпень сохранил зеленый наряд. Верхушки кокосовых пальм словно парят в низком синем небе, коренастые кросанги роняют кисловатые плоды на потрескавшийся асфальт; пальмы арека и манговые деревья, хоть и потеряли зимой часть своей листвы, пышно колышутся.

Зелень словно хочет укрыть раны города. А лечат эти раны люди.

Полпотовская клика испытывала просто яростную ненависть к кинотеатрам, больницам, рынкам, банкам и другим общественным зданиям. Банк был взорван изнутри огромным зарядом динамита. Искореженные стены, провалившаяся крыша, разбитые скульптуры, украшавшие некогда парадный вход, — немые свидетели преступления одного из самых варварских режимов в истории человечества.

Сильно повреждена гостиница «Сукхалай». На проспекте Сон Нгок Мина, который пересекает безупречно прямой восьмикилометровой линией весь город, разрушены десятки жилых домов.

Город лечит раны. В наскоро и кое-как отремонтированные дома вселяются люди, на фронтонах восстановленных кинотеатров появились афиши, открываются ресторанчики и кафе, красные вывески снова украшают булочные.

В ближайшее время советские строители, которые помогают пномпеньцам восстанавливать город, приступят к возведению нового здания Национального банка, при этом они постараются сохранить его прежний архитектурный облик, созданный известным архитектором Ван Моливаном.

Буйные шапки деревь, струящиеся плети плющей и лиан не скрывают уже ожившие здания. Они отступают там, где

бамбуковая решетка строительных лесов врезается в кущи, где светятся свежей побелкой стены восстановленного жилья.

У заместителя народно-революционного комитета города Пномпеня, архитектора Ти Яо, дел — десятки, все неотложные, а тут нужно выкроить хотя бы полчаса — пришли корреспонденты.

Худенькая девочка лет семи робко остановилась у дверей.

— Дочка, — поясняет Ти Яо, и глаза его наполняются нежностью. — Я ведь на работе до поздней ночи, из дому ухожу в пять утра. Вот и видимся только здесь. Она не помешает?

В 1963 году Ти Яо приехал учиться градостроительству в Москву. В 1970 вернулся на родину, работал в отделе архитектуры министерства общественных работ, был деканом архитектурного факультета Пномпеньского университета искусств…

— В 1975 году мне пришлось сменить профессию. Нас выселили в провинцию Кратьэх и заставили рыть каналы.

Многие мои товарищи были убиты, а я затерялся среди незнакомых людей, которые не знали, что я учился в Советском Союзе. Если бы об этом узнали агенты тайной полпотовской полиции, вряд ли мы могли бы сегодня разговаривать здесь…

Вернулся он в Пномпень в январе 1979 года, сразу же после освобождения. Город напоминал разоренный муравейник. Сотни заброшенных домов поглотила тропическая растительность, улицы были завалены мусором. Полновластными хозяевами столицы были крысы, голод, болезни.

Население истреблено или выселено, учреждения разрушены или разграблены. С чего начать восстановление? Когда стали возвращаться люди, прежде всего, необходимо было обеспечить еду, жилье, работу, медицинскую помощь. Это казалось тогда почти невыполнимым. Сейчас, два года спустя, в Пномпене около четырехсот тысяч жителей, работают десятки школ, больниц, открыты магазины, восемь кинотеатров. Работают многие промышленные предприятия…

— Мы не только восстанавливали здания. В пригородной зоне, в городских садах, парках выращивали овощи, выхаживали плодовые деревья. Народ наш умеет все, нужно лишь было дать ему надежду, вернуть веру в завтрашний день, в саму жизнь. Собрали уцелевших мастеров, наладили промыслы. На данном этапе это насущная необходимость: нужны одежда, еда, хозяйственная утварь. Конечно, огромную помощь оказывают нам Советский Союз, Вьетнам, другие социалистические страны.

Ти Яо говорит о развитии системы образования, о завтрашнем дне столицы, о возрождении всей страны. И о своих мечтах и делах в этом трудном и прекрасном процессе.

Стук в дверь: в кабинет архитектора вошли два парня с рулонами ватмана. Развернули на столе листы эскизов плакатов. На одном — призыв поддерживать чистоту в городе, другой посвящен кампании по ликвидации неграмотности, третий призывает пномпеньцев на выборы.

Ти Яо рассматривает плакаты, делает замечания художникам, что-то говорит девочке, которая пристроилась в уголке кабинета с тетрадкой для рисования, потом, спохватившись, вспоминает о нас и улыбается…

Пацаны на Ват Пноме

Был март, середина сухого сезона, когда всё цепенеет в ожидании дождей, а уровень воды в реке Тонлесап падает на несколько метров. И лишь на обнажившихся от воды берегах зеленеют огороды, которым суждено через три-четыре месяца снова уйти под воду.

Днем ртуть поднималась до сорокаградусной отметки; вода в тазу, вынесенном на крышу нашего дома, прогревалась настолько, что вполне годилась для стирки. Полуденная дрёма часа на три окутывала город. И только на городских рынках продолжалась ленивая торговля.

В тот знойный мартовский день я забрел на Ват Пном — Храмовый Холм. С ним связано предание о некой благочестивой и богатой вдове Пень. Однажды во время разлива, рассказывает легенда, к ее дому прибило дерево. В дупле его вдовица обнаружила четыре бронзовые статуи Будды и каменную статую какого-то божества. Госпожа Пень позвала соседей и сказала им, что надлежит насыпать молитвенный холм к западу от ее дома. Соседи помогли ей воздвигнуть холм, потом распилили дерево, сделали из него алтарь, который и водрузили на самой вершине рукотворной горы. Там и поставила вдова Пень четыре бронзовые фигурки. А каменную статую установили у восточного подножия горы. Позже на холме построили пагоду Ват Пном Дон Пень — Храм на горе госпожи Пень, — а местность вокруг холма назвали Пномпень. Произошло все это шестьсот лет назад…

Сейчас на ступеньках пагоды сидели два пожилых буддийских монаха и безмолвно смотрели в жаркую мартовскую даль.

— Полпотовцы не щадили никого и ничего, — с горечью рассказывал мне архитектор Ти Яо. — Ват Пном не избежал разрушения. В руинах многие строения на холме, разворованы священные статуи. Мы пытаемся спасти и сохранить уцелевшие.

Ват Пном сейчас лишен буйной тропической зелени. Она расцветет с началом сезона дождей. Среди руин чудом уцелевшая пагода, но и она требует серьезного ремонта.

В туристских проспектах, который выпускала пресс-служба принца Нородома Сианука, Ват Пном был другим. Красивым и неосязаемым.

И я вдруг представил себе туристов, увешанных кино- и фотоаппаратами. Я представил себе этих туристов, отщелкивающих свою порцию буддийской экзотики, и тут вспомнил о поселке Кандальстыонг, где мы снимали телевизионный очерк о преступлениях полпотовского режима.

Было это около года назад, когда жилось кампучийцам еще трудно, когда решалась судьба первого полноценного урожая риса, когда не хватало продовольствия, и народные власти распределяли между крестьянами продукты, полученные по каналам международной помощи.

Вместе с нами в Кандальстыонг приехали несколько американских, канадских и английских журналистов.

Работали они в прямом смысле слова в поте лица: щелкали затворами, снимая крупным планом изможденные лица крестьян, банки с кукурузным маслом, мешки с рисом, молодых ребят из отряда народной милиции, наблюдавших за порядком при распределении…

Некоторые фотографии я встречал потом в журналах и газетах. Среди тех журналистов нашлось несколько честных, которые написали правду.

А остальные?

Их профессионально сделанные снимки сопровождались комментариями, из которых вытекало, что голод завершит истребление нации, что страна стоит на краю гибели и что виноваты во всем народно-революционные власти и вьетнамцы.

Клевета, чудовищная по мысли, была для этих газет заурядной. Им ничего не стоило обвинить людей, спасших свою страну и народ от полного уничтожения, людей, поднявших знамя борьбы и изгнавших убийц из Кампучии, в неспособности руководить государством. Им ничего не стоило — а вернее, за это здорово платили, — обвинить братский народ Вьетнама, с которым кампучийцев связывают долгие годы совместной борьбы против французских колонизаторов и американской агрессии, в интервенции.

Ложь сопровождалась воплями о трагедии Кампучии. Но они не захотели вспомнить о трагедии, разыгравшейся с приходом к власти пропекинской клики, бросившей страну на грань гибели. Теперь они редко приезжают в Кампучию. Голода нет, лица у

людей открытые и весёлые.

…Мальчишеский смех вернул меня на лестничную площадку Ват Пнома. Пномпеньским пацанам, озорным, юрким, общительным, как все мальчишки мира, видно, тоже не спалось в полуденную жару. Они пришли сюда посмотреть на змею.

— Какую змею? — переспросил я.

— Большую, как Наг, — сказал самый бойкий.

— Черную, — тихо добавил другой. Глаза у них блестели от ужаса и восторга.

Обойдя пагоду и затаив дыхание, мы заглянули в высохший колодец. На дне его лежала крупная кобра. Змея зашипела и уползла в щель между камнями. Ребятишки сокрушенно цокали языками, что выражало крайнюю степень огорчения, и через мгновение рассыпались по склону холма.

Монахи все так же отрешенно сидели на ступеньках храма, когда пришли несколько женщин с дарами — рисом, бананами, ананасами…

Было три часа пополудни, и солнце уже палило помилосерднее. Город просыпался. Кто возвращался на работу после обеденного перерыва, кто шел на рынок; продавцы сигарет, сладостей, уличные кулинары уже выставили на тротуарах свои лотки. Тяжелые грузовики и канареечные «Лады», крестьянские повозки, велорикши и велосипедисты катили по проспекту Сон Нгок Мина. (Сегодня проспект имени основателя камбоджийской компартии вновь переименовали в бульвар Нородома. В Камбодже снова королевский режим — В.П.). Пестрота, шум, пульсирующая жизнь.

И множество детей — на руках или на бедре у матери или семенящих следом. Они родились и сделали первые шаги на освобожденной, оживающей земле.

Я неспешно шёл по широкому тротуару проспекта, мне улыбались, я улыбался, здоровался со знакомыми.

Рыбаки Чран Чомреса

Рынка в столице никак не миновать. Сначала ездишь туда просто купить фруктов и овощей. Постепенно рынок все больше привлекает яркостью красок, опьянением запахов, многообразием лиц. И начинаешь пристальнее вглядываться в его не сразу понятную жизнь.

В годы полпотовского лихолетья рынки были уничтожены. Плоды труда крестьян, рыбаков, кустарей, охотников присваивались теми, кто превзошел своих пекинских наставников

в масштабах «культурной революции». Порою и сейчас люди, потерявшие друг друга в изгнании, встречают здесь родных или знакомых, от которых узнают о судьбе пропавших.

Рынки стали возникать по всей стране сразу же после изгнания из Пномпеня полпотовского воинства, еще долгие годы сопротивлявшегося в сельских районах и джунглях. Тогда еще не была введена денежная система и торговля была меновая. Основой обмена был рис. Его меняли на рыбу, овощи, фрукты, кусок ткани для саронга, сорочку или сандалии.

Когда народно-революционные власти ввели в обращение риели народной Кампучии, торговля заметно оживилась. На укреплении позиций возрождающейся экономики страны благотворно сказался хороший урожай риса, собранный в сухой сезон 1981 года. Рыночная цена риса приблизилась к государственной.

Говорят, по потреблению рыбы на душу населения кхмеры занимают одно из первых мест в мире. В рыбных рядах чего только не увидишь. В тазу извиваются угри, рядом в корзинке трепещет мелкая рыбешка — из нее хозяйки изготовляют пахучий рыбный соус. Полутораметровая рыбина, пойманная в реке Тонлесап, соседствует с кучкой «туполобиков», выловленных в жидкой грязи на рисовых полях. Крабы, креветки утреннего улова копошатся на лотках и в ящиках.

Рыбой богаты реки и каналы, пруды и озера, среди которых первое место в промысле занимает Великое озеро Сап.

На улицах поселка Чран Чомрес, что на окраине Пномпеня, по утрам народу и не видно. Все население на реке. В начале сухого сезона путина в разгаре: в это время воды Тонлесапа текут обратно в Меконг, с ними приходит и рыба из Великого озера.

Долбленки, катамараны снуют меж неподвижных плотов. Плоты заякорены посреди реки. На них лебедки да легкие навесы. Несколько раз в день вытаскивают невода. Улов поскорее доставляют на берег, какую-то часть обрабатывают здесь же, но большую часть отправляют в Пномпень. На берегу молодые женщины под руководством двух стариков чинят сети. Расположились они у просторного строения — навес и одна стена. В провинциях под такими же навесами располагаются деревенские кузницы, сельские школы. Население поселка — чамы — одно из национальных меньшинств, которое исповедует ислам, и навес в Чран Чомресе — мечеть.

Из обвинения Народно-революционного трибунала, вынесшего смертный приговор палачам:

«Пол Пот — Иенг Сари намеревались уничтожить мусульман. Проводя политику насильственной ассимиляции, они

организовали преследования и убийства ряда видных деятелей ислама. Почти 90 процентов мусульманского населения было уничтожено… Все 114 мечетей были разорены и разрушены. Некоторые из них взорваны динамитом, снесены бульдозерами».

В Чран Чомресе навес служит и школьным помещением. Уцелевшие чамы после освобождения вернулись в родные места. Вернулись к привычному своему занятию — рыбной ловле.

Во время всеобщих выборов в местные органы народной власти, проведенных в Кампучии в марте 1981 года, мечеть в Чран Чомресе стала избирательным участком. Первыми голосовали старики — им здесь уважение и почет.

Рыболовецкая артель получает кредиты от государства на приобретение снастей, моторов для лодок, рис по государственным ценам, соль, некоторые промышленные товары. Расплачиваются рыбаки частью своего улова, остальное везут на рынок.

Жених и невеста с улицы Самдех Пан

Всю ночь шел дождь. Странно было видеть сине-голубое пномпеньское небо посеревшим.

На улице голые малыши плескались в разлившейся после ночного дождя луже, где-то горланил петух, проспавший из-за дождя утро.

И тут приехал Сомарин.

…Когда мы только приступали к съемкам телерепортажей, утром в гостиницу явился смуглый молодой человек в рубашке, брюках цвета хаки, в сандалиях из автомобильных покрышек. Он назвал свое имя — Сомарин и сказал, что нас ждут в школе Сантомо.

По дороге в школу молодой человек был сдержан, озабочен и беспрестанно писал в своем блокноте французские фразы: как я понял, он всерьез учил этот язык.

Полдня мы снимали и записывали в школе Сантомо. Рассказы учителей, рисунки школьников, которые сохранили эпизоды пережитой трагедии, школьные классы, еще полупустые, лица ребят, их не по годам серьезные глаза. Все, с чем мы столкнулись в то утро, потрясло нас. Наш гид был незаменим: быстро и точно переводил, помогал…

Снимали мы много, и Ук Сомарин как-то незаметно стал членом нашей группы.

Вместе мы исколесили больше половины провинций Кампучии и съели не один фунт соли. Впрочем, о соли позже.

Итак, этим пасмурным утром прикатил на велосипеде Сомарин.

— Мой друг сегодня женится, — сказал Сомарин после обычных приветствий и расспросов о житье-бытье. — И он очень хочет, чтобы ты пришел на его свадьбу.

И мы отправились на одну из многочисленных улочек, веером расходящихся от центрального рынка.

Перед домом, украшенным гирляндами и цветными фонариками, собрались детвора, соседи, просто прохожие.

Из-за угла раздались звуки барабана — и появились жених и невеста. Жених был в темном пиджаке, белой рубашке и при галстуке, но вместо брюк на нем был коричневого цвета сампот.

Сампот — разновидность традиционного кхмерского саронга — куска хлопчатобумажной, а в праздники шелковой ткани, которая обертывается вокруг нижней части туловища. Сампот представляет нечто вроде штанов: концы ткани продеваются между ног и, подтянутые выше колен, закрепляются у талии на спине.

Обут был жених в сапожки на толстой подошве и белые гольфы.

Сампот невесты был бордового цвета, белая блузка без рукавов плотно облегала тело. Масса всевозможных украшений — браслеты на запястьях и щиколотках, диадема в черных, собранных в пучок волосах, ожерелья — не затмевала красоты девушки.

За женихом и невестой шли барабанщик, подружки и друзья. На подносах подарки — кто, чем богат. Свертки в белой бумаге, перевязанные яркими ленточками, ананасы, бананы, плоды кросанга, апельсины и грейпфруты, арбузы и дыни, арахис, подвяленные на солнце ракушки.

Кхмерские свадьбы необычайно богаты действами и длятся три, а то и четыре дня. Но самое главное совершается в первый день.

Когда жених и невеста опустились на колени на циновку у входа, бойкий пожилой мужчина, пританцовывая и напевая, пошел вокруг молодых. Ему подали серебряные ножницы на подносе, и мужчина состриг по пряди волос у новобрачных.

— Это на счастье, — объясняет Сомарин. — Союз молодых должен быть прочным, его скрепляют на всю жизнь.

Мужчина все кружил и пел какие-то добрые и веселые песни.

Ким Сок Бол — так зовут жениха — работает в пномпеньском порту. Ему двадцать пять лет. До 1975 года был первокурсником политехнического института; потом изгнание, каторжный труд на полях одной из полпотовских коммун в провинции Баттамбанг.

После освобождения вернулся в Пномпень, где нашел отца и двух братьев. Мать и старшая сестра умерли в 1977 году.

Биография его невесты, двадцатидвухлетней Хенг Тирит, тоже неотделима от судьбы поколения. Годы полпотовского террора, лишений и потерь…

Церемониймейстер свадьбы, сорокапятилетний Хеп Тиен, рассказал нам, что вся его семья погибла в жаркие апрельские дни семьдесят пятого года, когда их гнали по дороге на Кампонгсаом. В его глазах блестели слезы.

На кхмерской свадьбе гости сидят небольшими компаниями, а жених с невестой переходят от одной группы к другой. Так что «горько!» на кхмерской свадьбе не кричат.

Подали фрукты. Ломтики дыни посыпаны сахаром. А вот дольки грейпфрутов, апельсинов, куски ананаса и арбуза посыпаны крупномолотой солью.

Ананасы с солью — это не только вкусно, но и полезно, потому что соль снижает действие кислоты, разрушающей эмаль зубов. Что же касается цитрусовых и арбуза, я предпочел бы их в натуральном виде, но кхмеры едят с солью. Я скоро привык к этой кухне. Вот так мы и съели с Сомарином не один фунт соли.

Меж тем первый день свадьбы подходил к концу. Молодежь неутомимо танцевала рамвонг. Впереди шла девушка, за ней юноша, потом девушка и так далее, и так далее… Они ритмично двигаются по кругу, согласно взмахивая кистями рук. У меня танец не особенно удавался, но не участвовать в рамвонге невозможно.

Вот и к нашему столу подошли молодые.

Нас фотографируют.

— На счастье, — говорит Сомарин. — На память.

На тихой улице мы прощаемся. На черном небе проступили звезды, повис месяц.

Я благодарю Сомарина за радость, подаренную в пасмурный день. Он смотрит на часы.

— Влетит мне от жены, — говорит он преувеличенно испуганно; потом тихо, серьезно добавляет: — Пасмурный сезон у нас кончился.

И уезжает на своем велосипеде с латаными-перелатаными покрышками. Мой друг Сомарин.

Пномпень — Москва.

Это была моя первая большая публикация. Писал я её трудно. И многое из того, о чём хотелось рассказать в очерковые зарисовки не вошло. Хотя журнал «Вокруг света» был менее

остальных изданий идеологически ангажирован, без идеологии не обошлось. Да и виделось мне тогда многое совсем в другом цвете, чем сегодня.

Поэтому я решил сначала рассказать о том, как этот очерк создавался и републиковать его в том виде, как он появился в журнале.

А уже во второй части моих воспоминаний о Пномпене я постараюсь изложить всё, что осталось за кадром телерепортажей, хотя кто их сегодня помнит? И о том, что никак не могло войти даже в такой замечательный журнал, как «Вокруг света».